Сам. обр. 2006

СКАН РНБ
„Книжные памятники"
06. 2023

[illegible]

1/366 δ
M 1-3

Ма246

1/366 б 1812
ч. 1
N 1-3

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЙ

ВѢСТНИКЪ,

Издаваемый

Обществомъ Любителей Словесности,
Наукъ и Художествъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Морской Типографіи 1812.

Шесть экземпляровъ доставлены въ С. П.
бургскій Цензурный Комитетъ.

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ЯНВАРЬ 1812. No 1.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

Нѣчто о журналахъ.

У насъ такъ мало хорошихъ Литтературныхъ журналовъ, что всякое подобное изданіе будетъ успѣшно, естьли только займутся имъ люди свѣдущіе и безпристрастные (*). Польза хорошаго журнала очевидна. Словесность наша не совсѣмъ еще образовалась, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ; молодые наши писатели не имѣютъ еще довольно образцовъ предъ собою, не знаютъ чего избѣгать имъ должно и чему слѣдовать. Одни съ необдуманнымъ упорствомъ пренебрегаютъ чтеніе хорошихъ иностранныхъ книгъ, изъ которыхъ на-

(*) Не приписывая себѣ всѣхъ свѣденій, необходимыхъ для журналистовъ, мы можемъ по крайней мѣрѣ ручаться за свое безпристрастіе. *Издатели.*

учились бы они познавать недостатки предшественниковъ своихъ, и которыя могли бы отчасти замѣнить имъ драгоцѣнную опытность, пріобрѣтаемую лѣтами. Другіе, прилѣпясь единственно къ иностранцамъ, не читаютъ ничего рускаго, и потому не умѣютъ писать на своемъ языкѣ. Обѣ сіи крайности весьма опасны, часто и для опытныхъ людей. Долгъ журналиста есть показать юношеству средину между сими заблужденіями, и ободрять молодыхъ подвижниковъ на славномъ, но скользкомъ ихъ поприщѣ, по мѣрѣ ихъ дарованій.

Все можетъ входить въ составъ такого журнала: словесность, извѣстія о важныхъ открытіяхъ въ наукахъ и искусствахъ, и проч; но главною цѣлію онаго должна быть—критика. Издатель знакомитъ читателей своихъ съ новѣйшими произведеніями отечественной словесности (а иногда разбираетъ и старыя, когда почтетъ ихъ достойными особеннаго вниманія), показываетъ ихъ красоты и недостатки, сравниваетъ, и т. п. Судъ его долженъ всегда быть умѣренъ и безпристрастенъ. Смѣло и съ удовольствіемъ хвалитъ онъ что есть

хорошаго въ посредственныхъ писателяхъ; смѣло, но съ прискорбіемъ и уваженіемъ, замѣчаетъ недостатки въ извѣстныхъ. Онъ никого не оскорбляетъ язвительными словами или презрѣніемъ, и весьма осторожно употребляетъ опасное оружіе насмѣшки: но ничто не удержитъ истиннаго Литтератора возставать противъ злоупотребленій и расколовъ, вводимыхъ въ языкъ нашъ.

Изъ сего видно, что хорошимъ журналистомъ не такъ легко быть, какъ обыкновенно думаютъ. Чѣмъ болѣе имѣетъ онъ основательныхъ познаній во всѣхъ частяхъ, тѣмъ лучше бываетъ его изданіе; ибо, кромѣ словесности, всѣ науки, искусства и художества принадлежатъ къ обширному кругу его занятій. Разберемъ порознь сіи части, посмотримъ на какіе предметы болѣе всего должно быть устремлено его вниманіе.

Разсуждая о книгахъ, относящихся къ какой нибудь наукѣ, журналистъ обязанъ не только имѣть ясное объ ней понятіе, но еще умѣть говорить съ пріятностію. Онъ долженъ отнимать отъ учености все терніе, не обременяя однакожъ ее совсѣмъ неприличными цвѣ-

тами. Не худо, естьлибы журналисты наши были столько свѣдущи, что могли бы иногда, при случаѣ, давать читателямъ краткое понятіе объ исторіи наукъ и сравнивать состояніе оныхъ у Грековъ и Римлянъ съ нынѣшнимъ. Многимъ, даже свѣтскимъ людямъ, было бы очень пріятно видѣть въ нѣсколькихъ страницахъ постепенный ходъ ума человѣческаго, и успѣхи его въ открытіи таинствъ Природы. Какая разность, на примѣръ, между нелѣпыми бреднями древнихъ объ Астрономіи, и математическими доказательствами великаго Ньютона; между слабыми, ограниченными познаніями Грековъ въ Физикѣ, и пространнымъ полемъ, отверзтымъ неусыпными трудами новѣйшихъ испытателей! — Но съ другой стороны надлежитъ остерегаться, чтобы читателямъ не наскучить безпрестанными учеными разсужденіями. Журналъ не долженъ быть полнымъ курсомъ какой нибудь науки; и то, что мы съ большимъ вниманіемъ слушаемъ на лекціяхъ, не всегда нравится намъ въ срочномъ изданіи, гдѣ пріятное часто предпочитается полезному.

Метафизика и Философія претерпѣли столько перемѣнъ въ теченіи прошедшаго вѣка, и злоупотребленіе сихъ наукъ произвело столько бѣдствій, что разсуждать о нихъ должно съ величайшею осторожностію. Ужасныя произшествія, недавно возмутившія спокойствіе Европы, довольно показали сколь пагубны могутъ быть всякія новизны въ Философіи и Политикѣ, когда необузданное властолюбіе и другія страсти обращаютъ ихъ въ свою пользу. И такъ журналистъ разсматривая сочиненія сего рода, долженъ удаляться отъ всякихъ излишнихъ сужденій и, предложивъ вкратцѣ основанія книги, хвалитъ или охуждаетъ оную по мѣрѣ пользы или вреда, которые она общественному благоустройству принести можетъ.

Наконецъ, говоря объ Исторіи, должно признаться, что, не взирая на труды многихъ почтенныхъ и знающихъ людей, у насъ нѣтъ еще отечественной Исторіи. Татищевъ, Щербатовъ, Болтинъ и въ наше время Шлецеръ оказали великія услуги, собравъ и по возможности объяснивъ наши лѣтописи, и такимъ образомъ приготовивъ отчасти матері-

алы для будущаго Историка: но сами не получили права на сіе названіе. Донынѣ Юмъ и Робертсонъ не имѣютъ между нами достойныхъ соперниковъ; и притомъ у насъ весьма трудно достигнуть до ихъ славы. Единственные путеводители наши въ древности суть Несторъ и его послѣдователи; лѣтописи ихъ довольно подробны, но въ оныхъ мы болѣе видимъ описаніе воинскихъ подвиговъ, нежели Исторію народнаго духа, нравовъ и обычаевъ нашихъ предковъ. Въ другихъ земляхъ недостатокъ сей вознагражденъ по крайней мѣрѣ множествомъ источниковъ, и трудолюбивый писатель можетъ иногда познавать истину сличеніемъ разныхъ лѣтописей и времени, въ которое онѣ сочинены были: но мы лишены сего пособія, и должны блуждать во мракѣ отдаленныхъ вѣковъ, имѣя вождемъ одного Нестора, во многихъ мѣстахъ обезображеннаго переписчиками. При всемъ томъ мы можемъ надѣяться, что скоро всѣ сіи трудности будутъ преодолѣны, и что лучшій Прозаистъ нашъ будетъ первымъ рускимъ Историкомъ.

Что касается до изящныхъ искусствъ и художествъ, що весьма полезно бу-

детъ показать сколь много успѣли наши соотечественники въ теченіи одного столѣтія, и замѣтишь, что хотя они долго не прилѣжали къ наукамъ, но могутъ нынѣ во многомъ равняться со всѣми другими народами. Нынѣ въ самомъ Парижѣ, средоточіи просвѣщенія, удивляются мастерскимъ произведеніямъ нашихъ художниковъ.

Перейдемъ теперь къ словесности, главной цѣли критическаго журнала, и начнемъ съ твореній эпическихъ и лирическихъ, въ которыхъ болѣе всего отличились наши писатели.

Ломоносовъ, отецъ Россійскаго стихотворства, первый со славою открылъ намъ поприще Эпопеи. Херасковъ за нимъ послѣдовалъ, и даже превзошелъ его въ своей Россіадѣ.

Эпопея есть плодъ величайшихъ усилій ума человѣческаго и торжество стихотворческаго духа. Все оживляется въ Природѣ и пріемлетъ другой видъ подъ волшебною кистію Поэта; онъ творитъ новый міръ, коего идеалъ существуетъ въ одномъ его воображеніи, украшаетъ созданное имъ всѣми прелестями сладкогласія, трогаетъ сердца и

владычествуетъ надъ умами. Сущность Эпической Поэмы составляютъ великолѣпіе въ картинахъ, возвышенность въ мысляхъ, пышность въ описаніяхъ. По словамъ Буало, la poésie épique

Dans le vaste récit d'une longue action,
Se soutient par la fable, et vit de fiction.
Là, pour nous enchanter, tout est mis en usage;
Tout prend un corps, une ame, un esprit, un visage.
Chaque vertu devient une divinité;
Minerve est la prudence, et Vénus la beauté:
Ce n'est plus la vapeur qui produit le tonnerre,
C'est Jupiter armé pour effrayer la terre.

Не взирая на сіе, во Франціи были люди, которые по слѣпому предубѣжденію хотѣли изгнать баснословіе изъ Эпической Поэзіи. „Сіи враги изящныхъ искусствъ, говоритъ Вольперъ, желали истребить древнее баснословіе какъ собраніе сказокъ недостойныхъ важности нынѣшнихъ нравовъ, и даже почитали Фенелона идолопоклонникомъ за то, что онъ низводилъ Купидона къ Нимфѣ Евха-

рисѣ, по примѣру беззаконной Поэмы Енеиды.“ Всеобщее посмѣяніе тогда было достойнымъ отвѣтомъ на сіи нелѣпыя мнѣнія: но съ нѣкотораго времени они стали и у насъ появляться ко вреду словесности. Иносказаніе и баснословіе украшаютъ Апологъ, оживляютъ Оду, придаютъ болѣе важности и великолѣпія Трагедіи, и составляютъ существенную часть Эпопеи, *питающейся вымысломъ.* Естьли изгнать ихъ изъ Поэзіи, то чѣмъ замѣнятся прекраснѣйшія иносказанія богини Мудрости, исходящей изъ главы Зевсовой; Кипридина пояса, придающаго красотѣ несравненную прелесть; или Пандорина ящика, на днѣ коего осталась надежда, утѣшительница смертныхъ? Ужели симъ остроумнымъ выдумкамъ можно предпочесть ученическія восклицанія, или пустый наборъ неупотребительныхъ словъ? и къ чему заимствовать одни заблужденія Французовъ, не подражая красотамъ ихъ писателей! . . Я знаю, что въ наше время стихотворецъ, воспѣвающій подвиги Христіанскаго Героя, не можетъ всегда по произволенію вводить баснословныхъ лицъ: но, не говоря уже объ иностран-

цахъ, вспомнимъ только съ какимъ искусствомъ, съ какимъ успѣхомъ воспользовался Херасковъ баснословными вымыслами въ своихъ Поэмахъ; и кто изъ читателей не восхищается его Казанскимъ лѣсомъ и царствомъ Зимы!

Другое заблужденіе, не менѣе сего странное, состоитъ въ смѣшеніи Эпопеи съ Одою подъ именемъ *Лирическаго пѣснопѣнія*. Но что значитъ самое сіе названіе? Эпопея есть стихотворное повѣствованіе о какомъ нибудь важномъ и чудесномъ произшествіи, а Ода пламенное изліяніе чувствъ нашихъ при внезапномъ ощущеніи великой радости или печали. Первая въ продолженіи многихъ пѣсней непрестанно увеличиваетъ въ читателѣ вниманіе и любопытство; вторая не можетъ быть продолжительна, ибо восторгъ, составляющій существенную часть ея, скоро исчезаетъ. Изъ сихъ опредѣленій видно, что сіи два рода совершенно противоположены одинъ другому; и самый слогъ ихъ не долженъ быть одинаковъ. Важность и великолѣпіе приличны Эпопеѣ, быстрота и живость Одѣ: можно ли согласить столь разныя свойства?

Всѣмъ извѣстны разныя отрасли Поэзіи Лирической; всякому легко опредѣлить главныя качества каждаго рода, и сказать, что Гимнъ посвященъ Божеству, а Ода прославляетъ подвиги Героевъ или подаетъ мудрыя наставленія Царямъ и народамъ; что Анакреонтическая Ода воспѣваетъ сладости любви; что пѣсни вообще суть тихое изліяніе пріятныхъ и горестныхъ ощущеній, производимыхъ домашнею или общественною жизнію — но весьма трудно постановить непремѣнныя правила для каждаго рода, а особливо для Оды, предписать законы восторгу и размѣрить быстрое паренiе Генія. Поэтъ, увлекаемый непреодолимою силою, повидимому забываетъ всѣ правила, мгновенно переходитъ отъ одного чувства, отъ одной мысли къ другимъ, и часто смѣлость сихъ переходовъ составляетъ главнѣйшую красоту Оды. Требовать отъ стихотворца прозаической точности и длинныхъ періодовъ, значило бы обезсилить его, налагая тяжкія цѣпи, и заставить влачиться по землѣ, когда пламенное воображеніе возноситъ его къ солнцу.

Изъ сего однако не слѣдуетъ, что бы Ода и всякое вдохновенное стихотвореніе могли существовать безъ правилъ и плана. Мы восхищаемся обиліемъ мыслей и быстротою переходовъ: но Поэтъ въ самыхъ отступленіяхъ своихъ долженъ руководствоваться Логикою и всегда стремиться къ назначенной цѣли. Въ Одѣ, говоритъ Буало, прекрасный безпорядокъ долженъ быть дѣйствіемъ искусства; и законъ сей подтвержденъ примѣрами всѣхъ лучшихъ Лириковъ. Взглянемъ на 1ю Пиѳическую Оду Пиндара, или на прекрасную Руссову Оду къ Графу Дюлюку: какое удивительное соединеніе разсудка и воображенія, точности и восторга! Сіи-то качества составляютъ истинное достоинство Оды, которое отнюдь не должно полагать въ наборѣ пышныхъ словъ, или въ громкихъ восклицаніяхъ.

Нигдѣ, можетъ быть, не писали такого множества Одъ, какъ въ Россіи; правда, что большая часть изъ нихъ преданы забвенію: но въ словесности нашей осталось довольно образцовыхъ произведеній въ семъ родѣ. Ломоносовъ, предавшій безсмертію щастливыя царствова-

нія Елисаветы и Екатерины; Петровъ, воспѣвшій Чесменскую бишву, подвиги и смерть Князя Таврицы; Державинъ, пѣвецъ Бога и Фелицы, вознесли у насъ Лирическую поэзію и сравнялись съ лучшими стихотворцами древними и новыми. Изъ сихъ трехъ Лириковъ каждый отличается особенными свойствами и красотами; справедливая Критика, избѣгая безполезныхъ споровъ, сравниваетъ сочиненія сихъ Поэтовъ, удивляется, и не даетъ никому изъ нихъ первенства. Но при такомъ сравненіи не должно забывать и знаменитаго ихъ соперника, къ сожалѣнію нашему недолго бряцавшаго на лирѣ Гораціевой: покореніе Сибири и взятіе Варшавы столь же достойно воспѣты, какъ и паденіе Измаила.

Народныя наши пѣсни заслуживаютъ вниманіе журналиста, и онъ могъ бы оказать великую услугу словесности, выбравъ и разсмотрѣвъ лучшія изъ нихъ. Свойства ихъ вообще суть нѣжность въ выраженіи чувствъ и пріятное уныніе; а въ иныхъ примѣшенъ даже стихотворческій духъ, хотя весьма необразованный. Сіи драгоцѣнные остатки по большей части намъ самимъ неизвѣст-

ны, между тѣмъ какъ иностранцы гордятся предъ нами своими Бардами и Трубадурами. Я не говорю, чтобы съ ними могли сравняться старинныя наши пѣсни: но по крайней мѣрѣ можно бы доказать, что предки наши занимались не одними воинскими подвигами, но умѣли также чувствовать пріятности Поэзіи. Впрочемъ, издавая въ свѣтъ собраніе такихъ пѣсенъ или народныхъ сказокъ, не должно чрезъ мѣру выхвалять ихъ подобно книгопродавцамъ, объявляющимъ о новомъ романѣ. Утверждать, что выраженія: „на груди у него красное солнце, „во лбу свѣтелъ мѣсяцъ, въ затылкѣ ча„стыя звѣзды“ показываютъ *больше, нежели Гомерово исполинское воображеніе;* переходить *отъ сего поразительнаго мечтанія* къ *удивительной нѣжности* въ описаніи красавицы, у которой видно „какъ „изъ косточки въ косточку можжечокъ „переливается“ и потомъ говорить *о тонкости, съ какою древніе наши писатели умѣли представлять себѣ красоту женскую* — значитъ насмѣхаться надъ читателями и отвращать ихъ отъ чтенія, къ коему ихъ пріучить надлежало.

Многіе почитаютъ басню самымъ легкимъ родомъ стихотворства, но въ томъ весьма ошибаются. Будучи равно удалена отъ высокопарности и отъ площадныхъ выраженій, басня требуетъ простоты, но простоты изящной; подъ симъ покровомъ любитъ скрываться истина, которая рѣдко нравится намъ, когда предстаетъ обнаженною. Шутливость, легкость, пріятная философія, а особливо нравственная цѣль — вотъ главныя черты басни; и мы смѣло похвалишься можемъ, что у насъ много образцовъ въ семъ родѣ.

Говоря о басняхъ, журналистъ не долженъ судить по одному какому либо изъ вышесказанныхъ свойствъ, но по удачному или неудачному соединенію всѣхъ оныхъ. Не трудно найти нѣсколько гладкихъ и замысловатыхъ стиховъ въ самомъ посредственномъ сочиненіи, но трудно Поэту выдержать вездѣ равенство въ слогѣ и въ ходѣ мыслей. Лучшее средство судить о достоинствѣ сочиненія есть подробный разборъ онаго, или сравненіе съ другими подобными твореніями хорошихъ писателей. Такъ и здѣсь: многіе наши стихотворцы пе-

реводили однѣ и тѣже басни изъ Лафонтена, Флоріана, и другихъ; журналистъ обязанъ сравнить сіи переводы, слогъ оныхъ, искусство въ выраженіи мыслей подлинника, живость въ разсказѣ—и тогда безъ всякой натяжки, не руководствуясь общею молвою, покажетъ кто изъ соперниковъ превзошелъ другаго. Такое сужденіе принесетъ истинную пользу, и заслужитъ одобреніе всѣхъ безпристрастныхъ читателей.

Не восходя къ началу Драматическаго искусства, и не предпринимая объяснять Аристотелевыхъ правилъ, скажемъ, что театръ нашъ, особливо Трагическій, образовался подраженіемъ Французскому. Стихотворцы наши брали изъ Расина и Вольтера цѣлыя явленія, цѣлыя роли, и удачнымъ перенесеніемъ чужихъ красотъ въ Руской языкъ обогатили оный. Однакоже должно признаться, что у насъ еще очень мало хорошихъ Трагедій, и что самая склонность молодыхъ писателей нашихъ къ театру вредитъ его успѣхамъ. Въ семъ случаѣ польза хорошаго журнала ощутительна. Ободряя молодыхъ стихотворцевъ къ усовершенствованію ихъ дарованій, можно бы дать

имъ почувствовать, что Корнель и Расинъ, не спѣша приниматься за Трагедіи, сперва выучились основательно своему языку, и заштвердили всѣ правила драматическаго искусства; что они дѣйствовали болѣе воображеніемъ, нежели памятью, и не хватали по нѣскольку стиховъ изъ разныхъ писателей; наконецъ, что прекрасную трагедію перевести хорошо почти также трудно, какъ и сочинить самому. Сіи замѣчанія относятся конечно не ко всѣмъ нашимъ Трагикамъ: Сумароковъ, Княжнинъ, Озеровъ, будутъ всегда занимать отличное мѣсто на Россійскомъ Парнасѣ.

Комедіи Фонъ-Визина и Княжнина во многомъ не уступаютъ лучшимъ произведеніямъ Французской Таліи. Первый заслуживаетъ особенное вниманіе силою и точностію въ изображеніи нравовъ; вторый, ни мало не уступающій Фонъ-Визину въ сихъ двухъ качествахъ, но болѣе его подражавшій Французамъ, отличается красотою стиховъ, изъ коихъ многіе вошли уже въ пословицу. Нынѣ, къ сожалѣнію, весьма мало слѣдуютъ примѣру сихъ двухъ Комиковъ, и стараются только смѣшить зрителей, часто

на щетъ благопристойности, забывая главную цѣль комедіи — исправленіе нравовъ. — Что-жъ касается до новоизобрѣтенныхъ *Драматическихъ представленій*, въ которыхъ не соблюдены никакія правила, нѣтъ единства ни дѣйствія, ни мѣста, ни времени, которыя наполнены ошибками и не замѣняютъ ихъ никакими красотами; то журналисту остается только съ прискорбіемъ говорить объ ихъ успѣхѣ и желать, чтобы ихъ порѣже играли.

Встарину одна эклога, одинъ мадригалъ, или даже небольшой переводъ въ прозѣ, напечатанный въ *Трудолюбивой Пчелѣ*, вели писателей прямымъ путемъ ко славѣ и доставляли имъ почетное мѣсто въ *Историческомъ Словарѣ* Новикова. Нынѣ, когда Россійская словесность изобилуетъ такими произведеніями, оныя гораздо менѣе уважаются, но конечно не престаютъ приносить читателямъ великое удовольствіе, естьли только хорошо написаны. Всякой день мы видимъ новые труды стихотворцевъ нашихъ: то прекраснѣйшія баллады, то хорошія посланія, элегіи, надписи, и т. п; все сіе можетъ служить украшеніемъ

журнала, когда будетъ помѣщаемо со вкусомъ и разборчивостію. Тоже можно сказать о прозаическихъ отрывкахъ, относящихся до Исторіи, нравственности и краснорѣчія, о разныхъ новѣйшихъ повѣстяхъ, сказкахъ и анекдотахъ: содержаніе Литературнаго журнала должно быть разнообразно, ибо читатели не любятъ безпрестанно заниматься важными разсужденіями, и часто требуютъ пріятнаго отдохновенія.

Нынѣ слишкомъ пренебрегаютъ изученіемъ древнихъ языковъ, безъ которыхъ однакоже не можетъ существовать истинная ученость. Новѣйшіе языки весьма полезны для писателя; но древніе для него необходимы. Почти всѣ учебныя слова, по нуждѣ нами употребляемыя, взяты съ Греческаго: и человѣкъ, знающій сей языкъ, тотчасъ пойметъ значеніе каждаго слова, видя изъ чего оно составлено; но всякой другой будетъ только произносить пустые звуки, пока съ трудомъ не затвердитъ его опредѣленія. Множество прекраснѣйшихъ книгъ на Греческомъ и Латинскомъ языкахъ образуютъ вкусъ читателя, подавая ему вмѣстѣ и правила и примѣры. Ученые и

художники найдутъ въ нихъ обильную пищу для разсудка и воображенія, а искусный журналистъ пространное поле для сравненія новѣйшей словесности съ древнею. Не должно думать, чтобы мы во всемъ превзошли Грековъ и Римлянъ: мы во многомъ еще остались позади ихъ. Сколь бѣдно, на примѣръ, краснорѣчіе наше въ сравненіи съ безсмертными твореніями Демосѳена и Цицерона. Сколь сухи предъ ними почти всѣ наши напыщенныя похвальныя слова и рѣчи, или разсужденія, неимѣющія ни плана ни связи въ мысляхъ!

Скажемъ въ заключеніе, что журналистъ долженъ по возможности обработывать слогъ свой, и не впадать въ тѣ самыя ошибки, которыя замѣчаетъ въ другихъ. Могутъ ли просвѣщенные люди довѣрять сужденію того, который пишетъ: „разумъ, кажется, для того намъ „данъ, чтобъ насъ ссорить, когда мы „заблуждаемся; разумъ рѣже руководствуетъ насъ и управляетъ нами, не„жели сколько подается за нашими отъ „него уклонностями“ . . . . или: „человѣкъ „умѣющій постигать что нибудь въ нѣ„сколько щастливыхъ мгновеній своей

„внимательности, легко можетъ обра-
„шиться Геніемъ . . . Чувства должны
„означать себя не въ однѣхъ только дви-
„женіяхъ лица и жестахъ, но отличать-
„ся и въ самыхъ выраженіяхъ словъ, осо-
„бливо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поэтъ тре-
„буетъ, чтобъ оттѣнки его выразитель-
„ности были примѣтны только для зри-
„телей, чтобъ дѣйствующій выражалъ
„ихъ, не примѣчая своихъ выраженій, и
„гдѣ только одна внимательность не-
„вольно предугадываетъ и ожидаетъ за-
„нимательности отъ занимательнаго!!“
и проч. и проч.

Болѣе всего журналистъ долженъ остерегаться пристрастія, или гнусной зависти къ великимъ дарованіямъ. Заблужденія и ошибки простительны — онѣ суть неизбѣжный удѣлъ нашъ: но зависть неотмѣнно влечетъ за собою всеобщее презрѣніе! —

Д.

Слѣпой съ собакою.

Восточная повѣсть.

Старый Визирь и молодая наложница раздѣляли между собою привязанность Калифа Гаруна. Имѣя доброе, но слишкомъ чувствительное сердце, справедливый, но слабый умъ, Калифъ слѣдовалъ то строгимъ совѣтамъ Визиря, то сладострастнымъ урокамъ любовницы. „Сколь я тебѣ обязанъ, любезный Селимъ! говорилъ онъ Визирю, выходя изъ Дивана. Мудрый другъ есть величайшее благодѣяніе, которое Магометъ можетъ ниспослать Государямъ. Ты всегда будешь управлять моими поступками и отдалять меня отъ пропастей, которыми окруженъ я; раздѣляй со мною власть мою, которую ты сдѣлалъ любезною для моихъ подданныхъ и ужасною для сосѣдей; пусть воздаютъ другу моему такое же уваженіе какъ и самому мнѣ.“

„Прелестная Мирза! говорилъ Калифъ, приходя къ своей любовницѣ — я щастливъ только тогда, когда бываю съ тобою; ты обладаешь сердцемъ моимъ — обладай и моимъ Государствомъ; хочу, чтобъ воля твоя была священнымъ зако-

номъ; чтобы всѣ желанія твои были исполняемы; чтобы народъ мой преклонялъ колѣна предъ тою, которую я обожаю."

Мирза безпрестанно занималась удовольствіями Калифа; каждый день изобрѣтала для него какое нибудь новое увеселеніе. Никто не умѣлъ лучше прелестной Мирзы выдумывать игръ и забавъ и дѣлать ихъ разнообразными: словомъ сказать ни одна женщина не могла бы столь хорошо забавлять Государя, а эта должность при дворѣ не почитается маловажною.

Мудрый Селимъ, съ своей стороны, занимался только благополучіемъ народа и славою своего Государя. Онъ наблюдалъ за исполненіемъ законовъ; ободрялъ науки и искусства; старался привести въ совершенство торговлю и умножить доходы Калифа, не обременяя народа новыми налогами; установилъ во всемъ самый лучшій порядокъ и былъ благословляемъ всѣми за свою кротость и справедливость.

Селимъ сожалѣлъ о Калифѣ, который предавался сладострастію; къ тому жъ безпрестанные праздники Мирзы требовали великихъ издержекъ и поглощали

большую часть доходовъ. Это огорчало добраго Селима, и онъ одинъ былъ печаленъ среди всеобщихъ увеселеній. „Что сдѣлалось съ тобою, любезный Селимъ, спрашивалъ его иногда Калифъ; отъ чего ты печалишься? Скажи мнѣ, что для тебя нужно? Располагай моими сокровищами, моею властію, всемъ, чѣмъ обладаетъ другъ твой.“ Селимъ вздыхалъ и хранилъ молчаніе.

Однажды Калифъ усильнѣе обыкновеннаго просилъ Селима открыть печаль свою. Добрый Визирь не могъ долѣе принуждать себя, и рѣшился объявить Гаруну мысли свои о его поступкахъ. „Повелитель правовѣрныхъ! сказалъ онъ, ты щедро наградилъ меня за мои услуги, ты осыпалъ меня почестями и сокровищами, и мнѣ ничего болѣе не осталось желать, какъ славы твоей и щастія твоихъ подданныхъ.“ — Все это въ твоихъ рукахъ, любезный Селимъ, прервалъ Калифъ, не тебѣ ли обязанъ я своею славою и щастіемъ моего народа? — „Государь! отвѣчалъ Селимъ; твое довѣріе для меня драгоцѣнно, я стараюсь заслужить его моимъ усердіемъ; но позволь спросить тебя, можетъ ли рабъ составить

славу своего повелителя, и можетъ ли отецъ возложишь на другаго попеченіе о своемъ семействѣ? Дѣти его, привыкшіе лобызать руку, ихъ питающую, не узнаютъ ее болѣе, когда она ихъ оставитъ, и не будутъ болѣе повиноваться гласу, который сдѣлался для нихъ чуждымъ. Повелитель правовѣрныхъ! склонись на просьбы твоихъ подданныхъ; не допусти ихъ до того, чтобъ они забыли, что имѣютъ Государя. Завтра будутъ разсуждать въ Диванѣ о двухъ важныхъ дѣлахъ: удостой его своимъ присутствіемъ, покажи мудростію своихъ разсужденій, что естьли небо ввѣрило тебѣ верховную власть, то сіе потому, что ты достойнѣе всѣхъ обладать ею. Бываютъ случаи, въ которыхъ усердіе Визиря недостаточно, и въ которыхъ должно участвовать самому Государю, ибо власть его есть камень, о который разбиваются всѣ умыслы противные общему благу.“

Гарунъ обѣщалъ Селиму присутствовать на другой день въ Диванѣ, и Селимъ не преминулъ приготовить дѣла такимъ образомъ, чтобъ Государь его, совсѣмъ не разсуждая о нихъ, могъ положить мудрое рѣшеніе.

Визирь приходитъ на другой день по утру къ Калифу; радуется, что наослѣдокъ удалось ему изторгнуть Гаруна изъ объятій нѣги, и обратить къ долгу Государя; но по смущенному виду Калифа, по принужденнымъ разговорамъ, по ласкамъ его, Селимъ скоро узнаетъ, что слабый Гарунъ опять предался сладострастію, и что одни удовольствія могутъ тронуть душу его. „Мнѣ нельзя быть сегодня въ Диванѣ, говоритъ Калифъ, я не здоровъ, притомъ же я обѣщалъ провести весь день съ Мирзою. Будь въ Диванѣ вмѣсто меня, другъ мой: я одобрю все, что ты сдѣлаешь.“

Добрый Визирь выходитъ со слезами на глазахъ; онъ предвидѣлъ всѣ нещастія, которыя должны были произойти отъ неблагоразумія Гаруна. Печальный видъ Селима придалъ бодрость тѣмъ, которыхъ худыя намѣренія были бы уничтожены присутствіемъ Калифа. Послы сосѣдняго владѣльца, которые дѣлали справедливыя и весьма неважныя требованія, были отпущены безъ удовлетворенія; не смотря на сопротивленіе Визиря, сдѣланы были постановленія вредныя для торговли, и тягостные налоги.

Калифъ одобрилъ все безъ разбора. — Скоро увидѣли слѣдствія такого правленія. Государь, котораго требованія были отринуты, объявилъ войну; земледѣльцы, изнуренные налогами, оставили поля свои невоздѣланными, и торговля пришла въ упадокъ. Уныніе овладѣло всѣми состояніями.

Между тѣмъ должно было послать войско противъ непріятеля, который шелъ къ столицѣ. Селиму, какъ искусному полководцу, поручено начальство надъ войскомъ. Онъ выступилъ, и былъ столько щастливъ, что заперъ непріятелей въ такомъ мѣстѣ, откуда никакъ нельзя было выдти; недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ принуждалъ уже ихъ просить мира, какъ Селимъ получилъ самыя дурныя извѣстія изъ столицы. Тамъ все было въ смятеніи; ибо Гарунъ не занимаясь самъ дѣлами, послушался худыхъ совѣтовъ.

Только присутствіе Селима могло привести все въ надлежащій порядокъ, и потому онъ просилъ Гаруна, который имѣлъ склонность къ воинскимъ занятіямъ и былъ любимъ солдатами, принять начальство надъ войскомъ, пока онъ бу-

детъ стараться о внутреннемъ спокойствіи Государства. Симъ поступкомъ Селимъ не подвергалъ войско никакой опасности: ибо Калифу оставалось только ожидать со стороны непріятельской требованій о мирѣ.

Селимъ радовался, что могъ оставить Государю своему всю славу этого похода. Когда Калифъ пріѣхалъ въ лагерь, то Визирь сдѣлавъ ему нѣкоторыя наставленія, отправился въ столицу, гдѣ голодъ и безпорядки еще болѣе умножились со времяни отъѣзда Гарунова. Народъ принялъ Селима какъ своего спасителя: во всѣхъ сердцахъ надежда заступила мѣсто унынія и страха. Добродѣтельный Селимъ употребилъ собственныя свои сокровища на важнѣйшія нужды Государства; мудрость его возвратила столицѣ прежнее изобиліе, и отвратила всѣ бѣдствія угрожавшія народу. Все приведено было въ хорошій порядокъ, и Визирь отправился къ войску. Онъ удивлялся, не встрѣчая на пути своемъ гонцевъ съ извѣстіемъ о мирѣ; но удивленіе его еще болѣе умножилось, когда доѣхавъ до передовой стражи, онъ услышалъ, что Калифъ находит-

ся въ плѣну. Сначала онъ не вѣрилъ этому извѣстію, но пріѣхавъ въ лагерь, узналъ, что оно было справедливо. — Наложница, которая никогда не видала какъ бываетъ расположенъ лагерь, упросила Калифа взять ее съ собою. Однажды она вознамѣрилась сдѣлать великолѣпный праздникъ для Гаруна; сперва назначила она его въ главной квартирѣ, но потомъ показалось ей, что гораздо пріятнѣе будетъ сдѣлать его на одномъ прекрасномъ пригоркѣ, окруженномъ пальмами, и съ котораго можно было видѣть оба стана.

Непріятели, узнавъ это намѣреніе, послали къ пригорку отрядъ конницы; онъ скрылся между пальмовыми деревьями, и во время праздника похитилъ прелестную Мирзу, которая сошла съ пригорка, чтобъ погулять въ лѣсу. Тотчасъ сдѣлалась величайшая тревога; Калифъ, желая освободить свою любовницу, погнался за похитителями, и былъ столько неосторожень, что самъ попался къ нимъ въ руки.

Войско готовилось уже напасть на непріятеля, чтобъ освободить Гаруна, но Селимъ удержалъ воиновъ: ибо они непремѣнно были бы разбиты естьлибъ

отважились войти въ узкіе проходы, чрезъ которые должно было идти къ непріятельскому стану. Онъ предложилъ богатой выкупъ за Калифа. Выкупъ былъ принятъ и Гарунъ тотчасъ отпущенъ: непріятели опасались, чтобъ онъ не примѣтилъ дурнаго ихъ состоянія; но они удержали у себя Мирзу, надѣясь чрезъ то скоро получить выгодный миръ.

Сыдъ Гаруновъ равнялся съ радостію Селима. Повергаясь въ объятія мудраго Визиря, Калифъ клялся, что впередъ будетъ осторожнѣе, и ничего не предпріиметъ безъ его совѣтовъ. Селимъ могъ повѣрить симъ клятвамъ, ибо онъ зналъ, что нещастіе дѣлаетъ человѣка послушнымъ; но Гарунъ въ то же самое время началъ просить Визиря, что бы онъ употребилъ всѣ средства освободить прелестную Мирзу. Визирь обѣщалъ исполнить его желаніе, но просилъ, чтобы онъ по своей нетерпѣливости не потерялъ выгодъ, которыя имѣлъ надъ непріятелями. Чрезъ нѣсколько дней они сдѣлали предложеніе промѣнять на съѣстные припасы выкупъ, полученный за Калифа, и обѣщались сверхъ того отпустить Мирзу. Съ великимъ трудомъ

Визирь упросилъ Калифа, чтобъ онъ отринулъ предложеніе, и скоро послѣ сего непріятели должны были сдаться на договоръ. Гарунъ собиралъ уже плодъ мудрости своего Визиря, и готовился уже снова вкушать прелести любви въ объятіяхъ Мирзы, но какъ велика была его горесть, когда онъ узналъ, что красавица отказалась возвратиться къ нему, и была въ объятіяхъ новаго своего побѣдителя. Эта потеря была для Калифа гораздо чувствительнѣе, чѣмъ потеря его свободы.

Лишась любовницы, Гарунъ хотѣлъ отъ скуки заниматься самъ Государственными дѣлами; но онъ не имѣлъ опытности, и всякой разъ, когда поступалъ безъ совѣтовъ Селима, дѣлалъ важныя ошибки; безпрестанно онъ бывалъ обманутъ льстецами; на каждомъ шагу встрѣчались ему великія затрудненія. „Что мнѣ дѣлать? говорилъ онъ Селиму. Во всѣхъ намѣреніяхъ я встрѣчаю препятствія: желаю уничтожить злоупотребленія, и самъ первый ихъ дѣлаю; желаю, чтобъ народъ мой былъ благополученъ, и самъ истребляю его благополучіе. Какъ я нещастенъ! Я бы лучше

хотѣлъ жить въ хижинѣ, чѣмъ безпрестанно мучиться на престолѣ. Мудрый Селимъ, подай мнѣ упѣщеніе; скажи, отъ чего я обманываюсь, когда стараюсь подражать тебѣ въ добродѣтели? что должно мнѣ употребить, чтобъ сдѣлать народъ мой щастливымъ?“ — Повелитель правовѣрныхъ! отвѣтствовалъ Селимъ; совѣтъ мой заключается только въ сихъ словахъ: *продолжай стараться о щастіи своего народа*.... Но я прошу выслушать одну повѣсть, которая для тебя можетъ быть полезною:

„Могущественный Геній Фосъ имѣлъ сына, который былъ слѣпъ отъ рожденія и назывался Тифлосомъ. Сей сынъ часто упрекалъ отца своего, что онъ лишилъ его зрѣнія, будучи властителемъ свѣта. „Неблагодарный, отвѣтствовалъ ему однажды Геній, я объявлю тебѣ причину моего поступка, хотя вмѣсто отвѣта могъ бы обратить тебя въ ничтожество. Не будучи въ состояніи сдѣлать тебя Геніемъ, подобнымъ мнѣ — я пожелалъ скрыть отъ тебя всѣ нещастія, которыми ты окруженъ. Въ безопасности, происходящей отъ слѣпоты твоей, ты можешь вести довольно

долгую и спокойную жизнь среди бѣдствій тебя окружающихъ; но естьли она сдѣлалась для тебя несносною, то ты будешь повергнутъ мною въ прежнее твое ничтожество.“ Мысль о смерти устрашила Тифлоса: онъ просилъ прощенія у отца своего, и обѣщался сносить безъ роптанія свой жребій. „Я прощаю тебя, сказалъ ему Геній, и хочу показать тебѣ знакъ любви моей: даю тебѣ собаку, которая будетъ твоимъ вожатымъ; она имѣетъ свойство узнавать, что для тебя полезно и вредно. Слѣдуй за нею и никогда не оставляй ее.“ Тифлосъ, объятый благодарностію, повергается къ ногамъ отца своего и клянется никогда не ходить безъ новаго своего вожатаго.

Тифлосъ чрезвычайно ласкалъ эту драгоцѣнную собаку; безпрестанно совѣтовался съ нею, и ни на минуту не оставлялъ ее. Поелику Геній старался замѣнить всѣми дарами щастія слѣпоту Тифлоса: то юноша имѣлъ великое множество льстецовъ, и первый человѣкъ, пришедшій къ нему при новомъ его вожатомъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые употребляютъ дарова-

нія свои на похвалу знатнымъ и богатымъ. Онъ подносилъ слѣпому какое-то свое сочиненіе, въ которомъ называлъ его самымъ умнѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ. Едва собака увидѣла сего лжеца, то сильно залаяла, и Тифлосъ не безъ сожалѣнія отпустилъ сочинителя, ибо находилъ, что книга его очень хорошо написана. Послѣ писателя пришелъ смиренный Бонзъ; сперва собака не лаяла, потому что скромный видъ сей святой особы остановилъ ее; но когда Бонзъ заговорилъ, то собака начала лаять изо всей мочи, и святой мужъ не получилъ хорошаго пріема. — Потомъ пришли нѣсколько искреннихъ пріятелей Тифлоса, для которыхъ дѣлалъ онъ въ сей день великолѣпный пиръ: собака бросилась на нихъ, кусала ихъ за ноги, и подняла такой лай, что насилу могли унять ее. — Наконецъ показалась прелестная Азема, любовница Тифлосова. Ему говорили, что во всей Азіи нельзя найти женщины прекраснѣе Аземы; онъ зналъ, что она умна и имѣетъ чувствительное сердце. Видъ ея былъ столь пріятенъ, что собака тотчасъ начала къ ней ласкаться. Тифлосъ былъ въ восхищеніи. Наконецъ,

думалъ сынъ Геніевъ, нашелъ я сердце, которое истинно меня любитъ. „О женщины! восклицалъ онъ, Небо сотворило васъ для того, чтобъ вы были утѣшеніемъ въ нашихъ горестяхъ! О отецъ мой! я не завидовалъ бы твоей славѣ и могуществу, естьлибъ могъ хотя одну минуту видѣть милую Азему!“... Однажды, когда Тифлосъ, лежа на диванѣ подлѣ своей любовницы, дѣлалъ сіи восклицанія, собака, которая спала у ногъ его, вдругъ проснулась и залаяла изо всей силы. Тщетно Тифлосъ старался унять ее; досадуя, что она прервала пріятнѣйшія его мечтанія, онъ протянулъ руку, чтобъ ударить ее — и что жъ? схватилъ одного изъ своихъ невольниковъ, которому вѣрная Азема расточала нѣжнѣйшія ласки. Нельзя изобразить гнѣвъ его; онъ прогналъ отъ себя и любовницу и невольника, хотѣлъ прогнать и собаку, но она не смотря на полученные ею побои осталась у своего господина.

На другой день Тифлосъ призвалъ одного мудреца, который славился своими сочиненіями. Онъ предложилъ ему тысячу унцій золота, прося обругать въ какомъ нибудь своемъ сочиненіи не-

вѣрную Азему и всѣхъ тѣхъ людей, которые его обидѣли. Я не ожидалъ, отвѣчалъ мудрецъ, чтобъ сочиненія мои могли подать тебѣ поводъ сдѣлать мнѣ предложеніе такого рода; однакожъ я соглашаюсь исполнить его на слѣдующихъ условіяхъ: ты долженъ дать мнѣ три мѣсяца сроку на изготовленіе моего сочиненія; каждый день по нѣскольку часовъ бесѣдовать со мною, и заплатить впередъ деньги за трудъ мой.“ Тифлосъ согласился.

Мудрецъ, на котораго собака не лаяла, каждой день приходилъ къ Тифлосу. Юноша находилъ столь много умнаго и пріятнаго въ его бесѣдѣ, что почувствовалъ къ нему величайшее уваженіе, и возъимѣлъ охоту уподобиться ему въ мудрости. Между тѣмъ три мѣсяца прошли, и онъ, стыдясь прежняго своего малодушія, уже не осмѣливался спросить, готово ли сочиненіе. Въ одно утро пришелъ къ нему мудрецъ. „Любезный Тифлосъ, сказалъ онъ, вотъ, что я сдѣлалъ, желая отомстить тѣмъ, которые тебя обидѣли.“ Въ сіе время множество людей, которые вошли по приказанію мудреца, бросились къ ногамъ Тиф-

лоса, называли его своимъ благодѣтелемъ и орошали его слезами. „Чего хотятъ отъ меня эти люди? что значатъ ихъ ласки? Мнѣ кажется, что ихъ много, и собака ни на кого изъ нихъ не лаетъ.“ — Тифлосъ! отвѣчалъ мудрецъ, всѣ они обязаны тебѣ честію или жизнію. Тысяча унцій золота, данная тобою мнѣ, раздѣлена мною симъ людямъ и спасла ихъ отъ нищеты и посрамленія: они пришли благодарить своего избавителя. — Тутъ раздались снова громкія благодаренія нещастныхъ; всѣ тѣснились къ Тифлосу, обнимали его колѣна и орошали руки его слезами. О другъ мой! вскричалъ Тифлосъ, ты даешь мнѣ чувствовать блаженство, котораго никогда я не зналъ. О отецъ мой, о сильный Геній, которому обязанъ я своею жизнію, открой глаза мои хотя на одно мгновеніе, и я умру спокойно.

Едва произнесъ онъ слова сіи, какъ вдругъ явился отецъ его, и мракъ, покрывавшій глаза Тифлосовы, разсѣялся. Какое зрѣлище представилось взорамъ юноши! Нещастные, облагодѣтельствованные имъ, повергались къ ногамъ его, цѣловали ему руки, и проливая радостныя слезы, называли его своимъ спаси-

шелемъ. О отецъ мой! вскричалъ Тифлосъ въ восторгѣ; для чего столь долго ты лишалъ меня сего восхитительнаго зрѣлища?—Любезный сынъ, отвѣтствовалъ Геній, ты началъ наслаждаться имъ съ той минуты, когда сдѣлался его достойнымъ. Будучи погруженъ въ однѣ забавы, ты не нашелъ бы пріятности въ томъ, что теперь тебя восхищаетъ. Въ прежнее время тщетно представлялось бы тебѣ сіе зрѣлище: ты бы его не увидѣлъ, ибо страсти ослѣпляютъ смертныхъ, а просвѣщаетъ единая добродѣтель...Между тѣмъ не забывай своей собаки: пусть она всегда будетъ твоимъ путеводителемъ.

— О другъ мой! вскричалъ Калифъ обнимая Селима; я очень хорошо понялъ смыслъ твоей басни. Не я ли сей нещастный слѣпецъ, и не ты ли мой путеводитель?...Нѣтъ, Государь, отвѣтствовалъ Визирь; мы всѣ люди, и всѣ заблуждаемся подобно слѣпцу; но разумъ, ниспосланный намъ Небомъ, подобенъ собакѣ Тифлосовой. Мы часто противимся сему вожатому, и усилія его вести насъ къ истинѣ, часто бываютъ тщетны. Удовольствія увлекаютъ насъ и мы

нечувствительно засыпаемъ въ объятіяхъ нѣги; но вѣрная собака насъ не оставляетъ: ея лай безпрестанно будитъ насъ, и въ самыхъ нѣдрахъ удовольствія приводитъ въ смятеніе.

Хорошо, сказалъ Калифъ; ты будешь для меня добродѣтельнымъ мудрецомъ, и научишь меня сдѣлать подданныхъ моихъ щастливыми. Долго жилъ я въ безпечности, долго забывалъ обязанности Государя; теперь хочу оставить нѣгу, разслабляющую душу, хочу презирать удовольствія, уничижающія Государей, и посвятить всю жизнь мою на благополучіе моего народа.

Селимъ хотѣлъ повергнуться къ ногамъ Калифа въ знакъ своего повиновенія; но Гарунъ заключилъ его въ свои объятія, и потомъ пошелъ вмѣстѣ съ нимъ трудиться надъ щастіемъ своихъ подданныхъ, которые вскорѣ забыли прежнія свои бѣдствія и благословляя имена Гаруна и Селима, говорили: *щастливъ Государь, имѣющій такого друга, который можетъ ему смѣло открывать его заблужденія!*

Съ Фр. Н.

Вліяніе крестовыхъ походовъ на просвѣщеніе въ Европѣ (*).

Историкъ, желающій отвѣчать на вопросъ: какую пользу въ наукахъ принесли крестовые походы жителямъ запада? долженъ прежде рѣшить, какую пользу *могли* они принести въ то время и при такихъ обстоятельствахъ. Онъ увидитъ, что польза сія по многимъ причинамъ весьма ограниченна. И Франки и Срацины были полуварвары; первые (кромѣ знанія Богословіи) не имѣли понятія о высшихъ наукахъ и просвѣщеніи. Они отправились на востокъ безъ всякаго намѣренія просвѣтить разумъ свой, а естьли чему и научились, то сіе произошло случайно. Различіе вѣры и языка полагало между сими двумя націями непреодолимую преграду, и затрудняло всякую мѣну познаній и мыслей. Франки болѣе бы могли заимствовать у просвѣщенныхъ Грековъ, нежели у Аравлянъ; но и въ семъ случаѣ сверхъ различія языковъ и вліянія предупрежденій, замѣтить должно, что Греческое просвѣщеніе, по

(*) Изъ книги: Versuch einer Entwickelung der Folgen der Creuzzüge für Europa, von A. H. L. Heeren.

самому свойству своему, не могло имъ нравиться. Оно основано было на *краснорѣчіи*, что примѣтно изъ историческихъ твореній того времени;—какъ могли полудикіе, грубые Франки цѣнить и перенимать сего рода познанія и искусства? Они болѣе уважали и пріобрѣтали искусства практическія, но въ умственныхъ не могли имѣть успѣховъ. Однакожъ нельзя сказать, что они не получили отъ сихъ походовъ никакой пользы. Долговременное сношеніе съ востокомъ оставило нѣкоторые слѣды: крестоносцы научались, ни мало о томъ не думая. Правда, что успѣхи сіи пріобрѣтены были не во многихъ частяхъ познаній человѣческихъ; и, по нашему мнѣнію, можно ограничить оныя четырьмя главными отраслями: классическою словесностію, Философіею, Географіею и Исторіею, и Физикою, къ которой причисляемъ и врачебное искусство.

Классическая словесность (мы разумѣемъ подъ оною Греческую, а Римская прозябала только на западѣ) процвѣтала въ одномъ Константинополѣ во всѣ средніе вѣки, и преимущественно возвысилась съ 10го столѣтія. Государи изъ дому

Константина Багрянороднаго, и еще болѣе изъ фамиліи Комниныхъ особенно покровительствовали оную, и сами они, даже нѣкоторыя Царевны упражнялись въ разныхъ сочиненіяхъ (*). Но всего важнѣе то, что любовь къ древней словесности сопряжена была съ духомъ народнымъ. Просвѣщеннымъ назывался тотъ, кто былъ свѣдущъ въ Греческой Литтературѣ, и знаніе оной было условіемъ къ принятію въ Государственную службу. Въ тоже время начали въ Константинополѣ собирать всякія рѣдкости и достопамятности. Въ началѣ крестовыхъ походовъ столица сія была первымъ хранилищемъ сокровищъ искусствъ и Литтературы.

Ужасная участь была ей предуготовлена сими походами! Взятіе сего города Франками въ началѣ 13го столѣтія, причемъ сія столица востока почти совершенно превращена была въ пепелъ тремя страшными пожарами — есть одинъ изъ величайшихъ ударовъ, нанесен-

(*) Доказательства уваженія, которымъ пользовались науки и словесность въ Константинополѣ, находимъ особенно въ твореніи *Анны Комнины*. Она называетъ царствованіе отца своего Алексія златымъ вѣкомъ для просвѣщенія. Alex. p. 144.

ныхъ искусствамъ и словесности — и притомъ навсегда! Разсмотримъ подробнѣе сіи важныя произшествія.

Войско и флотъ крестоносцевъ, согласившись подать помощь младшему Алексію Ангелу и отцу его Исааку, противъ старшаго Алексія, по благополучномъ плаваніи пристали къ Константинополю (23го Генваря 1203). Послѣ нѣкоторыхъ тщетныхъ переговоровъ, началась осада, и 17го Іюля городъ былъ взятъ приступомъ. Старшій Алексій спасся бѣгствомъ, а братъ его и племянникъ вступили на престолъ. Уже при семъ взятіи загорѣлся городъ; цѣлая часть его отъ Блахернійскаго холма до монастыря Святителева сдѣлалась добычею пламени (*). Но сіе нещастіе было только предвѣстіемъ большаго бѣдствія. По возшествіи на престолъ Исаака и Алексія младшаго, грубые крестоносцы своевольно господствовали въ Константинополѣ; особливо же потому, что обѣ-

(*) Мы пользовались при описаніи сихъ опустошеній Константинополя извѣстіями двухъ очевидцовъ: Грека и Франка. Первый *Никита Хоніатъ*, одинъ изъ важнѣйшихъ Государственныхъ чиновниковъ, описалъ оныя въ своей Historia Graeca, а послѣдній Кавалеръ *Вильгардуинъ* (Ville Hardouin) въ Histoire de la conquête de Constantinople.

щанная плата имъ не скоро была выдана. Они бродили по улицамъ безъ всякаго устройства, и однажды вздумалось толпѣ пьяныхъ солдатъ зажечь мечеть, которую позволено было выстроить поселившимся въ Константинополѣ Магометанамъ. Отъ сего неистовства произошло бѣдствіе, о которомъ сожалѣли и самые грубые крестоносцы. Сильной вѣтеръ обратилъ пламя на сосѣдственныя зданія, и въ нѣсколько минутъ оно такъ усилилось, что нельзя было помышлять о помощи. Пожаръ свирѣпствовалъ нѣсколько дней (*) въ богатѣйшей и великолѣпнѣйшей части города; начавшись у сѣверной стороны близь большой гавани, прошелъ онъ широкою полосою въ одну Французскую милю по всему городу до другаго конца онаго; пламя было такъ сильно, что самыя твердыя зданія не могли положить ему предѣловъ. Гордые памятники зодчества, сооруженные усердіемъ къ вѣрѣ и тщеславіемъ многихъ Государей, об-

(*) Двое сутокъ, говоритъ Хоніатъ (стр. 289), а Вильгардуинъ (стр. 71) утверждаетъ, что восьмеро сутокъ (т. е. до совершеннаго потушенія). Всѣ великіе пожары, бывшіе въ Константинополѣ, пишетъ Хоніатъ, въ сравненіи съ симъ ничего не значатъ.

рапились мгновенно во прахъ со всѣми своими сокровищами! — Сей второй пожаръ, а болѣе еще грабежи и насильства крестоносцевъ, увеличили народную къ нимъ ненависть до невѣроятной степени. Всѣ дачи и дворцы внѣ города вдоль по берегу Пропонтида были ими опустошены, и каждой грабежъ побуждалъ ихъ къ новымъ хищеніямъ. Въ сихъ обстоятельствахъ возгорѣлись внутренніе мятежи. Народъ пришелъ въ волненіе. *Дука Мурзуфлъ* воспользовался сими безпокойствами, лишилъ владѣнія фамилію *Ангеловъ* и самъ вступилъ на престолъ. Открылась новая явная война съ крестоносцами. Они расположились станомъ внѣ города; Греки заперли ворота; Франки осадили городъ и наконецъ взяли его. Ненасытная алчность крестоносцевъ искала удовлетворенія въ общемъ грабежѣ; они были столь единодушны въ семъ подвигѣ, что еще до взятія города, Франки и Венеціане положили между собою условія, кому грабить которую часть города. Занятіе не было затруднительно; но сіе не облегчило участи Константинополя. Сей нещастный городъ претерпѣлъ всѣ ужасы опу-

стошенія, какія только могутъ внушить корыстолюбіе, фанатизмъ, подлая гордость и звѣрскія страсти. Третій, страшнѣйшій пожаръ, начавшійся въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ кончился первый, опустошилъ уцѣлѣвшую дотолѣ восточную часть города. Пощаженное пламенемъ попадалось въ руки свирѣпымъ грабителямъ, которые объискивали самыя отдаленныя мѣста (*).

Другъ искусствъ и словесности отвращаетъ горестный взоръ. Не столько грабежи, какъ ужасные пожары, при которыхъ нельзя было и помышлять о спасеніи, истребили сокровища принадлежавшія всему роду человѣческому. Желаете ли имѣть подробныя доказательства, сколь велика была сія потеря? За двѣсти лѣтъ до сего нещастія — въ самое цвѣтущее время словесности, когда

(*) Нельзя безъ соболѣзнованія читать повѣствованія, сочиненнаго Хоніатомъ (стр. 300) о своемъ и семейства его нещастіи. Великолѣпныя его палаты во время втораго пожара сдѣлались добычею пламени, и онъ бѣжалъ въ другой домъ, находившійся близь Софійской церкви. Наконецъ толпа грабителей принудила его удалиться и оттуда. Вѣрной слуга, родомъ Венеціанецъ, вывелъ его съ беременною женою и тремя дѣтьми изъ горящаго города, называя ихъ своими плѣнниками. На семъ послѣднемъ пожарѣ, пишетъ Виль-Гардуинъ (стр. 88.) сгорѣло домовъ болѣе, нежели было въ трехъ величайшихъ городахъ Франціи.

никакое важное сочиненіе не могло затеряться—сочинилъ Патріархъ Фотій такъ называемую *библіотеку* (*Μυριοβιβλον*), въ которой помѣстилъ критическія извѣстія и извлеченія изъ классическихъ писателей, находившихся въ его книгохранилищѣ. Изчислимъ однихъ Историковъ и Авторовъ, которыхъ труды были въ его библіотекѣ: Македонская Исторія Ѳеопомпа; Исторія Парѳянская и Виѳинійская; Арріанова Исторія преемниковъ Александровыхъ; Ктезіева Персидская Исторія и описаніе Индіи; Географія Агаѳархида, которой малые отрывки дошли до насъ. Онъ имѣлъ сверхъ того полное собраніе сочиненій Діодора, Полибія и Діонисія Галикарнасскаго. Вмѣсто 45 рѣчей Демосѳеновыхъ было у него еще 65; вмѣсто 34 Лизіевыхъ 233, не щитая подложныхъ; вмѣсто десяти рѣчей Исея, ученика Лизіева, 64; и вмѣсто одной рѣчи Иперитовой 52. Всѣ сіи сокровища —и сколько еще другихъ! —погибли въ нѣсколько дней весною 1204 года (*). —

(*) Легко доказать можно, что сіи творенія погибли не позже. Ни одинъ изъ послѣдовавшихъ писателей не говоритъ, что видѣлъ ихъ; а по возстановленіи Византійскаго престола (1261) словесность въ столицѣ пришла въ прежнее уваженіе, такъ что нельзя было сдѣлаться важной потерѣ. При взятіи же города сего Турками пожара не было.

Не язычники, а Христіане причинили сію потерю, которой никакой вѣкъ вознаградить не можетъ!

(*Окончаніе вѣ слѣд. нум.*)

Подражаніе Горацію.

Aequam memento rebus in arduis
Servare mentem . . .

Въ нещастіи будь твердъ и въ щастьи не гордись,
Смерть люта для насъ, о Делій, неизбѣжна.
Блаженналь жизнь или мятежна,
Мы чада смерти всѣ. Живи и веселись!

*

Въ убѣжищѣ твоемъ гдѣ тополъ горделивый
Сплетаясь съ ивою несется къ облакамъ,
Гдѣ съ горъ ушесистыхъ бѣжитъ ручей игривый
По бархатнымъ лугамъ:

*

Тамъ въ розовомъ вѣнкѣ, друзьями окруженный,
Фалернское вино лей въ кубокъ золотой,
Подруги нѣжныя плѣняясь красотой,
Бряцай на лирѣ гимнъ, Эротомъ вдохновенный!

Ударитъ грозный часъ! ... и садъ прекрасный твой,
Волнами Тибра орошенный,
Великолѣпный домъ и лѣсъ уединенный,
Сокровища твои, изчезнутъ предъ тобой!

*

Сынъ бѣднаго отца, согбенный надъ сохою,
Рожденный въ горести, воспитанный въ трудахъ,
И правнукъ Кесаря, роскошествуя въ пирахъ,
Къ Плутону всѣ пойдутъ плачевною стезею.

*

Такъ! въ урнѣ роковой назначенъ жребій намъ;
Падетъ! ... Не будемъ зрѣть тебя, о міръ прелестный!
И раноль, поздно ль въ край для смертныхъ неизвѣстный,
Съ Харономъ пустимся мы къ вѣчности брегамъ!

В. Пушкинъ.

Къ Гарпократу.

Ода нѣмаго.

Священный богъ молчанья,
Которому, увы! невольно я служу,
Нещастливъ я и щастливъ,
Что на устахъ моихъ твою печать держу:

Нещастливъ, коль безмолвенъ
Въ бесѣдѣ съ добрымъ я и съ умнымъ. Ни излить
Предъ нимъ совѣтно мысли,
Ни время съ нимъ могу пріятно раздѣлить!
Языкъ имѣя связанъ,
Истолкователя сердечныхъ чувствъ и нуждъ,
Я долженъ, сжавши сердце,
Полезныхъ многихъ дѣлъ и радостей быть чуждъ,
Которыми владѣетъ
Послѣдній изъ людей, когда онъ получилъ
Божественный даръ слова,
Сего слугу ума, и движителя силъ.
Но мнѣ его лишенну
Роптать ли, и другихъ завидовать судьбѣ?
Нѣтъ; я неменѣ щастливъ,
Что скрыться иногда могу въ самомъ себѣ,
Съ тобою, богъ молчанья!
Когда злословіемъ бываю оглушенъ
И дикимъ пустословьемъ,
О радость! отвѣчать я имъ не принужденъ.
Могу лишь помаваньемъ
Главы, иль знаками отдѣлаться отъ нихъ,
Ни въ спорахъ безполезныхъ,
Ниже часы губя въ учтивостяхъ пустыхъ.
И отъ пороковъ многихъ,
Молчанья строгій Богъ, меня ты оградилъ:
Я по неволѣ скроменъ
Смиренъ и терпѣливъ.—Во мнѣ ты притупилъ
Сей обоюду острый,
Опасный мечь — языкъ. Ахъ! можетъ быть во зло

Онъ былъ бы мнѣ и ближнимъ?
Твое храненіе меня отъ бѣдъ спасло.
Изъ сѣти искушенья
Не ты ли отрока меня еще извлекъ,
И въ сѣнь уединенья
Пренесъ, и чистыхъ Музъ служенію обрекъ?
Священный Богъ молчанья,
Которому, увы! невольно я служу,
Нещастливъ я и щастливъ,
Что на успѣхъ моихъ твою печать держу!

А. Востоковъ.

Къ Луказію.

. . . . Ego si risi quòd ineptus
Pastillos Rufillus olet, Gorgonius hircum
Lividus et mordax videor tibi?

Hor.

Луказій! рѣшено: ты хочешь быть поэтомъ,
И требуешь, чтобъ я снабдилъ тебя совѣтомъ,
Какъ славы достигать и имени пѣвца:—
Что легче какъ найти невѣжду и льстеца?
Ищи ихъ—и пиши: все будетъ совершенно!
Писателемъ прослыть весьма обыкновенно.
Стихи свои хвалой наполни гнусныхъ дѣлъ,
Будь дерзокъ, подлъ и льстецъ—и слава твой удѣлъ!
Рубеллію шверди, что онъ рожденъ вельможей;
Женѣ его шепни, что всѣхъ она пригожѣй;

А Балдусу вралю, что первый онъ поэтъ,
И одами зови его высокой бредъ;
Утѣшь его, скажи, что добрый часъ настанетъ,
И свѣтъ стихи его порочить перестанетъ,
Что раноль, поздно ли насмѣшники помрутъ,
И томы пыльные читателей найдутъ!
Къ Вралеву забѣги съ пренизкимъ ты поклономъ:
Ему не въ первый разъ вступаться Цицерономъ
За скаредныхъ пѣвцовъ, уродство ихъ хвалить;
Дерзни его хоть разъ съ Горацiемъ сравнить—
И онъ провозгласитъ тебя предъ цѣлымъ свѣтомъ
И нашимъ Пиндаромъ и Классикомъ-поэтомъ!
Тамъ къ Бавiю иди: сей ждетъ тебя бѣднякъ,
Отецъ *помѣсячныхъ* нелѣпостей и вракъ;
Дай что нибудь ему! онъ скоро раззорится—
И жизнь твоя въ его журналѣ помѣстится.
Съ огромною своей поэмою спѣши
Въ домъ Клита—и ему усердно припиши:
Онъ знатной господинъ, талантовъ покровитель,
И просвѣщенiя въ отечествѣ ревнитель;
Страницею хвалы пожертвуй—и твой трудъ
На щетъ его казны тисненью предадутъ.
Лишь книга добрая явиться въ свѣтъ не смѣетъ,
А вздорная вездѣ свободный входъ имѣетъ;
Нѣтъ нужды, что о ней забудутъ черезъ день:
Тѣмъ лучше — сочинять Луказiю не лѣнь!

Комедіи своей желаешь ли успѣха —
Зови друзей въ театръ для хлопанья и смѣха,
И слава о тебѣ промчится въ *шумный рай!*
Въ обширныхъ замыслахъ своихъ не унывай:
Быть можетъ, за игру актрисы превосходной,
Похвалятъ и стихи въ трагедіи негодной.
Тогда тебя введутъ къ Лукуллу въ пышный домъ,
Гдѣ онъ, обсаженный невѣждами кругомъ,
За каждую строку твоей подлѣйшей лести,
Сторицею воздастъ хвалы тебѣ и чести.
. . . . . .
Но только ли еще? О геніѣ твоемъ
И Клузій возвѣститъ въ изданіи своемъ,
И Глазуновъ, сей мужъ толико благодарной,
Распишетъ о тебѣ хвалой высокопарной;
И книжнаго ума брадатый продавецъ
Всѣхъ будетъ увѣрять, что первый ты пѣвецъ!
Смѣлѣй бери перо! примѣры предъ тобою:
Такъ Мевій, разродясь сатирою одною,
И выдавъ сто дурныхъ стиховъ на перечетъ,
Попалъ въ пѣвцы, и всѣмъ свой строгій судъ даетъ.—
У насъ, кто захотѣлъ въ поэты—записался;
Хоть новый рекрутъ сей съ Граммашикой не знался,
Что нужды до того! отвага, дерзость, лесть,
Невѣждъ и подлецовъ нерѣдко вводятъ въ честь.
И сколько есть такихъ, которы отъ рожденья
Не могши написать двухъ строкъ безъ погрѣшенья,

Взялись о правилахъ, о вкусѣ говорить;
Невѣжда болѣ всѣхъ старается учить.
И ты, хоть небогатъ своимъ природнымъ даромъ,
Старайся замѣнять его отвагой, жаромъ;
Найдутся многіе, которые простятъ
Безсмыслицѣ твоей за то, что въ ней узрятъ
И цѣль полезную и рвеніе благое,
Которы облечешь ты въ рубище худое!
Что добрый гражданинъ, что служишь ты давно:
Какъ будто гражданинъ и авторъ все равно!
Какъ будто стыдъ тому, кто всѣхъ изъ насъ честнѣе,
Быть въ мысляхъ правильнѣй и въ связи ихъ яснѣе.
Пусть Фабій нѣжный другъ, пусть добрый онъ отецъ,
Пусть мужа вѣрнаго онъ будетъ образецъ,
Всѣ качества сіи достойно уважаю;
Но слушая его трагедіи—зѣваю;
И естьлибъ кто дерзнулъ, въ присутствіи моемъ,
Сказать, что онъ рожденъ трагическимъ пѣвцомъ
И мнѣбы отвѣчать на то не можно было—
Молчаніе мое льстеца бы обличило.
И какъ, не измѣня и чести и стыду,
Осмѣлюсь я назвать ко собственну вреду
Нескладнаго пѣвца поэтомъ превосходнымъ,
Хотя бъ онъ въ добротѣ Сократу былъ подобнымъ,

Радковскаго вранье поемою щипать,
Съ Россійскимъ Пиндаромъ Безсмыслова равнять —
И, чтобъ никто въ моемъ безумствѣ не сомнился,
Кричать, что снова Юнгъ въ Плаксевичѣ родился!
Скорѣй рѣшусь принять ужасный приговоръ,
Что буду помѣщенъ поэтовъ сихъ въ соборъ,
Скорѣе соглашусь смѣшнѣе быть Шутова,
Глупѣе Бавія, и мстительнѣй Злослова! —
Но это для себя, Луказій, я сказалъ:
Ты смѣло достигай великихъ сихъ похвалъ!
Такъ Фирса Томасомъ друзья его назвали,
Хоть смысла у него въ твореньяхъ не вспрѣчали,
Но онъ привыкъ искать не смысла — длинныхъ словъ!
И мало ли ему подобныхъ есть творцовъ?
Ихъ дружбы ты ищи, ихъ слушай наставленья,
Яви себя рабомъ нелѣпаго ихъ мнѣнья;
Наука ихъ легка: не думать ни о чемъ,
Лишь страннымъ щеголять въ болтаньи языкомъ;
Такъ Вадій нанизалъ поэму въ ихъ расколѣ
Изъ смѣси чудныхъ словъ, неслыханныхъ доколѣ;
И вправду славенъ онъ! поэмой будутъ сей
Теперь опредѣлять безсмысліе людей!
Но главной мой совѣтъ: будь твердъ въ своемъ ты мнѣньѣ
И бранью защищай нелѣпое творенье,

На все за дѣтище любезное дерзай,
И умнымъ и глупцамъ ни въ чемъ не уступай;
Быть можетъ, иногда ты встрѣтишь—хоть их мало—
Людей, которые острятъ на глупость жало,
Тогда, разсвирѣпѣкъ и взявши грозный видъ,
Брани ихъ на повалъ, забывъ и честь и стыдъ,
Безбожникъ, закричи, злодѣй и извергъ свѣта,
Кто смѣетъ не почтить въ Луказіѣ поэта!
Но этихъ смѣльчаковъ немного межъ людей;
И прозы и стиховъ большая часть судей:
Педантъ надъ книгами въ теченіи полвѣка
Утрашившій и смыслъ и образъ человѣка,
Который всякой часъ съ надмѣнною мечтой
Вамъ будетъ замѣнять Грамматику собой,
Который все наукъ прошелъ обширно поле,
И самъ—томъ древнія Грамматики—неболѣ.
Иль Авторъ мѣлочей, въ посланіяхъ своихъ,
Гдѣ съ здравой Логикой въ раздорѣ каждый стихъ,
Дающій вѣсъ умамъ, познаніямъ, талантамъ;
Иль Варіусъ, что схожъ съ огромнымъ фоліантомъ,
Въ которомъ столько же нелѣпицъ сколько словъ;
Иль славы ищущій ругательствомъ Злословъ,
Кто площадную брань намъ выдавъ за сужденье,
Себѣ вмѣняетъ въ честь всеобщее презрѣнье;
Иль Друзъ, что о любви къ отечеству твердитъ
И первый самъ его невѣжествомъ срамитъ!—

Ступай Луказій мой, храня въ душѣ отвагу,
Смѣлѣй переводи чернила и бумагу;
Такое ремесло ни мало не во вредъ;
Но вижу, что тебя смущаетъ мой совѣтъ:
„Такими ль, говоришь, такими ли путями,
Державинъ, Дмитріевъ прославились межъ нами?“
Не всѣ подъ щастливой планетой рождены.
Луказій! чтобъ дерзать за славой, какъ они,
Чтобы стяжать вѣнцы, которы ихъ покрыли,
Имъ равныя, скажи, имѣешь ли ты силы?
Питаешь ли въ груди божественный сей жаръ,
Который отъ небесъ немногимъ посланъ въ даръ,
Сію высокость чувствъ и духа благородство,
Въ которыхъ состоитъ поэтовъ превосходство;
Для славы истинной отважишься ль на все,
Найдешь ли ты въ себѣ возмездіе свое?
Луказій! не мечтай: мнѣ цѣль твоя извѣстна!
Съ прямымъ талантомъ лесть и низость несовмѣстна.
Для тѣхъ особый путь назначенъ былъ судьбой;
Тебѣ ли, какъ они, прославиться собой,
Одну лишь страсть къ стихамъ нещастную имѣя?
Что подвигъ Геркула для слабаго Пигмея?
Совѣтъ же мой легокъ — и къ славѣ путь прямой;
Рѣшился, въ добрый часъ! Прощай, Луказій мой.

M.

Басни.

I.

Волкъ и Лисица.

Волкъ хищный занемогъ. Раскаянье съ недугомъ
Приходятъ часто и къ звѣрямъ.
Нѣтъ, такъ онъ разсуждалъ съ кумой своей и другомъ,
Нѣтъ, полно рыскать мнѣ по рощамъ и лугамъ!
Довольно подушилъ овечекъ я невинныхъ;
Не лучшель смирно жить? питаться мнѣ травой?
Мы, кумушка, съ тобой
Забудемъ о дѣлахъ безчинныхъ;
Повѣрь мнѣ грѣшнику, въ прожорствѣ нѣтъ добра,
И намъ опомнишься пора!
Совѣтую тебѣ оставить куръ въ покоѣ:
Смиренье дѣло золотое.
Увидишь, я во всемъ съ ягненкомъ буду схожъ,
И естьли не лицомъ, обычаемъ хорошъ.
Лисица слушала, дивилась;
Волкъ, думала она, не даромъ слезы льетъ,
И злость свою клянетъ,
Онъ вѣрно завтра же умретъ—
Съ почтеньемъ, молча поклонилась;

Но къ щастью, у волковъ
Не знаютъ докторовъ;
Больной оправился. Куряшница лисица
Въ политикѣ, какъ всѣмъ извѣстно, мастерица
Пустилась волка поздравлять:
Не худо иногда злбастымъ угождать.
И такъ угодница является въ пещеру
Къ нравоучителю, иль лучше лицемѣру;
Чтожъ видитъ тамъ она? Покойно волкъ сидитъ
И кушаетъ барана;
Овца нещастная полмертвая лежитъ,
Такой же участи ждетъ скоро отъ тирана.
Прекрасно, куманекъ! лисица говоритъ,
Ты каялся въ грѣхахъ и плакалъ какъ ребенокъ;
Но видно, что въ тебѣ гласъ совѣсти умолкъ:
Такъ чтожъ? вскричалъ злодѣй, въ болѣзни я ягненокъ,
Когда здоровъ — я волкъ.

В. Пушкинъ.

Молодая вдова.

По мертвомъ какъ ни плачь, а онъ уже не
встанетъ
И всякая вдова
Поплачетъ мѣсяцъ, много два,
А тамъ и плакать перестанетъ;
Не вѣчно будетъ мужа жаль.
На крыльяхъ времени летитъ отъ насъ печаль
И нечувствительно спокойствіе приходитъ.
Большое Лафонтенъ различіе находитъ
Во всѣхъ вдовахъ чрезъ день и черезъ
годъ:
И подлинно! теперь вдова горюетъ, плачетъ
А черезъ годъ смотри, такъ козачка про-
скачетъ.
Таковъ ужъ видно женской родъ!—
Одна красавица лишь только овдовѣла,
Кричала, билася, рыдала и рвалась;
Ни пить, ни ѣсть, ни жить на свѣтѣ не
хотѣла;
Рѣка горчайшихъ слезъ изъ глазъ ея лилась.
Отецъ печалиться далъ полную ей волю,
Но видя, что уже проходитъ шесть недѣль
И что она слегла въ постель
Свою оплакивая долю,—
Сказалъ ей: „полно плакать дочь,
Слезами ужъ нельзя помочь.
Не ты одна вдова на свѣтѣ!
Еще ты очень молода.
Мужъ умеръ! экая бѣда!
Есть у меня женихъ прекрасной на примѣтѣ,

Ужъ не покойнику чета!
Красавецъ, молодецъ, въ твои почти лѣта...
Ахъ! батюшка, вдова прервала,
Мнѣ за мужъ? мнѣ другой вѣнецъ?
Нѣтъ, нѣтъ! я въ монастырь пойду — и зарыдала.
Смолчалъ и прочь пошелъ отецъ.
Источникъ слезъ не скоро изсыхаетъ
Проходитъ мѣсяцъ и другой,
Вдова ужъ менѣе вздыхаетъ,
Изъ памяти супругъ выходитъ дорогой,
И слезка на ея глазахъ не навернется.
Невольно иногда она и улыбнется
Увидя въ зеркалѣ, что трауръ ей къ лицу.
Прошло ужъ полгода, глядитъ въ глаза отцу;
Но тотъ не говоритъ ни слова.
Рѣшилась наконецъ она спросить его:
„Что-жъ, батюшка, когда увижу я?“—Кого?—
„Кого хвалили вы“—Ну!—„Мужа молодова.“

А. Измайловъ.

Совѣтъ мышей.

Въ мучномъ анбарѣ котъ такой удалой былъ,
Что менѣе недѣли
Мышей онъ тьму передавилъ;
Десятокъ или два кой-какъ ужъ уцѣлѣли
И спрятались въ норахъ.
Что дѣлать? — выдти страхъ;
Не выходить — такъ смерти ждать голодной.

На лаврахъ отдыхалъ котъ сытой и до-
родной.
Однажды вечеромъ на кровлю онъ ушелъ,
Гдѣ съ кошкою имѣлъ надѣялся свиданье;
Слухъ до мышей о томъ дошелъ —
Повыбрались изъ норъ, открыли засѣданье,
И стали разсуждать,
Какія мѣры имъ противъ кота принять.
Одна мышь умная, которая живала
Съ учеными на чердакахъ
И много книгъ переглодала
Совѣтъ дала въ такихъ словахъ:
„Сестрицы! отвратить грозящее намъ бѣд-
ствіе
Я нахожу одно лишь средство,
Простое самое. Оно въ томъ состоитъ,
Чтобъ нашему злодѣю,
Когда онъ спитъ,
Гремушку привязать на шею.
Далеколь, близколь котъ—всегда мы будемъ
знать
И неудастся насъ ему въ расплохъ поймать.“
Прекрасно! вотъ прекрасно!
Вскричали всѣ единогласно.
За чѣмъ откладывать? какъ можно поскорѣй
Гремушку мы коту привяжемъ!
Ужъ то-то мы себя докажемъ,
И не видать ему мышей
Такъ точно, какъ своихъ ушей! —
„Все очень хорошо: привязывать кто-жъ ста-
нетъ?“ —
Ну, ты. — „Благодарю!“

Такъ ты. — „ Я посмотрю
Какъ духа у тебя достанетъ!“ —
Однакожъ надобно. — „Что долго толковать?
Кто сдѣлалъ предложенье,
Тому и исполнять.
Ну, умница, свое намъ покажи умѣнье.“ —
И умница равно за это не взялась,
Но не отъ трусости, а . . . . . лапка затряслась.

А. Измайловъ.

Эпиграммы.

1

Смѣются Простину,
Что часто говоритъ съ людьми онъ не умѣетъ,
И половиною зоветъ свою жену:
Такъ чтоже? по поламъ онъ ею и владѣетъ.

2

Клариса въ чепчикѣ степенномъ и салопѣ
Днемъ молится въ церквахъ, бѣжитъ отъ міра прочь,
А ночью? . . . О! она подобно Пенелопѣ
Что днемъ ни сдѣлаетъ, то перепоршитъ въ ночь.

3

„Три сына у меня, не сходны всѣ лицомъ.“
—Да, каждой схожъ съ своимъ отцомъ.

И.

НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА

Замѣчанія о значеніи словъ и о Синонимахъ.

Даръ слова или способность сообщать мысли наши другимъ есть безъ всякаго сомнѣнія первая и главнѣйшая причина усовершенствованія разума человѣческаго, и обширныхъ его успѣховъ въ наукахъ и художествахъ. Не взирая на то одинъ изъ славнѣйшихъ Англійскихъ писателей сказалъ, и сказалъ весьма справедливо, что „если разсмо„трѣть всѣ ошибки и неясности, всѣ недо„разумѣнія и замѣшательства, отъ не„правильнаго употребленія словъ проис„шедшія, то еще можно сомнѣваться, „служилъ ли даръ слова болѣе къ быстрѣй„шему ходу, или къ замедлѣнію нашихъ „познаній.“

Такъ; нельзя не согласиться, что при всѣхъ выгодахъ, получаемыхъ нами отъ способности сообщать другимъ свои мысли, мы весьма часто отъ худаго

употребленія словъ, орудій сей способности, впадаемъ въ ошибки, вовлекающія насъ и другихъ въ большія и большія заблужденія.

И какой вредъ часто проистекаетъ отъ сихъ заблужденій? Кому неизвѣстно важное и пагубное вліяніе, какое имѣла въ судьбу человѣчества таковая ошибка въ Государственной Экономіи? Сколько было составлено въ оной различныхъ ложныхъ системъ отъ того, что многіе писатели, смѣшивая въ сочиненіяхъ своихъ слова *деньги* и *богатство*, смѣшали и самыя ихъ понятія, и начали почитать то и другое однимъ и тѣмъ же? Сколько различныхъ ложныхъ правилъ было основано на семъ мнѣніи? и сколько зла причинило сіе въ политическомъ состояніи многихъ Государствъ, коихъ Правительства приняли сіи правила?

Но не говоря уже объ ошибкахъ, столь важныя послѣдствія имѣвшихъ, объ ошибкахъ, сдѣланныхъ въ наукахъ столь отвлеченныхъ, какова Политика, Права, Философія, Богословіе, Нравоученіе, въ которыхъ часто смыслъ цѣлаго творенія зависитъ отъ знанія точнаго значенія нѣсколькихъ словъ, мы найдемъ въ самыхъ

обыкновенныхъ сочиненіяхъ, въ самыхъ обыкновенныхъ обстоятельствахъ жизни тысячи примѣровъ таковыхъ погрѣшностей.

Многіе, и даже весьма глубокомысленные писатели, впадали въ оныя. Употребляя часто неточныя, а иногда и совсѣмъ противныя слова для выраженія своихъ мыслей, они чрезъ сіе самое ихъ затмѣвали и дѣлали непонятными для другихъ, противорѣчили сами себѣ, и давали поводъ съ намѣреніемъ или безъ намѣренія толковать мнѣніе ихъ ложно (*).

Главнѣйшихъ причинъ, отъ которыхъ происходятъ подобныя погрѣшности и заблужденія, двѣ.

(*) Примѣры лучше объяснятъ сіе. Въ прежнихъ изданіяхъ *Гамлета*, трагедіи извѣстнаго нашего сочинителя Сумарокова, мы находимъ сіи стихи:

Се Боже, предъ тобой сей мерзкій человѣкъ,
Который срамотой одной наполнилъ вѣкъ,
Поборникъ истины, безстыдныхъ дѣлъ рачитель,
Врагъ твой, врагъ ближняго, убійца и мучитель.

Здѣсь Авторъ поставилъ слово *поборникъ* вмѣсто *гонитель*, хотя оно дѣйствительно значитъ *защитникъ*, *покровитель* (см. Словарь Рос. Акад.) и чрезъ то самъ себѣ противорѣчитъ.

Въ одной, недавно вышедшей книгѣ, подъ названіемъ *Разговоры о Словесности*, которой сочинитель извѣстенъ уже своими трудами, нашелъ я слѣдующее выраженіе.

„А. Какому жъ слѣдовать *правилу* (въ правописаніи)?

„Б. Прилѣжному *чтенію* старинныхъ *книгъ*, *ближайшихъ къ корню языка*.“

Первая, и самая важнѣйшая, есть худое познаніе языка. Безъ сего познанія невозможно ни говорить, ни писать хорошо и правильно; ибо тогда сочинитель не токмо подвергается опасности впадать въ таковыя ошибки, но сверхъ того теряетъ время въ пріискиваніи, взвѣшиваніи, размѣрѣ словъ, и трудъ сей, замѣдляя необходимо дѣятельность ума, потушаетъ огонь его. Напротивъ того, при хорошемъ познаніи языка приличныя слова представляются вмѣстѣ съ мыслями, и Авторъ, занятый единственно своею цѣлію, тѣмъ съ

Авторъ сдѣлалъ тутъ весьма важную ошибку, принявъ слово *чтеніе* не въ истинномъ его знаменованіи; потому что *чтеніе* отнюдь не есть *правило*. Отъ сего смыслъ предложенія дѣлается неяснымъ, и даже можетъ быть понимаемъ совсѣмъ въ другую сторону; ибо, поелику *чтеніе* есть не что иное, какъ *произношеніе въ слухъ или про себя словъ, содержащихся въ сочиненіи и вниканіе въ смыслъ оныхъ*; то не можно ли заключить, что *въ правописаніи слѣдовать чтенію старинныхъ книгъ* значитъ *слѣдовать въ ономъ произношенію, съ какимъ читаемъ мы старинныя книги*, потому что инаго смысла въ словахъ сихъ не заключается. Но мы изъ послѣдствія видимъ, что Авторъ хотѣлъ сказать совсѣмъ другое, и именно то, что мы должны составлять себѣ правила изъ замѣчаемаго нами при чтеніи старинныхъ книгъ правописанія оныхъ. Далѣе:

Что такое *книга, ближайшая къ корню языка*? Здѣсь опять сочинитель сдѣлалъ немаловажную погрѣшность противъ точности значеній, и тѣмъ весьма запутилъ свою мысль. Трудно даже догадаться, что онъ разумѣлъ подъ сими словами.

большимъ успѣхомъ стремится къ ней, чѣмъ больше усовершенствовалъ себя въ языкѣ, на которомъ пишетъ.

Вторая причина большею частію происходитъ изъ первой, и есть невниканіе въ истинныя и точныя значенія словъ. Наибольшее число оныхъ во всякомъ языкѣ имѣетъ не одно, но многія знаменованія. Смѣшиваніе сихъ разнообразныхъ знаменованій одного и того же слова раждаетъ большею частію недоразумѣнія и погрѣшности.

Но какимъ образомъ пріобрѣсти сіи познанія? Какимъ образомъ научиться знать вѣсъ и силу каждаго слова? Какимъ образомъ изъ тысячи оныхъ умѣть выбрать приличнѣйшее, которое всегда бываетъ только одно, равно какъ и приличнѣйшее выраженіе для каждой мысли есть также одно (*)? Вотъ наука, труднѣйшая многихъ другихъ, и труднѣйшая болѣе потому, что ее нельзя иначе узнать совершенно, какъ только изъ собственныхъ опытовъ и разсужденій!

(*) Цицеронъ и Ла Брюйеръ весьма справедливо сіе утверждаютъ. Послѣдній говоритъ: entre toutes les differentes expressions qui peuvent rendre une seule de nos pensées, il n'y en a qu'une qui soit la

Предлагая здѣсь нѣкоторыя о семъ замѣчанія, предоставляю перу, искуснѣйшему нежели мое, собравъ и предложивъ всѣ, оказать тѣмъ неоцѣненную услугу нашему языку. Вотъ поле, которое ожидаетъ еще опытной руки для своего обрабошанія; вотъ поприще, на которомъ можно дѣйствовать съ пользою и со славою!

Для того, чтобы знать совершенно истинное знаменованіе каждаго слова, нужно умѣть различать въ немъ главное его значеніе отъ посторонних.

Когда два или нѣсколько словъ представляютъ одну общую мысль, только съ разными небольшими оттѣнками, происходящими отъ различія понятій, соединяемыхъ съ оною, то сія общая мысль или значеніе есть *главное* значеніе каждаго изъ сихъ словъ; прочія же присовокупляемыя понятія суть *постороннія* оныхъ значенія.

Возмемъ для примѣра слова: *глядѣть*, *смотрѣть*, *видѣть*. Главное или общее ихъ значеніе состоитъ въ томъ, что

---

bonne: tout ce qui ne l'est point est faible, et ne satisfait point un homme d'esprit (Caract. des ouvr ages de l'esprit).

подъ всѣми сими словами разумѣется употребленіе чувства зрѣнія; но

Глядѣть значитъ имѣть открытые глаза;

Смотрѣть — устремлять взоры на окружающіе предметы;

Видѣть — принимать въ себя впечатлѣнія оныхъ посредствомъ зрѣнія.

Вотъ ихъ постороннія или частныя значенія.

Въ совершенномъ и точномъ отличеніи сихъ постороннихъ или частныхъ значеній одного отъ другаго заключается познаніе истиннаго знаменованія словъ. Кто не пріобрѣлъ онаго, тотъ всегда будетъ дѣлать ошибки, и, что еще хуже, вовлекать въ оныя другихъ.

Иногда одно и тоже слово можетъ имѣть нѣсколько главныхъ значеній, заключая одну мысль съ нѣсколькими словами, неимѣющими между собою никакого общаго знаменованія. Такъ напримѣръ слово *ревность* имѣетъ два главныя значенія, ибо въ немъ заключаются два понятія, общія съ понятіями словъ: *усердіе* и *ревнивость*, которыя между собою не имѣютъ ничего общаго. Слово *даръ* также имѣетъ два главныя значе-

нія, одно общее съ словомъ *подарокъ*, а другое съ словами: *дарованіе*, *способность*.

Здѣсь самъ собою представляется вопросъ: не бываютъ ли такія слова, которыя имѣя одно главное или общее имъ знаменованіе, не имѣютъ никакихъ постороннихъ? то есть: нѣтъ ли словъ, совершенно между собою однозначущихъ?

Многіе доказываютъ, что ни въ какомъ языкѣ нѣтъ таковыхъ словъ, и въ подтвержденіе мнѣнія своего ссылаются на *Цицерона*, въ сочиненіяхъ котораго находимъ сію мысль:

„Quanquam enim vocabula prope idem „valere videantur, tamen quia res differebant „nomina rerum differre voluerunt.“ (Top. VIII. 34.)

Въ числѣ сихъ находятся *Жираръ* и *Дюмарсе*, извѣстные французскіе сочинители, писавшіе о словесности. Послѣдній изъ нихъ говоритъ:

„Естьли бы возможны были совершен„но однозначущія слова, то тогда было „бы два языка въ одномъ. Какъ скоро „найдено слово, точно изображающее „какое нибудь понятіе, тогда не ишутъ „болѣе другаго.“

Отдавая всю должную справедливость столь знаменитымъ Авторамъ, я съ своей стороны скажу: *первое*, что мнѣніе сіе конечно неоспоримо, когда дѣло идетъ о языкахъ уже *образованныхъ*, но нельзя не согласиться съ Г. *Тьебо* (Thiébault), что всѣ народы въ первоначальномъ состояніи языка своего необходимо имѣютъ совершенно однозначущія слова. Чѣмъ болѣе ученіе, вкусъ, дарованія развиваютъ у народа понятія и чувствованія, тѣмъ болѣе установляется и утверждается различіе между значеніями словъ, самыхъ сходныхъ между собою. Кто изъ Арабовъ можетъ намъ точно доказать, чѣмъ различаются одно отъ другаго множество словъ, означающихъ на ихъ языкѣ *льва*?

И *второе*, что и въ самыхъ образованныхъ языкахъ между тѣми словами, кои означаютъ наименованія вещей, чувствамъ подлежащихъ, могутъ иногда встрѣчаться нѣкоторыя совершенно между собою однозначущія. Это происходитъ отъ того, что къ предметамъ, чувствамъ подлежащимъ почти никогда не присовокупляемъ мы никакихъ постороннихъ понятій, и слѣдовательно

они не имѣютъ нужды быть означаемы различными словами, которыя показывали бы сіи постороннія понятія; а когда и случается, что для наименованія какого нибудь подобнаго предмета находятся въ языкѣ два или больше словъ, то они всегда означаютъ самую вещь безъ всякаго различія, и потому бываютъ однозначущи. Напротивъ того, поелику къ предметамъ отвлеченнымъ почти всегда присовокупляются постороннія понятія ихъ большей или меньшей силы, точности, обширности, простоты, сложности и тому подобнаго, то и для означенія сихъ разнообразныхъ оттѣнокъ одного предмета необходимо нужными дѣлаются различныя слова, и естьли случится, что таковый предметъ выражается нѣсколькими словами, то употребленіе мало по малу различаетъ ихъ, соединяя съ каждымъ какое нибудь постороннее понятіе предмету принадлежащее.

Это нѣсколько темно. Постараюсь объяснить примѣромъ. Такъ между словами: *окно* и *окошко* нѣтъ никакого различія, ибо нѣтъ въ семъ предметѣ ничего такого, для чего нужно было бы ус-

шановить оное. Взявъ же какое нибудь отвлеченное слово, естьли найдемъ другое имѣющее подобное ему значеніе, тотчасъ замѣтимъ между ними различіе. Такъ разсматривая слова: *страхъ, боязнь, ужасъ*, означающія состояніе души приведенной въ волненіе приближеніемъ какой нибудь опасности, мы найдемъ, что подъ *страхомъ* разумѣется то волненіе души, которое бываетъ при видѣ опасности мгновенно, быстро прошедшей; подъ *боязнію* состояніе души при видѣ опасности продолжающейся нѣсколько времяни; подъ *ужасомъ* чрезмѣрное волненіе души, при видѣ хотя и мгновенной опасности, но чрезвычайно великой, столь сильно дѣйствующей на насъ, что мы совершенно теряемъ присутствіе духа, однимъ словомъ страхъ въ вышшей степени.

Впрочемъ и тѣ слова, кои означаютъ предметы, подлежащіе чувствамъ большею частію различаются между собою или тѣмъ, что они употребляются:

1) Въ разныхъ слогахъ и между разными классами народа; какъ на пр. *очи, глаза, бурколы; кровь, руда.*

2) Въ разныхъ нарѣчіяхъ одного и того же языка. На пр: *заборъ, заплотъ; чердакъ, вышка.*

Или же шѣмъ, что

3) Одни изъ нихъ взяты изъ чужихъ языковъ, а другія собственныя наши. На пр. *базаръ, рынокъ; лошадь, конь; шандалъ, подсвѣчникъ.*

4) Одни изъ нихъ состарѣлись и вышли изъ употребленія, а другія введены вновь. На пр. *жлуди, кресты* (*).

5) Одни изъ нихъ показываютъ большую, а другія меньшую степень чего либо. На пр. *мракъ, тьма, темнота, потемки*, и пр.

И такъ изъ всего сказаннаго мною слѣдуетъ, что въ образованномъ языкѣ почти нѣтъ или весьма мало словъ, которыя почему нибудь не различались бы между собою.

Слова, различающіяся между собою

(*) Г. Бозе утверждаетъ даже, что употребленіе во всѣхъ языкахъ ненарушимо соблюдаетъ правило, не принимать никогда новаго слова, не уничтожая вовсе стараго, если они совершенно одинаковы въ значеніяхъ.

посторонними значеніями, и имѣющія одно главное, называются *Синонимами* (*).

Выразимся яснѣе. Подъ *синонимами* разумѣются слова или и цѣлыя выраженія, представляющія одну главную мысль, но съ отличными, съ особенными оттѣнками, каждому изъ нихъ свойственными. Такъ на пр. *запамятовать, забыть, предать забвенію* суть синонимы, потому что имѣя одну общую мысль *истребить изъ памяти*, они различаются между собою тѣмъ, что

Онъ *запамятовалъ* говорятъ про того, кто не можетъ вспомнить;

Онъ *забылъ*—про того, кто совсѣмъ потерялъ память о какой нибудь вещи или дѣлѣ;

(*) Названіе сіе составлено изъ двухъ Греческихъ словъ: *синъ* — со и *онима* — слово, что подало поводъ Россійской Академіи *синонимы* назвать *сословами*. Но поелику составное рѣченіе *сословъ* не имѣетъ на Рускомъ языкѣ ни какого знаменованія, то приняли его весьма немногіе и уповательно никогда не будетъ принято оно всѣми.

„Переводить словъ съ другаго языка на свой, „сказалъ сочинитель разговора о переводѣ словъ, „нельзя; а можно изъ тѣхъ же словъ, изъ коихъ „иностранное слово составлено, составить свое, „*когда свойство языка сіе позволяетъ.*“ Что свойство языка нашего не позволяетъ сдѣлать изъ *синонимы сословъ*, это очевидно, и кажется не требуетъ доказательства, однако же Г. Сочинитель разговора о переводѣ словъ самъ употребляетъ вмѣсто перваго послѣднее слово.

Онъ *предалъ забвенію*—про того, кто съ намѣреніемъ не хочетъ вспоминать о чемъ либо.

Не смотря однако же на то, что всѣ синонимы необходимо должны различаться между собою въ частныхъ значеніяхъ, нельзя отрицать, что есть случаи, въ которыхъ все равно употребить ли одну или другую изъ синонимъ. Это бываетъ тогда, когда надобно представить одно только главное понятіе заключающееся въ словѣ, не прибавляя и не исключая постороннихъ онаго значеній, ибо тогда каждая изъ синонимъ способна выразить желаемое (*).

Напротивъ того гораздо болѣе такихъ случаевъ, въ которыхъ синонимы не могутъ и не должны замѣнять одна другую; ибо гораздо больше случаевъ, въ

(*) Объяснимъ сіе примѣромъ. *Оканчивать* и *прекращать* суть синонимы. Главное ихъ значеніе есть перестать что нибудь дѣлать: посторонніе: *окончить* значитъ перестать дѣлать что нибудь, приведя оное къ концу; *прекратить*—перестать что нибудь дѣлать на время или совсѣмъ, не докончивъ начатаго. И такъ естьли мнѣ нужно выразить, что я перестадъ съ кѣмъ нибудь переписываться то все равно будетъ, скажу ли: я *прекратилъ* съ нимъ переписку или *окончилъ* переписку; но въ словахъ: я *окончилъ* тяжбу и я *прекратилъ* тяжбу весьма большое различіе, равномѣрно какъ и въ словахъ: онъ *окончилъ* жизнь и онъ *прекратилъ* жизнь.

которыхъ ясность выраженія требуетъ точности словъ, оное составляющихъ(*).

Жирардъ яснѣе выражаетъ сіе сравненіемъ.

„Синонимы, говоритъ онъ, суть не „что иное, какъ различныя тѣни одной „краски. Естьли мнѣ нужно платье зеле„ное, то безъ всякаго различія могу я взять „темно или свѣтлозеленое; но ежели „надобно подбирать къ цвѣту, то необ„ходимо долженъ различать тѣни. А ко„гда бываютъ такіе случаи, въ кото-

(*) Что бы показать ошибки происходящія отъ такого употребленія одной синонимы вмѣсто другой, возмемъ еще одинъ примѣръ изъ упомянутой уже мною книги: *Разговоры о Словесности*; тамъ находимъ мы сіи слова:

„А. Имѣетъ ли нашъ языкъ достаточныя для „правописанія *правила*?

„Б. Имѣетъ весьма достаточныя и твердыя.

„А. Гдѣ онѣ?

„Б. *Въ церковныхъ книгахъ.*“ Здѣсь вмѣсто слова *примѣры* поставлено *правила*. Правда, что сіи слова могутъ почесться синонимами, потому что оба показываютъ нѣчто такое, чѣмъ мы руководствуемся; но *правило* предписываетъ то, что должно дѣлать; *примѣръ* показываетъ самое дѣло. *Первому* должны мы слѣдовать или наблюдать оное; *второму* подражать или сообразоваться съ нимъ. *Правила* извлекаются изъ *примѣровъ* и составляютъ *теорію*, а *примѣры практику*. — Гдѣ же мы найдемъ въ церковныхъ книгахъ что нибудь предписывающее намъ, какъ должны писать правильнѣе и что для сего наблюдать? Нигдѣ. Мы найдемъ только тамъ, какъ думаетъ сочинитель разговоровъ о словесности то, чему должны мы подражать, съ чемъ сообразоваться, то есть не *правила*, а *примѣры*.

„рыхъ разумъ нашъ не имѣетъ нужды въ „подборѣ словъ? — весьма рѣдко; ибо въ „семъ-то состоитъ искусство сочинять.“

Изъ всего вышесказаннаго можно видѣть, сколь необходимо точное познаніе значеній каждаго слова, или сколь великую выгоду имѣетъ тотъ, кто научился усматривать самыя непримѣтныя отличія въ весьма близкихъ другъ къ другу по значеніямъ своимъ синонимахъ, и сколь великую пользу можетъ принести языку такое сочиненіе, въ которомъ бы находился полный и подробный разборъ всѣхъ синонимъ, съ яснымъ показаніемъ самомалѣйшихъ между ними различій. Но это дѣло не одного человѣка и не коротkаго времяни. Нѣсколько вѣковъ, можетъ быть, пройдетъ прежде, нежели какой нибудь народъ будетъ имѣть таковую книгу.

Многіе Авторы, какъ древніе, такъ и новѣйшіе чувствовали необходимость различать слова, близкія между собою знаменованія имѣющія, и слѣдовательно необходимость подобнаго собранія синонимъ.

Продикъ Цеосскій, *Цицеронъ* (Topic. VIII. 34.) *Варронъ* (de ling. lat. V. sub fin.),

Квинтиліанъ (Jnstit. orat. VI. 3.) весьма ясно о семъ выражаются. Первый изъяснилъ заблужденія и ошибки, происходящія отъ неправильнаго употребленія словъ и синонимъ; а послѣдній, равно какъ и *Сенека*, самъ занимался показаніемъ различій между нѣкоторыми сходными въ значеніяхъ словами.

Изъ новѣйшихъ сочинителей французы первые начали заниматься симъ полезнымъ и необходимо нужнымъ трудомъ. *Буеуръ*, *Менажъ*, *Андри* (Andry), *Буарегаръ*, *Ла-Брюйеръ* положили тому основаніе; но ихъ опыты будучи весьма несовершенны и разсѣяны повсюду, не могли приносить желаемой пользы. Въ 1718 году явилось сочиненіе о синонимахъ Аббаша *Жирара* (*) и обратило на себя вниманіе всѣхъ знаменитыхъ писателей того времяни (**). Послѣ того *Дидеротъ*, *Далямберъ*, *Мармонтель*, *Дюмарсе*, *Жокуръ* (Jaucourt), *Дюкло* устремились въ путь проложенный *Жираромъ*, и оставили многіе драгоцѣнные для французовъ отрывки.

(*) Justesse de la langue françaèse.

(**) Вольперъ сказалъ о немъ: il subsistera autant que la langue, et servira même à la faire subsister. (Siecle de Louis XIV. Tome 1. page 115).

Бозе (Beauzée), собравъ разсѣянные вездѣ разборы синонимъ всѣхъ писавшихъ до него Авторовъ, издалъ оные съ своими примѣчаніями и собственными опытами. Наконецъ явился Аббатъ *Рубо* (Roubaud) и показалъ въ обширномъ собраніи синонимъ глубокую ученость и великій наблюдательный умъ. Его сочиненіе, объясняя истинное значеніе каждаго слова, показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и его корень. Исключая немногія ошибки, въ которыя, какъ кажется, завела его Этимологія, твореніе Аббата *Рубо* можетъ почитаться образцовымъ и совершеннѣйшимъ въ своемъ родѣ.

За Французами послѣдовали прочіе народы. Лучшими сочинителями о синонимахъ полагаютъ у Англичанъ — *Блера*, у Нѣмцовъ — *Эбергарда*, у Датчанъ — *Спорона* (Sporon).

Мы до сихъ поръ не имѣли еще подробнаго разбора синонимъ. Нѣкоторые отрывки, помѣщенные въ *Собесѣдникѣ любителей Россійскаго слова*, *въ Журналѣ Россійской словесности*, и въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* весьма кратки, недостаточны и большею частію переведены съ иностранныхъ языковъ. Пространство моихъ

замѣчаній не позволяетъ мнѣ разсмотрѣть здѣсь сіи первоначальные опыты разбора Рускихъ синонимъ.

Окончу разсужденіе мое словами Г. *Бозе*, который доказавъ, что мы несовершенно понимаемъ дошедшія до насъ безсмертныя творенія древнихъ, и что множество истинныхъ красотъ ихъ для насъ не существуетъ, потому что мы не знаемъ различныхъ оттѣнокъ между словами, и не можемъ замѣчать выбора, который древніе Авторы дѣлали и должны были дѣлать изъ многихъ рѣченій языка ихъ, говоритъ:

„Будемъ по крайней мѣрѣ судить по „сему о выгодѣ, которую можемъ имѣть „сами, показавъ дѣйствительное состоя„ніе языка нашего, и чрезъ то предста„вивъ его грядущимъ вѣкамъ таковымъ, „каковъ онъ нынѣ, не смотря на пере„мѣны, которыя могутъ исказить, или „и со всѣмъ уничтожить его. Вотъ „истинный способъ передать безсмер„тію и сохранить для потомства име„на нашихъ *Омировъ*, *Софокловъ*, *Пинда„ровъ*, *Демосфеновъ*, *Фукидидовъ*.

К. Ф.

Опытъ разбора Русскихъ синонимъ.

I.

Щастіе. Благополучіе.

Подъ сими словами разумѣется соединеніе обстоятельствъ, которыя дѣлаютъ человѣка довольнымъ своимъ положеніемъ.

Но смыслъ слова *щастіе* заключаетъ въ себѣ соединеніе тѣхъ изъ сихъ обстоятельствъ, которыя зависятъ единственно отъ случая, между тѣмъ какъ *благополучіе*, совокупляя въ значеніи своемъ всѣ прочія обстоятельства, дѣлающія человѣка довольнымъ своимъ жребіемъ, совершенно исключаетъ тѣ, которыя происходятъ отъ одного случая.

Благополучіе зависитъ отъ насъ самихъ; мы можемъ споспѣшествовать или вредить ему. *Щастіе* внѣ нашей воли и силъ; *щастливы* или нѣтъ мы бываемъ.

Благополучіемъ наслаждаются; *щастіемъ* пользуются.

По сей-то причинѣ говорятъ:

Какое *благополучіе* имѣть добрую

жену, вѣрный кусокъ хлѣба и ни отъ кого не зависѣть! — и

Я возму лоттерейный билетъ на твое *щастье!* — или

Онъ *благополучно* проводитъ жизнь свою въ деревнѣ; — и

Онъ чрезвычайно *щастливо* играетъ въ бостонъ; или

Испытать свое *щастіе* и знать цѣну своему *благополучію* (*).

(*) Въ послѣднемъ изданіи Словаря Россійской Академіи (ч. 1. стр. 216) слово *благополучіе* опредѣлено: благосостояніе, благоденствіе; *благополучно* — щастливо, благоуспѣшно; *благополучный* — щастливый, благоденственный. Значеніе перваго изъ сихъ словъ, по мнѣнію моему, довольно близко выражается постановленными съ нимъ синонимами, но въ послѣднихъ словахъ, кажется, не только отойдено далеко отъ истинныхъ знаменованій сихъ словъ, но сверхъ того данъ превратный и совершенно различный съ настоящимъ смыслъ примѣрамъ, приводимымъ въ подтвержденіе. Разсмотримъ сіе подробнѣе.

Для перваго слова приведены примѣры: достигнуть *благополучно* конца своихъ намѣреній, кончить *благополучно* войну, жить *благополучно*. Спрашиваю, одинаковое ли во всѣхъ сихъ примѣрахъ имѣетъ значеніе слово *благополучно* съ словами щастливо, благоуспѣшно? Нѣтъ! достигнуть *благополучно* конца своихъ намѣреній значитъ достигнуть онаго тихо, спокойно, безъ всякихъ препятствій или помѣшательствъ; достигнуть *щастливо* значитъ достигнуть удачно, преодолѣвъ или отвративъ всѣ препятствія, какія были, избѣжавъ случайно всѣхъ помѣшательствъ, какія могли быть; достигнуть *благоуспѣшно* — достигнуть съ большимъ, хорошимъ, благимъ успѣхомъ, сдѣлать все, что хотѣли, получить все, чего желали или ожидали, и даже болѣе сего. — И такъ здѣсь слово *щастливо* и *благоуспѣшно* весьма худо показываютъ истинный смыслъ значенія слова *благополучно*. Въ другихъ слу-

Щастію противополагается *безщастіе; благополучію—злополучіе; несщастіе* и тому и другому.

Благополучіе можетъ быть нарушено, возмущаемо людьми, ибо оно есть собственное ихъ произведеніе. *Щастіе* есть дѣло случая и потому никто не въ состояніи нарушить его, кромѣ—случая.

чаяхъ различіе между значеніями сихъ словъ еще очевиднѣе.

Естьли только можно сказать: окончить *благополучно* войну (ибо успѣхъ войны есть почти всегда дѣло случая), то безъ сомнѣнія сіе будетъ значить не иное что, какъ окончить ее безъ большихъ потерь, безъ большаго вреда для себя; но *щастливо* или *благоуспѣшно* окончить войну значитъ совсѣмъ другое. *Благополучно* кончить сраженіе можно и проигравъ его; но тогда нельзя сказать, что бы оно было кончено *щастливо* или *благоуспѣшно*.

Жить *благополучно* значитъ жить мирно, въ полномъ удовольствіи, въ полномъ наслажденіи своимъ жребіемъ. Жить *щастливо* весьма темно; а жить *благоуспѣшно* не имѣетъ смысла.

Тоже самое найдемъ мы и въ примѣрахъ, приведенныхъ для втораго изъ сихъ словъ. Для краткости не буду я здѣсь разбирать оныхъ; замѣчу только, что 1.) слово *благополучный* гораздо лучше можетъ быть выражено словами: *благоденственный* и *благоденствующій* (ибо оно иногда значитъ то, а иногда другое), нежели словами *благоденственный* и *щастливый*, ибо оно никогда не значитъ послѣдняго, и 2.) что никогда нельзя сказать *благополучныя* обстоятельства, потому что обстоятельства не бывая никогда въ нашей волѣ и завися совершенно отъ случая, могутъ быть *щастливы*, а не *благополучны*.

Примѣчаніе. Въ прежнемъ изданіи Словаря (ч. III. стр. 1337) слово *благополучный* было опредѣлено: *наслаждающійся благосостояніемъ, благоденствіемъ*, и сіе опредѣленіе, при всемъ томъ, что и оно недостаточно, гораздо лучше новаго.

Кто получаетъ болѣе, нежели чего заслуживаетъ, *щастливъ*; кому отказываютъ и въ томъ, чего онъ достоинъ, можетъ еще быть весьма *благополученъ*.

Любовники *щастливы*, когда нѣтъ никакихъ препятствій ихъ желаніямъ; *благополучны*, когда не желаютъ ничего болѣе. Къ чему имъ дары *щастія*, когда они другъ въ другѣ находятъ свое *благополучіе*?

Многіе находясь на вершинѣ *щастія* завидуютъ *благополучію* другихъ; *благополучные* никогда не завидуютъ, иначе они не были бы *благополучны*.

Тотъ истинно щастливъ, кто *щастію* своему одолженъ болѣе, нежели мудрости, какъ говорили о Помпеѣ (Саллустій). Тотъ истинно *благополученъ*, кто мудрости своей обязанъ всѣмъ тѣмъ, въ чемъ отказало ему *щастіе*, какъ говорили о Цезарѣ (Луканъ).

Сколь много удивляются *щастію* людей, достигшихъ исполненія всѣхъ честолюбивыхъ намѣреній, видящихъ себя на верху величія и могущества, но какъ рѣдко бываютъ они *благополучны!* Многіе изъ нихъ тогда только познаютъ *благополучіе*, когда *щастіе* перестанетъ

имъ благопріятствовать. Таковъ законъ судьбы!

Удача одного предпріятія зависитъ безъ сомнѣнія отъ случая; но безпрестанныя и многія удачи предполагаютъ великій разумъ. Одинъ изъ придворныхъ Людовика XIV^го сказалъ о Вильярѣ, что онъ *щастливъ*. „Нѣтъ! отвѣчалъ Монархъ, онъ такъ *щастливъ*, что не можетъ быть *только щастливымъ*.“ (Вѣстникъ Европы. Часть 1.)

Авторъ Заиры доказалъ собою, что ласки фортуны и дары природы не могутъ еще сдѣлать насъ *благополучными*. (тамъ же).

Исторія повѣствуетъ намъ объ одномъ только человѣкѣ, который былъ столько *щастливъ*, что пользовался всѣми благами и не испыталъ ни одной перемѣны во все теченіе долговременной жизни его, и столь совершенно *благополученъ*, что чувствовалъ все свое *благополучіе* и наслаждался онымъ до послѣдней минуты. Это былъ К. Метеллъ, прославленный Валеріемъ Максимомъ. (Lib. VII. c. 1.) Но увы! не увеличено ли это описаніе?

(*Продолженіе впредь*)

О термолампѣ Г. Соболевскаго и Д'Оррера.

Превращеніе дерева въ уголье въ запертыхъ сосудахъ подало случай Гг. Соболевскому и Д'Орреру усовершенствовать въ концѣ прошедшаго года устроеніе термоламповъ. Извѣстно, что термолампами называются печи, посредствомъ которыхъ чрезъ пережиганіе дерева въ уголье освѣщаются и отапливаются покои, и сверхъ того получается еще деготь и пригорѣло-древесная кислота, способная замѣнить во многихъ случаяхъ обыкновенный уксусъ. Читатели Сѣверной Почты имѣютъ уже нѣкоторое понятіе о семъ термолампѣ; мы спѣшимъ сообщить здѣсь чертежъ и описаніе онаго, надѣясь удовлетворить любопытство тѣхъ, кои не могли видѣть на мѣстѣ сего во многихъ отношеніяхъ весьма полезнаго заведенія.

Фиг. 1. изображаетъ планъ термолампа.

Фиг. 2. Разрѣзъ его по длинѣ.

Фиг. 3. Профиль.

Во всѣхъ трехъ фигурахъ одинакія части означены одинакими буквами.

A, A, A, A. Печь.

B. Поддувало или зольникъ.

C. Зольная рѣшетка.

D. Дверцы печные.

E, E. Чугунный цилиндръ, который наполняется дровами для превращенія ихъ въ уголье. Сей цилиндръ имѣетъ съ одного конца отверстіе *a a*, чрезъ которое кладутся дрова и вынимается уголье; во время дѣйствія отверстіе сіе закрывается крышкою и плотно замазывается.

F, F, F. Пространство около цилиндра, чрезъ которое проходитъ пламя.

G. Дымовая труба.

H. Задвижка въ трубѣ.

J. Другой конецъ цилиндра сообщенный съ обыкновеннымъ холодникомъ употребляемымъ на винокуренныхъ заводахъ.

K. Холодникъ.

U. Боченокъ служащій пріемнымъ сосудомъ для кислоты и дегтю.

L. Другой боченокъ наполненный до половины водою.

M. Мѣдная трубка идущая изъ боченка U въ боченокъ L; она служитъ для провожденія газа чрезъ воду.

N. Кожаная трубка съ краномъ; она проводитъ очищенный газъ въ хранилище.

O O. Хранилище, въ которомъ собирается очищенный газъ; оно сдѣлано изъ листоваго желѣза на подобіе колокола, и можетъ само собою погружаться въ воду, или выходить изъ воды, смотря по количеству газа, который въ него прибываетъ, или изъ онаго убываетъ.

P. Другая кожаная трубка, посредствомъ которой газъ проводится въ комнаты и сообщается съ лампами.

Q Q. Линія показывающая до какой высоты колоколъ подыматься можетъ.

R. Отводная трубка для излишняго газа.

Дѣйствіе сего термолампа есть слѣдующее. Нагрѣваніемъ цилиндра E E дрова въ немъ заключенныя превращаются въ уголье, а прочія составныя части дровъ, кислотворъ и водотворъ, по сродству ихъ съ теплотворомъ освобождаются и образуютъ въ началѣ дѣйствія пригорѣло-древесную кислоту и деготь, а потомъ при усиленіи жара производятъ угольную кислоту и газъ извѣстный подъ названіемъ углеводотворнаго. Сіи освобождающіяся составныя части дровъ проходя чрезъ холодникъ K, превращаются въ капли и собираются

въ пріемный боченокъ U, угольная же кислота и газъ, неспособныя принять видъ каплеобразный, проходятъ по трубкѣ M, чрезъ воду, коею наполненъ боченокъ L. Вода поглощаетъ угольную кислоту, а газъ углеводотворный собирается чрезъ трубку N въ хранилище OO. Хранилище сіе сообщается посредствомъ трубки и крана съ лампами въ покояхъ упвержденными; по открытіи крана и зажженіи выходящаго газа, покои могутъ быть освѣщаемы и нагрѣваемы.

Всѣ части таковаго термолампа не могутъ быть здѣсь опредѣлены точною мѣрою; они должны согласоваться съ цѣлію, для которой устроены и принимаютъ различные виды, смотря по надобности или по произволу.

Во второмъ нумерѣ Вѣстника помѣщенъ будетъ проэктъ объ освѣщеніи нім водотворнымъ газомъ булевара около Адмиралтейства. Сей проэктъ, коего произведеніе въ дѣйство стоить будетъ единовременно 5000 рублей, удостоенъ уже Высочайшаго его императорскаго величества упвержденія.

III. КРИТИКА.

Всеобщая, Философическая Грамматика, изданная Николаемъ Язвицкимъ. Въ С. Петербурге, при Императорской Академіи Наукъ. 1810. (*)

Словесность наша, обильная образцами изящнаго и высокаго, сравнившаяся въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ съ Нѣмецкою, Французскою, Англійскою, нуждается въ прочныхъ основаніяхъ языка и собраніяхъ правилъ, утвержденныхъ закономъ. Большая часть хорошихъ твореній нашихъ произведена силою воображенія, дарованіемъ, геніемъ; малая обязана произхожденіемъ разсудку, прилѣжанію и глубокомыслію. Слухъ, навыкъ, случайныя правила—вотъ законы, которымъ слѣдуютъ и лучшіе изъ нашихъ критиковъ, разсуждая о языкѣ и произведеніяхъ словесности. „Это не хорошо!—такъ бы лучше — такъ складнѣе, глаже.“—вотъ обыкновенныя доказательства въ сомнительныхъ случаяхъ. Короче сказать у насъ нѣтъ *Руской Грамматики!* Подъ симъ словомъ разумѣемъ не правила скло-

(*) Книга сія вышла въ 1811 году.

нений, спряжений и согласованія словъ (таковыхъ Граммашикъ у насъ много), а Философическую систему Рускаго языка, изложеніе главныхъ отличительныхъ свойствъ его, рѣшеніе правилъ сомнительныхъ, утвержденіе слабыхъ, уничтоженіе ложныхъ; показаніе ошибокъ, которымъ наиболѣе подвергаются наши писатели; изчисленіе Славянизмовъ позволительныхъ, Галлицизмовъ и Германизмовъ терпимыхъ, и Латинизмовъ, которые можнобъ было или надлежало бы ввести. Образцовъ, кои должны во всемъ предшествовать правиламъ, у насъ (какъ выше сказано) довольно. Геній творитъ — холодный разсудокъ разсматриваетъ творенія его, замѣчаетъ красоты и ошибки, выводитъ правила, и очищая другому генію тернистый путь, которымъ прошелъ первый, сокращаетъ труды его и усугубляетъ успѣхи.

Но можетъ ли одинъ человѣкъ взять на себя сочиненіе таковой Граммашики? Едва ли. Джонсоны и Аделунги рѣдки. Между тѣмъ должно начинать, должно облегчать труды будущихъ законодателей языка: вопервыхъ, напримѣръ, издать всеобщую или Философическую Грамма-

тику. Не нужно сочинять оную на Русскомъ языкѣ; можно перевести съ Французскаго, который изобилуетъ образцовыми твореніями по сей части. И такъ переводчикъ одной изъ лучшихъ таковыхъ книгъ, именно: Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal par Arnauld et Lancelot, заслуживаетъ благодарность нашу за похвальное *намѣреніе* — а за исполненіе? — увидимъ!

Въ началѣ скажемъ, что, по нашему мнѣнію, таковую книгу должно переводить съ строжайшею точностію — со всѣми ея правилами и примѣрами; по окончаніи же главы или внизу страницъ помѣщать свои замѣчанія и примѣненіе правилъ подлинника къ тому языку, на который переводишь, такъ чтобы текстъ оригинала и прибавленія переводчика вездѣ отличались. Знаменитый Нѣмецкій Филологъ *Фатеръ* перевелъ такимъ образомъ: Principes de Grammaire générale, mis á la portée des enfans et propres à servir d'introduction à l'étude de toutes les langues, сочиненіе не менѣе славнаго Французскаго писателя *Сильвестра де Саси*.

Руской переводчикъ въ предвари-

тельномъ извѣстіи своемъ говоритъ, что всеобщая Граммапика, сія первоначальная и самонужнѣйшая *часть народа*, занимающагося изученіемъ столь многихъ языковъ, доселѣ остается у насъ какъ бы въ забвеніи; что необходимость таковой книги заставила его ускорить сіе изданіе; что онъ держался всеобщей Граммашики de Port-Royal, только, гдѣ нужно, сдѣлалъ перемѣны, многое выбросилъ, многое прибавилъ; примѣры приводилъ большею частію только трехъ языковъ: Россійскаго, Лапинскаго и Французскаго, изъ коихъ можно дѣлать заключеніе и къ другимъ; осмѣлился также въ нѣкоторыхъ главахъ дѣлать замѣчанія относительно нашего, Французскаго и другихъ языковъ. — Изъ сего уже видно, что переводчикъ трудился не по тѣмъ правиламъ, кои мы полагаемъ нужными; но мы, не имѣя тщеславія почитать мнѣнія свои безошибочными, разсмотримъ, какъ онъ исполнилъ *свое* намѣреніе.

Въ первой главѣ (о звукахъ, означаемыхъ буквами и во первыхъ о буквахъ гласныхъ) переводчикъ взялъ изъ своего подлинника опредѣленіе гласныхъ и со-

гласныхъ буквъ (и приведши первое дважды) говоритъ, что въ Рускомъ языкѣ 35 буквъ, что гласныя *раздѣляются* еще на двугласныя и полугласныя, исчисляетъ оныя, а наконецъ упоминаетъ, что гласныя могутъ быть долгія и короткія (*). Всякъ увидитъ при первомъ взглядѣ, что глава сія весьма недостаточна не только для всеобщей, Философической, но и для обыкновенной училищной Граммапики, и что переводчикъ никогда не размышлялъ, и не имѣетъ понятія о богапствѣ руской азбуки.

Во второй главѣ подлинника (о согласныхъ буквахъ) находимъ сравнительную шаблицу согласныхъ буквъ Лашинскаго, (Французскаго), Греческаго и Еврейскаго языковъ, съ замѣчаніями и примѣненіями оныхъ къ языкамъ Испанскому, Италіянскому и проч. Переводчику споило только сыскать сію шаблицу и поставить четвертой столбецъ съ Рускими буквами, снабдивъ оныя немногими замѣчаніями; но онъ перемѣнилъ

(*) Это несправедливо. Во Французскомъ и Нѣмецкомъ языкѣ существуетъ сіе раздѣленіе, напр. notre и nôtre cote и côte, patte и pâte; los и Loos, hehr, и Herr, bot и Both. У насъ этого нѣтъ; удареніе же дѣло совсѣмъ иное.

всю эту главу. Повторивъ сначала опредѣленіе согласныхъ буквъ, онъ говоритъ: „хотя можно бы и болѣе распространиться касательно буквъ; но какъ употребленіе и примѣръ людей, чистое произношеніе имѣющихъ, суть единственныя тому правила, то и надобно сему учиться у хорошаго учителя, не совѣтуясь съ Граммашикою, которая дѣйствуетъ на глаза, а не на слухъ.“ Переводчикъ забылъ, что онъ назвалъ твореніе свое Философическою Грамматикою, которая должна дѣйствовать не на глаза и не на слухъ, а на разумъ.

Такимъ образомъ переведена вся книга. Переводчикъ, выпуская безъ всякаго разбору многія необходимыя мѣста, вставлялъ свои примѣчанія и правила, иногда справедливыя (*), часто ложныя (**) и рѣдко относящіяся къ Философической

(*) Но и сіи предложены весьма страннымъ образомъ, напр. на стр. 52. „Мы ни въ одномъ членѣ, ни въ одномъ изъ сихъ односложныхъ словъ, почти не имѣемъ нужды. Отъ того-то языкъ нашъ плавенъ. Читая хорошее Россійское сочиненіе, какъ будто бы идешь по самой гладкой дорогѣ. На противъ читая Французскую книгу, языкъ всегда *скачется* какъ будто бы по какимъ нибудь кочкамъ и пнямъ.“

(**) Напр. (на стр. 88.) будто въ Россійскомъ языкѣ въ нѣкоторыхъ только глаголахъ третіе лице имѣетъ три рода, (на стр. 41.) будто Французское слово chien, собака, рода мужескаго и женскаго. На стр. 81

Граммашикѣ. Вообще во всей этой Гр. нѣтъ ни одного новаго, хорошаго правила или наблюденія. Примѣры Французскіе и Латинскіе списаны съ подлинника, а Нѣмецкіе (какъ напр. на стр. 36 человѣкъ Mann, а люди Männe) принадлежашъ переводчику. Ненужно говоришь, сколь полезнымъ могло бы сдѣлашься сіе твореніе въ рукахъ искуснаго переводчика, знающаго основашельно языкъ Рускій и обильной корень его, Славянской!

Слогъ перевода весьма шеменъ, неправиленъ и шяжелъ. Во многихъ мѣсшахъ переводчикъ не понималъ подлинника. Напр. (стр. 35) *Подлин:* Ce n'est pas qu'il n'arrive souvent que le mot propre ne convienne à plusieurs, comme Pierre, Jean, etc. mais ce n'est que par accident que plusieurs ont pris ce même nom. *Перев:* „Но часто собсшвенное имя называешся собсшвен-

---

въ примѣчаніи Переводчикъ говоришъ, будшо сшихъ Державина: Пусшыня взоръ *насупя* свой, сшоль же неправиленъ какъ и Пешербургское нарѣчіе *онб убхавшій, невставшій* (надлежало бы написашь *убхавши*, не *вставши*) вмѣсто уѣхалъ, не вспавалъ. Такимъ образомъ всякое вводное предложеніе, въ которомъ глаголъ замѣняешся дѣепричасшіемъ, можно назвашь неправильнымъ, есшьли взяшь оное не въ соединеніи съ главнымъ періодомъ. Какая же неправильносшь въ двоесшишіи:

Пусшыня, взоръ насупя свой,
Ушесы и скалы — дремали. — ?

нымъ не потому, что не можетъ приличествовать многимъ, но по одной только случайности, напр. Петръ, Иванъ, и проч. ибо сими именами называются многіе люди. — Стр. 16. Pour l'ordinaire — чтобъ онъ былъ правильнымъ. Стр. 17. Langues vulgaires — нѣкоторые языки. Слово Discours (рѣчь) вездѣ переведено словомъ разговоръ. — Le duel (двойственное число) на стр. 27 переведено *двойное число*. — Стр. 7. Граммашика, Логика и Риторика суть три науки, долженствующія быть всегда неразлучны, и кои необходимы для каждаго благовоспитаннаго человѣка (эта фраза принадлежитъ переводчику). Стр. 13. Звуки, такъ названные литерами, употребляемые въ словахъ, суть различны. Ихъ изобрѣтеніе было самое естественное, о коемъ не безполезно замѣтить и пр. и пр.

Еще почитаемъ долгомъ сказать, что Г. Переводчикъ не знаетъ даже, кѣмъ и гдѣ сочинена переведенная имъ книга. Онъ называетъ ее сочиненіемъ *Французскаго писателя Портъ-Рояля*. Жаль, что онъ въ началѣ не помѣстилъ біографіи сего знаменитаго Француза!

Общее заключеніе: Философическая Граммашика сія совершенно изпорчена этимъ переводомъ, и нельзя не пожелать, чтобъ кто нибудь другой взялся перевести ее снова, и тѣмъ примирилъ съ Рускою Словесностію священныя тѣни ея Сочинителей.

Г.

Картина народовъ, населяющихъ Европу и религій, исповѣдываемыхъ ими. Сочиненіе Ф. Шёлля. Переводъ Павла Яковлева (*). *Москва, въ Губернской типогр. у А. Рѣшетникова*, 1811 *года.*

Книжка сія представляетъ, во первыхъ, краткое, но достовѣрное и ясное изображеніе всѣхъ Европейскихъ народовъ по употребляемымъ ими языкамъ — самому неложному средству отыскать ихъ происхожденіе. Во вторыхъ, помѣщено въ ней обозрѣніе различныхъ религій и сектъ, на земномъ шарѣ существующихъ, особенно же господствующихъ и терпимыхъ въ Европѣ. Не входя въ подробное разсмотрѣніе сего полезнаго сочиненія, скажемъ, что Авторъ онаго удачно воспользовался лучшими источниками. Онъ представляетъ происхожденіе и отличительныя черты каждаго народа, каждой религіи, со многими хорошими

(*) Съ французскаго. Г. *Шёлль*, Парижскій книгопродавецъ, извѣстенъ многими хорошими Историческими сочиненіями, изъ которыхъ назовемъ его *Краткую Исторію Французской революціи*. Замѣтимъ, что слово *картина* не выражаетъ Французскаго слова tableau, которое въ семъ случаѣ значитъ: *обозрѣніе, таблица*.

Историческими и Географическими примѣчаніями — безъ всякой примѣси Полемическихъ изысканій и доказательствъ.— Переводъ мѣстами невѣренъ, мѣстами дуренъ, мѣстами забавенъ — и вообще весьма посредственъ. Видно, что переводчикъ книги, которая требуетъ хотя поверхностнаго знанія разныхъ языковъ, изчисляемыхъ въ ней, знаетъ только по Французски и по Руски—да и то весьма плохо. Въ противномъ случаѣ онъ не писалъ бы: *творенія Ватера* (вм. *Фатера* стр. 5.) *Осоны* (вм. *Авсоны* или *Авзоны* стр. 9) *Цехи* (вм. *Чехи* стр. 47.) *Плотъ* (вм. *Плавтъ* стр. 47) *Богемцы* (вм. *Цыгане* стр. 63.) *Ливонія* (стр. 21. вм. *Лифляндія*). На стр. 21 находимъ: „Народы отъ „Тевтоновъ происшедшіе суть во пер„выхъ *Нѣмцы*.—Ни одинъ Тевтонической „народъ не называется нынѣ Нѣмцами, „которыми мы называемъ сію многочи„сленную націю. Нѣмцы были не одна „нація, но соединеніе или конфедерація „Тевтоническихъ народовъ, случившееся „въ III вѣкѣ по Р. Хр. между Рейномъ и „Мейномъ.“ (вм. Майномъ). Очевидно, что во Французскомъ подлинникѣ сказано было: les Allemans. Переводчикъ, не

зная что Аллеманы было собственное названіе сей конфедераціи, справился только съ Лексикономъ и поставилъ *Нѣмцы*—не видя даже, что слово *мы* относится къ Французамъ, для которыхъ писалъ Авторъ. *Каринтію* (Kärnten) называетъ онъ *Коринфіею* (стр. 45), а *Самогитовъ Самоѣдами* (*). Приведемъ одинъ періодъ въ образецъ слога. (стр. 49.) „Нынѣшній Греческій языкъ родился отъ „стараго, называемаго литеральнымъ „(?) чрезъ вліяніе законовъ Римлянъ, и „чрезъ смѣшеніе Италіянскаго и Турецкаго, подобно какъ Французской, Испанской, Италіанской и пр. но съ сею „замѣчательною разницею, что сіи послѣдніе языки, рожденные въ вѣкѣ варварства, и возвысились на степень „ученыхъ и образованныхъ языковъ, между тѣмъ, какъ нынѣшній Греческій „остался языкомъ народа, которой сохранилъ изъ всего прежняго величія одно имя *Римлянъ* (?)“

Безсовѣстно портитъ такимъ образомъ хорошія книги! *Г.*

(*) „Нынѣ *Леттоны* встрѣчаются между *Самоѣдами*, въ „Курляндіи, въ части *Ливоніи*, Куришъ-Нерунгѣ, и „живутъ *вмѣсто рабовъ* у Нѣмецкихъ владѣтелей земель.“ (стр. 53.)

Разсматриватель жизни и нравовъ. Сочиненіе Николая Страхова. Часть I. II и III. Въ Сенатской Типографіи. Печатано иждивеніемъ Сочинителя. 1811 года.

Сія книга есть собраніе отрывковъ о разныхъ предметахъ. Расположеніе ихъ очень забавно. Прочитавъ статью о Св. Феодосіѣ, вдругъ находишь размышленіе о причинахъ неразмноженія народа въ Россіи; отъ Св. Нифонта переходитъ Сочинитель къ буквѣ *б*; отъ Сергія Радонежскаго къ вексельному курсу, и проч.— Къ сему странному расположенію прибавьте тяжелый, неправильный слогъ, совершенное незнаніе Грамматики, множество ошибокъ противъ здраваго смысла, множество непоняшныхъ разсужденій, площадныхъ анекдотовъ и шутокъ — и будете имѣть понятіе о *Разсматривателѣ жизни и нравовъ*.

Вотъ самая малая часть тѣхъ ошибокъ, которыя замѣчены нами при чтеніи сей драгоцѣнной книги:

„Кто осмѣлится зазвѣнеть басно-„словными струнами, которыя отвсюду „пропянуты къ пороку?“ (Часть 1. стр. 8.) Какой мудрецъ можетъ изъяснить сію высокую мысль Г-на Сочинителя? — „Любовь отечества.“ (стр. 12.) вмѣсто: *любовь къ отечеству*; — „любовь другихъ“ — вмѣсто: *любовь къ ближнимъ*. „Союзъ *между народа и правительства*“ (стр. 14). — „Женщина, какъ *животное подозрѣваемое въ соблазнѣ*, вѣчно закрыта была „фатою“ (стр. 27.) — „Нынѣшнія женщины „составляютъ собою *рай общежитія*“ (стр. 31.) — „Камеръ-фрейлина *Гамелтова*“ — (стр. 40). Тутъ Г. Сочинитель перевелъ на Руской языкъ фамилію Гамильтонъ. — Георгій *Моноліаховитъ!!!*“ (стр. 62.) — „Россія „въ самыя древнія времена имѣла опыта-„ми ознаменовавшихъ себя *Юнговъ*. Нашъ „соотечественникъ Маркъ поселился „*среди погребаемыхъ* и мертвыхъ, жилъ „среди гробовъ Печерскаго кладбища.“ (стр. 123.) — Сочинитель забывъ, что Юнгъ былъ писатель, называетъ всѣхъ тѣхъ Юнгами, кто только живетъ на кладбищѣ. — „*Спущаясь съ далиской головы* къ „*ихъ* стану, мы встрѣчаемъ тиранскія „снуровки.“ — (Часть II. стр. 72.) Войдемъ

„въ самихъ себя и тамъ разсмотрѣвъ на-
„стоящее время, соберемъ подъ душев-
„ный взоръ всѣ настоящія приключенія,
„соберемъ и приближимъ къ сердцу на-
„шему всѣ въ отдаленіи случившіяся яв-
„ленія; всѣ трески происходящія отъ
„различныхъ паденій, дивныя сбышече-
„ства великихъ предпомысловъ, дивные
„всходы тѣхъ сѣмянъ, которыя за нѣ-
„сколько вѣковъ посѣяны были въ душахъ
„и сердцахъ! Тогда мы увидимъ и удосто-
„вѣримся, что настоящія времена всегда
„бываютъ родинами тѣхъ произшествій,
„которыми духъ человѣческій издавна
„очреватѣлъ.“ (Часть III. стр. 6.) Подоб-
ныя разсужденія, житіе нѣкоторыхъ
Святыхъ, выбранное Сочинителемъ изъ
Патерика, и нѣсколько площадныхъ анек-
дотовъ, какъ-то о ворѣ съ картиною, о
свиной тушѣ и проч. составляютъ *Раз-
смотрителя жизни и нравовъ.*

Въ заключеніе скажемъ, что г-нъ Со-
чинитель смотритъ на все съ дурной
стороны, все порочитъ, всѣхъ бранитъ.
На примѣръ, на стр. 68й IIй части онъ
говоритъ слѣдующее: „Когда я ни *сма-*
„*тривалъ* на такія (т. е. великолѣпныя)

„строенія, всегда *мнѣ приходила* печаль-
„ная мысль о *полѣзательствѣ ума* чело-
„вѣческаго.“ — — Не приходишь ли эта *печальная мысль* и тому, кто прочитаешь глупую книгу? —

P.

Исторія Генералисимуса, Князя Италійскаго, Графа Суворова Рымникскаго. Сочин. Е. Фукса. Часть 1 и 2, сѣ портретомѣ. Москва. Вѣ типографіи Всеволожскаго. 1811.

Исторія знаменитаго полководца не должна ограничиваться описаніемъ его подвиговъ. Мы любимъ слѣдовать за нимъ во внутренность его ставки, въ тѣснѣйшій кругъ друзей его: и можетъ ли быть удовлетворено любопытство наше, когда мы видимъ одни произшествія, не постигая причинъ ихъ; когда сопровождаемъ на поле сраженія полководца, не зная его характера и цѣли ему предназначенной? Не въ реляціяхъ и бюллетеняхъ долженъ Историкъ искать для себя матеріаловъ, но въ показаніяхъ очевидцевъ, а особливо въ запискахъ людей пользовавшихся довѣренностію героя и научившихся видѣть главную причину его успѣховъ въ великомъ его духѣ.

И такъ, кому приличнѣе было писать Исторію Суворова, какъ не сопутнику его въ походѣ опаснѣйшемъ и славнѣйшемъ, тому, кто зналъ его во всѣхъ

превратностяхъ щастія? Труды г-на Фукса тѣмъ болѣе заслуживаютъ благодарность читателей, что токмо человѣкъ весьма близкій къ Суворову могъ опровергнуть клеветы иностранныхъ писателей не одними восклицаніями, но и доказательствами, могъ достойно хвалить его простымъ описаніемъ его дѣлъ и чувствованій. Большая часть иностранцевъ представляютъ Суворова необразованнымъ и кровожаднымъ, личную храбрость его называютъ фанатизмомъ, а побѣды — дѣйствіемъ слѣпаго щастія. Напротивъ того, читая г-на Фукса мы проклинаемъ ужасныя кровопролитія, неизбѣжныя слѣдствія войны, но чтимъ память вождя, съ сердечнымъ умиленіемъ благодарящаго Бога за то, что ключи отъ столицы Польской не столь дорого имъ куплены, какъ отъ ея предмѣстія Праги; мы научаемся срывать покровъ его странностей и почти въ каждомъ словѣ, въ каждомъ дѣйствіи видѣть высокую цѣль и намѣреніе. Въ сочиненіяхъ иностранныхъ писателей, исключая Лаверна и немногихъ другихъ, можно ли узнать того Суворова, который на одрѣ тяжкой болѣзни въ Кобри-

нѣ писалъ достопамятное письмо, открывающее всю его тактику въ продолженіе Италіянскаго похода, его дальнѣйшіе виды, и причины остановившія быстрый полетъ его? виденъ ли мудрецъ чуждающійся даже названія героя? *Увы? слишколѣ долго гонялся я за сею мечтою,* говорилъ Суворовъ пресытясь славою на поляхъ Италійскихъ!

Воспріявъ похвальное намѣреніе почтить память своего благодѣтеля вѣрнымъ начертаніемъ его подвиговъ, г-нъ Фуксъ избралъ для сего блистательнѣйшую эпоху его жизни и главною цѣлію своей Исторіи поставилъ незабвенный походъ 1799 года. Во второй части представлена картина Европы въ исходѣ прошедшаго столѣтія, успѣхи Французской революціи, и военныя дѣйствія въ Италіи до прибытія туда Россійскихъ войскъ. Третія и четвертая части еще не выданы: въ нихъ г-нъ сочинитель обѣщаетъ намъ подробное описаніе побѣдъ Суворова, его примѣчанія о военномъ искусствѣ, переписку, реляціи и анекдоты: сверхъ того приложатся еще разные планы осадъ и сраженій, и карта театра войны. Сіи двѣ послѣднія части дол-

жны по содержанію своему, быть еще любопытнѣе первыхъ; и вообще все сочиненіе драгоцѣнно по множеству и важности матеріаловъ, составляющихъ оное.

Отдавая полную справедливость трудамъ г-на Фукса, мы не можемъ, въ слѣдствіе обязанности, которую на себя возложили, удержаться отъ замѣчанія, что онъ нерѣдко нарушаетъ порядокъ своего повѣствованія, и чрезъ то не можетъ избѣжать частыхъ повтореній. Въ самомъ вступленіи, занимающемъ всю первую книгу, и по моему мнѣнію слишкомъ пространномъ, касается онъ до описанія Итальянскаго и Швейцарскаго походовъ; тамъ же, говоря о трудностяхъ предлежащихъ Историку, вдругъ обращается къ переходу чрезъ Альпійскія горы; въ статьѣ о Французскихъ генералахъ, сражавшихся съ Суворовымъ и въ собственности невольно высказываетъ онъ читателю всѣ подробности военныхъ произшествій въ Швейцаріи, которыя бы должны относиться къ 3й части; за симъ помѣщено разсужденіе Лаверна о соединеніи Макдональда съ Моро, хотя г-нь Фуксъ не дошелъ еще

до вступленія Россійскихъ войскъ въ Италію. Сочиненія Суворова *о разводномъ ученіи* и *словесныя наставленія солдатамъ*, въ коихъ видна *печать особенности* (такъ переведено на стр. 138 й Французское слово originalité); любопытныя его возраженія Генералу Дюмасу, содержащія разныя подробности объ Италіянской кампаніи: сравненіе его съ Аннибаломъ и похвальное слово сему послѣднему, наконецъ письма самаго Сочинителя къ Издателямъ *Вѣстника Европы*—всѣ сіи отрывки, служащіе къ поясненію или дополненію Исторіи Суворова, и которые потому должны бы занимать особое мѣсто въ примѣчаніяхъ на концѣ книги, безпрестанно прерываютъ связь произшествій и утомляютъ вниманіе читателя. Обиліе и важность матеріаловъ конечно принадлежатъ къ существенной части Исторіи, но главное достоинство писателя состоитъ въ искусномъ расположеніи сихъ частей, и въ сохраненіи ненарушимаго порядка. Сіе правило свято наблюдаемо было всѣми лучшими Историками: они чувствовали, что безъ него не могли достигнуть нравственной своей цѣли, и наставлять читателя, по-

казывая ему какимъ образомъ одно произшествіе раждается отъ другаго, какъ часто малѣйшія причины производятъ самыя важныя послѣдствія. — Что касается до слога, то г-нъ Фуксъ говоритъ самъ на стр. 21й: „Знаю, что слогъ мой „не избѣгнетъ критики. Люди, кромѣ „тѣсныхъ предѣловъ своей комнаты, не„видавшіе ни сраженій, ни осадъ, ни горъ, „ни великаго человѣка, не ощущали нико„гда Энтузіазма, возвышающаго душу и „чувствія. Пусть назовутъ они слогъ „мой романическимъ, поэтическимъ эпи„ческимъ, и проч. Всякое описаніе Аль„повъ покажется баснословнымъ.“ Мы знаемъ, что сухость и однообразіе непростительны въ историческомъ слогѣ: но знаемъ также, что всему есть мѣра, и что языкъ писателя долженъ быть пріятенъ, чистъ, важенъ, силенъ, смотря по обстоятельствамъ. Краснорѣчіе Тита-Ливія прилично величеству Республики Римской; Полибій, писавшій для полководцевъ, тщательно повѣствуетъ о всѣхъ подробностяхъ, относящихся до военнаго искусства, а Кесарь быстръ въ описаніи побѣдъ своихъ; Тацитъ, сей вѣрный живописецъ ширан-

ства и развратa, крашокъ и силенъ въ своихъ изображеніяхъ. Многіе изъ новѣйшихъ писателей весьма удачно подражали искусному ихъ разнообразію: и чтеніе сихъ великихъ образцовъ, лучше всякихъ правилъ, можетъ научить какъ избѣгать напыщенности и неправильности, которыя иногда примѣшны въ сочиненіи г-на Фукса. Но по справедливости должно сказать, что сіи недостатки замѣняются вообще живостію въ слогѣ и важностію приличною содержанію. Въ доказательство словъ моихъ выпишемъ слѣдующее мѣсто, одно изъ лучшихъ въ первой части: „Когда Историкъ видитъ про„изшествія, свершающіяся предъ *своими* „глазами, то перо его одушевляется и „превращается въ кисть, описаніе въ „живопись, самый ужасъ сраженія ожи„вляетъ его картину. Князь Александръ „Васильевичь бралъ меня съ собою на сіи „мѣста, на которыхъ громъ огнедыша„щихъ жерлъ, свистъ ядеръ и пуль *за„глушали* воздухъ, сверкающіе*ся* штыки „покрывались кровію и густымъ дыма„момъ, и устилали поля мертвыми тѣ„лами. Тамъ зрѣлъ я волшебство началь„ника, войскомъ боготворимаго, какъ по

„единому его слову, мановенію двигают-
„ся сіи огромныя человѣческія стѣны,
„забываютъ, что онѣ смертны и броса-
„ются въ огонь. Тамъ видѣлъ я *сіе На-*
„*чальнику судьбу свою вѣрившее вой-*
„*ско* (*), какъ оно воевало безъ провіанту,
„безъ мостовъ переплывало рѣки и забы-
„вало усталость, изнуреніе. Двадцати-
„лѣтній раненный Порутчикъ Князь Ме-
„щерскій на Альпахъ кричитъ *ко* мнѣ: не
„забудь меня въ реляціи—и чрезъ двѣ ми-
„нуты умираетъ!“ Вотъ черта достойная пламеннаго честолюбія, одушевляющаго воиновъ Рускихъ, черта достойная Леонида и его сподвижниковъ, погибшихъ за Спарту подъ Θермопилами!

Описаніе жизни Суворова тѣсно сопряжено съ исторіею важнѣйшихъ произшествій въ Европѣ, въ которыхъ Герой нашъ имѣлъ столь великое участіе своими побѣдами надъ Турками, завоеваніемъ Польши, освобожденіемъ Италіи. Историкъ Суворова, изображая намъ его подвиги, долженъ былъ напередъ представить картину всѣхъ Европейскихъ Дер-

(*) Оборотъ неясный и притомъ неестественный: ибо свобода переставновки словъ и въ Рускомъ языкѣ имѣетъ свои границы.

жавъ, исчислитъ отношенія ихъ между собою, и показатъ, по какому поводу Россійскія силы соединились съ Австрійскими. Г-нъ Фуксъ очень хорошо выполнилъ сію обязанность. Обратившись къ самому началу Французской революціи, онъ начерталъ ходъ различныхъ преобразованій въ войскахъ и въ самой тактикѣ новыхъ Республиканцовъ, причины быстрыхъ успѣховъ ихъ въ Италіи подъ начальствомъ Генерала Бонапарте, а потомъ неудачъ ихъ, коимъ главнѣйшими причинами полагаетъ: неискусство Шерера, охлажденіе энтузіазма въ солдатахъ и положеніе театра войны. Политика союзныхъ съ Россіею Дворовъ объяснена самыми основательными доводами, и заранѣе приготовляетъ читателя къ невыгоднымъ послѣдствіямъ Италіянскаго похода, совершеннаго столь славно и удачно. — Слѣдующее потомъ исчисленіе контрибуцій собранныхъ въ Германіи, Нидерландахъ, Италіи Французами и портреты ихъ Генераловъ весьма любопытны. Сочинитель выхваляетъ искусство Моро, о которомъ Суворовъ нерѣдко говаривалъ: *горжусь, что имѣю дѣло съ славнымъ человѣкомъ*; мужество и хлад-

нокровіе Серрюрье; отличные подвиги юнаго Жуберта и Макдональда: но, по моему мнѣнію, не отдаетъ должной справедливости Массенѣ, занявшись опроверженіемъ его реляціи о сраженіи Муттентальскомъ. Казалось, что судьба нарочно хотѣла возвысить славу Суворова, противополагая ему лучшихъ Французскихъ Генераловъ.

Каждая черта, показывающая духъ сего чрезвычайнаго человѣка, возбуждаетъ любопытство читателей; а посему извѣстіе объ его домашней жизни, странностяхъ и острыхъ шуткахъ, писанное очевиднымъ свидѣтелемъ, заслуживаетъ отличное мѣсто въ сей Исторіи. Говоря (на стран. 181. первой части) о *проказахъ* Суворова, г-нъ Сочинитель полагаетъ онымъ причину въ словахъ Екатерины II: „*Всѣ великіе люди имѣли свои стран-*„*ности.* Суворовъ сіе узналъ, онъ хотѣлъ „сдѣлаться извѣстнымъ Великой; съ того „времени принялъ онъ на себя личину „странностей, а въ послѣдствіи избы-„точествовалъ столько проказами, что „прослылъ у простолюдимовъ и солдатъ „*прокаженнымъ*, *неуязвленнымъ* (неуяз-„вляемымъ), и проч.“ Но я осмѣливаюсь

сомнѣваться, чтобы слова Екатерины были причиною странностей Суворова, и скорѣе повѣрю, что сіи послѣднія послужили поводомъ къ словамъ Императрицы. Суворовъ вѣроятно *проказничалъ* гораздо прежде, нежели сталъ извѣстнымъ; а въ послѣдствіи уже вздумалъ прикрывать шалостями глубокомысленные свои виды и поступки. Его безкорыстіе и совершенная безпечность о домашнихъ дѣлахъ едва примѣтны были подъ личиною мнимой скупости, а ласковое со всѣми обращеніе часто замѣнялась скучнымъ церемоніаломъ и язвительными насмѣшками. Сколь остра, напримѣръ, его шутка надъ однимъ пріѣхавшимъ изъ Петербурга молодымъ человѣкомъ, который за столомъ безпрестанно говорилъ о милостяхъ къ нему Императрицы, и о томъ, какъ часто онъ имѣлъ щастіе съ Нею разговаривать! Суворовъ тотчасъ остановилъ его и приказалъ записать слѣдующее: „Князь Потемкинъ го„воритъ съ Государынею завсегда, Суво„ровъ иногда, а такой-то ни когда.“ Такимъ же образомъ остановилъ онъ одного Генерала, повторявшаго ему о своей дружбѣ, приказавъ Адъютанту записать

сіи слова: „служба — дружба — двѣ па„ралельныя линіи, которыя вмѣстѣ не „сходятся.“ (стр. 169.) Еще достопамятнѣе анекдотъ о военномъ судѣ, который приговорилъ Суворова къ лишенію чиновъ и жизни за взятіе Турпукая безъ воли и вѣдома главнаго начальства. Екатерина написала на докладѣ: „побѣдителя судить не должно.“ Ни одинъ бы Государь конечно не исполнилъ надъ Суворовымъ сего приговора: но всякой ли бы умѣлъ уничтожить оный столь лестными для побѣдителя словами?

Такія примѣчательныя черты наполняютъ все сочиненіе г-на Фукса. Жаль, что сіи извѣстія, столь драгоцѣнныя для потомства, поставлены не на своемъ мѣстѣ, и часто, какъ выше сказано, прерываютъ связь повѣствованія. Ревнуя ко славѣ Суворова и къ совершенству его Исторіи, мы усердно желаемъ, чтобы г-нъ Фуксъ расположилъ двѣ остальныя части своей книги сообразнѣе предначертанному порядку и болѣе послѣдовалъ естественному ходу произшествій.

Замѣтимъ въ заключеніе одну важную ошибку, которая не должна бы существовать въ сей полезной и любопытной

книгѣ. На 118й сіпран. первой части въ описаніи приступа къ Прагѣ сказано: „Четвертая колонна, преодолѣвъ всѣ „препятствія и *захвативъ двухъ конныхъ ратниковъ*, немедленно овладѣетъ „паркомъ.“ Могъ ли Суворовъ посылать цѣлую колонну для захваченія *двухъ конныхъ ратниковъ*, и къ чему бы они ему послужили? Должно думать, что г-нъ Фуксъ, переводя сіе мѣсто съ Французскаго (можетъ быть изъ Антинга), ошибся въ значеніи слова cavalier, подъ коимъ разумѣютъ Инженеры *возвышенную батарею, строющуюся въ насыпномъ бастіонѣ или на срединѣ куртины.* —

Д.

Прибавленіе къ Разговорамъ о Словесности, или возраженія противъ возраженій, сдѣланныхъ на сію книгу. Въ С. П. бургѣ, печатано въ Типографіи Ивана Глазунова 1812 года.

(Сія Критика доставлена Обществу отъ неизвѣстнаго.)

Въ Вѣстникѣ Европы (1811 года No 12, стр. 285, и No 13, стр. 34.) помѣщена была критика на книгу А. С. Шишкова: *Разговоры о Словесности.* Нынѣ вышло въ свѣтъ возраженіе на сію критику, писанное не самимъ Гмъ Сочинителемъ *Разговоровъ*, но какимъ-то молодымъ, неопытнымъ человѣкомъ (*), который осмѣлился сказать въ началѣ своей книжки, что самъ Сочинитель *Разговоровъ* поручилъ ему писать возраженіе

(*) Хотя я не знаю его, но могу полагать, что онъ дѣйствительно человѣкъ весьма молодой и совершенно неопытный. Это доказывается: 1 е. тѣмъ, что въ книжкѣ его примѣтны жаръ и запальчивость, несвойственныя пожилымъ людямъ; 2 е что онъ не можетъ еще разсуждать основательно о томъ предметѣ, о которомъ пишетъ, и 3 е что онъ не прошелъ еще всего курса Грамматики: иначе не писалъ бы возраженія *противъ* возраженій.

на критику Издателя Вѣстника Европы (*); но можно ли повѣрить, чтобы почтенный Сочинитель *Разговоровъ*, будучи въ состояніи самъ весьма хорошо отвѣчать на замѣчанія, сдѣланныя Издателемъ Вѣстника, поручилъ сей трудъ такому человѣку, который часто несогласенъ со мнѣніемъ того, кого защищаетъ; который во многихъ мѣстахъ отступаетъ отъ правилъ здравой Логики, и котораго можно упрекнуть незнаніемъ Грамматики? —

Не стану разсматривать всѣхъ его заблужденій и ошибокъ (ихъ очень много, и я предоставляю замѣтить оныя г-ну Издателю Вѣстника Европы); но постараюсь доказать, что почтенный Сочинитель *Разговоровъ о Словесности* совсѣмъ не поручалъ вступаться за себя г-му неизвѣстному молодому писателю.

Сей послѣдній говоритъ: „Разборъ „или мнѣніе Господина Издателя *о книгѣ*“ и проч. (стр. 1.) Можно ли сказать: разборъ *о книгѣ*; и можно ли подумать, чтобы почтенный Сочинитель *Разгово-*

(*) Вотъ слова г-на неизвѣстнаго: „Сочинитель Разговоровъ благодаритъ чрезъ меня за доброе о немъ „мнѣніе Господина Издателя Вѣстника.“ (стр. 1.)

ровъ, знающій хорошо Руской языкъ, прибѣгнулъ подъ защиту такого человѣка, который писать не умѣетъ? —

„Я по тому-жъ самому *подвигу*, то „есть для пользы словесности, намѣренъ“ и проч. (стр. 2.) — Очевидно, что здѣсь слово *подвигъ* поставлено вмѣсто *причина*, но по какому *подвигу* сдѣлалъ сіе молодой сочинитель — неизвѣстно.

Г-нь Издатель Вѣстника Европы на слѣдующія слова Сочинителя *Разговоровъ*: „Языкъ нашъ имѣетъ въ церковныхъ кни„гахъ *правила* достаточныя и твердыя „для правописанія“ — возражалъ весьма хорошо, говоря: „Въ церковныхъ книгахъ „содержатся только примѣры, изъ ко„торыхъ составлены правила для право„писанія; что-жъ касается до самыхъ „правилъ, то ихъ искать надобно въ „Грамматикахъ.“ Но г-нъ неизвѣстный находитъ „что сіе возраженіе *имѣетъ толь„ко видъ возраженія* (стр. 2), но въ са„момъ дѣлѣ подтверждаетъ мнѣніе Сочи„нителя *Разговоровъ*.“ Всякой видитъ, что г-нъ Сочинитель *Разговоровъ*, смѣшавъ слова: *правила* и *примѣры*, ошибся (и кто не ошибается?). Но молодой защитникъ его не находитъ въ семъ слу-

чаѣ ошибки, и тѣмъ подаетъ поводъ заключать, что онъ писалъ возраженіе свое безъ согласія г-на Сочинителя *Разговоровъ*, который столько благоразуменъ, что вѣрно признался бы въ своей ошибкѣ.

„Заблуждаться въ томъ, и только „думать про себя, а не дѣйствовать, „не принесетъ никакова вреда языку.“ (стр. 9.). Галлицизмъ. Должно сказать: „когда будутъ заблуждаться въ томъ и „только думать про себя, а не дѣйст„вовать, то не принесутъ никакого „вреда языку.“—Всѣмъ извѣстно, что почтенный Сочинитель *Разговоровъ* во всѣхъ сочиненіяхъ своихъ вооружается противъ Галлицизмовъ, вводимыхъ въ языкъ нашъ худыми писателями: и такъ можно ли предполагать, чтобъ онъ выбралъ защитникомъ своимъ того, который часто употребляетъ Галлицизмы?

„Мы найдемъ писателей, которые „увѣряютъ, что Руской языкъ *столько „же далекъ* отъ Славенскаго, какъ Фран„цузской отъ Латинскаго: не ужьли имъ „вѣрить и не сожалѣть о крайнемъ ихъ „заблужденіи.“ (стр. 10.)Какъ повѣрить г-ну неизвѣстному *и не пожалѣть о край-*

нелѣ его заблужденіи, когда знаешь, что ни одинъ человѣкъ не говорилъ: Руской языкъ *столько же далекъ* отъ Славенскаго, какъ Французской отъ Латинскаго. Въ разсмотрѣніи *Перевода двухъ статей изъ Лагарпа*, (см. Цвѣтникъ 1810 года No 11, стран. 259) нашелъ я слѣдующее: „Россійской языкъ происходитъ отъ Сла„венскаго точно также какъ Француз„ской отъ Латинскаго, смѣшаннаго съ „Цельтскимъ, или Вельхскимъ, съ тѣмъ „только различіемъ, что Французской „еще въ X вѣкѣ началъ отдѣляться отъ „своего корня“ и проч. Но гдѣ же тутъ выраженіе: *столько же далекъ*, которое совершенно перемѣняетъ смыслъ? Это показываетъ, что г-нъ неизвѣстный не съ надлежащимъ вниманіемъ читаетъ книги, на которыя возражать собирается, и что поступаетъ не по правиламъ г-на Сочинителя *Разговоровъ*, который весьма рѣдко (и уже по совершенной необходимости) заставляетъ противниковъ своихъ говорить не то, что они говорятъ въ самомъ дѣлѣ. (*)

(*) Въ Цвѣтникѣ (1810 года No 12. стр. 474.) выписано было изъ одной поэмы нѣсколько десятковъ неупотребительныхъ словъ и странныхъ выраженій. г-нъ Сочинитель *Разговоровъ о Словесности*, защищая

„Говоришь о семъ надобно доказы-„вать.“ (стр. 11.) Это непонятно для читателей, а можетъ быть и для самого Сочинителя возраженій.

„Г. Издатель на выписанныя имъ „слова *Сочинителевы*“ и проч. (стр. 20.)— Совѣтую молодому, неизвѣстному человѣку прочитать Грамматику: въ ней найдетъ онъ много *возраженій* на свою книжку.

„Да позволено мнѣ будетъ о Французскомъ языкѣ, о словѣ *vache* и проч. „умолчать.“ (стр. 34.) Какой слогъ! *Да позволено* будетъ умолчать о коровѣ!!

„Какое ученое и жаркое *возстаніе* „противу слова извитіе!“ — (стр. 37.) Что за *возстаніе*?

„Для чего же не стараться намъ

сіи слова, говоритъ: „Вотъ что наблюдаютъ хорошіе „писатели, а не то, чтобъ кричать: *чресла*, *жезлъ*, „*препояши*, *безлучный*, *огнезарный*, *безлестный*, *всезлоб-*„*ный*, *плотоядный*, *возсоздать*, *бдѣніе*, *стыдѣніе*, *воздоен-*„*ный* и проч. это Славенскія — сохрани насъ Богъ отъ „нихъ!“ — Изъ двенадцати приведенныхъ здѣсь словъ, шесть (*чресла*, *жезлъ*, *препояши*, *плотоядный*, *бдѣніе*, *воздоенный*) приписаны къ прочимъ г-мъ Сочинителемъ *Разговоровъ* для вящшаго подкрѣпленія своихъ доказательствъ. Тутъ употреблено имъ (скажемъ словами молодаго защитника *Разговоровъ*) одно изъ тѣхъ средствъ, къ которымъ прибѣгаютъ иногда для лучшаго показанія правости своей въ обвиненіи другаго (стр. 69.).

„очистить языкъ свой отъ *засоренія*, „которое сдѣлано было по нуждѣ и не„обходимости.“ (стр. 41.) Можно ли назвать то *засореніемъ*, что сдѣлано по необходимости?

„Для чего построенную вновь ком„нату не выместь, дабы въ ней было „жить пріятнѣе? Сами науки того тре„буютъ; ибо безъ сего не могутъ онѣ „быть такъ ясны и съ такимъ успѣ„хомъ разпространяться.“ (стр. 41.) — Какое доказательство! Для того, чтобъ науки разпространялись, надобно вымести комнату.

„*Одинъ* Невтонъ и Эйлеръ тому „возпрекословятъ.“ (стр. 47.) Сочинитель поставилъ бы десять имянъ, и между тѣмъ все бы сказалъ: *одинъ*.

„Господинъ Издатель говоритъ, что „онъ узналъ его (значеніе слова: figura) „изъ Цицерона и Квинтиліана; но *почему „же онъ узналъ его?*“ — (стр. 48.) Потому, что Г. Издатель Вѣстника знаетъ Латинской языкъ, который неизвѣстенъ молодому защитнику *Разговоровъ*.

„Извитіе происходитъ отъ глагола „*вію*, *извиваю*, или *извращаю*, и слѣдова„тельно значитъ: даю прежнему образу

„*другой, лучшій.*“ (стр. 50.) Неужли всякая вещь, которая *извращена*, дѣлается *лучшею?*

Издатель Вѣстника Европы говоритъ: „Разсмотрѣніе нѣкоторыхъ примѣровъ „изъ книгъ богослужебныхъ, сдѣланное „господиномъ Сочинителемъ, было бы „гораздо полезнѣе, естьлибъ оные сличае„мы были съ подлинниками.“ На сіе молодой защитникъ *Разговоровъ* возражаетъ: „За чѣмъ? Сочинителю *Разговоровъ* ни„какой надобности не было сличать ихъ „съ подлинниками .... Какое до того дѣло „и Сочинителю *Разговоровъ* и читателю? „какая мнѣ нужда и польза увидѣть, что „*братоубійственною* и по Гречески точ„но тоже? что Французское *conscience* и „Руское *совѣсть* представляютъ точно „тожъ сложное понятіе, поелику предлогъ *con* значитъ *со*, а имя *science*, *вѣдѣ„ніе*?... До этого (т. е. до того, что слова: *братоубійственный*, *боготочный*, составлены по образцу Греческихъ) нѣтъ „мнѣ ни малѣйшей надобности, ниже „любопытства; ибо (прекрасное доказательство!) я и безъ того знаю, что всѣ „народы одарены умомъ и размышле„ніемъ.“ (стр. 52.) — Г-нъ неизвѣстный

увѣряетъ, что для него нѣтъ никакой нужды и пользы знать по Гречески; а между тѣмъ хочетъ говорить о языкѣ, и толковать намъ слова, составленныя по образцу словъ Греческихъ. Не зная, что во Французскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ предлога: *con*, онъ говоритъ, что слово: *conscience* составлено такъ какъ Руское: *совѣсть*. Наконецъ, не стыдно ли писателю, разсуждающему о языкѣ, утверждать, что ему *нѣтъ ни малѣйшей надобности, ниже любопытства* знать, Греческой ли языкъ, или иной какой подалъ поводъ къ составленію на нашемъ языкѣ весьма многихъ словъ? Худую о себѣ подаетъ надежду г-нъ неизвѣстный молодой Сочинитель, когда онъ не чувствуетъ ни *надобности* ни *любопытства* знать то, что необходимо нужно знать ученому, разсуждающему о языкахъ. Можно ли повѣрить, что бы почтенный Сочинитель *Разговоровъ*, въ сочиненіяхъ котораго примѣчаемъ мы ученость, соединенную съ познаніемъ языковъ, избралъ своимъ защитникомъ молодаго человѣка, который не имѣетъ и не хочетъ имѣть свѣденій, необходимо нужныхъ для ученаго?

„Хотя смѣлость значитъ нѣчто иное, „однакожъ гдѣ *сила*, тамъ уже есть и „*смѣлость*.“ (стр. 54.) На это можно сказать г-ну молодому Сочинителю, что у него много смѣлости, и даже дерзости, а силы не примѣтно.

„Хотѣть другихъ поправлять, пре„подавая имъ правила въ наукѣ красно„рѣчія, надобно весьма надежну быть на „себя, иначе самолюбіе заведетъ насъ „самихъ въ погрѣшности.“ (стр. 56.) Это сказано не по руски, и показываетъ, что хотя молодой Сочинитель *былъ весьма надеженъ на себя*, но самолюбіе *завело его въ погрѣшности*.

„Да кто исправитъ (говоритъ молодой защитникъ *Разговоровъ* на стр. 63.) „и очиститъ Несторову, Никонову лѣ„тописи, Рускую правду, Владимирову „духовную, Слово о полку Игоревомъ и „проч. Ихъ и очищать не надобно. *Это „было бы ихъ испортить*. Они священны „древностію своего языка и слога; даже „и *письмо* и *начертаніе буквъ* того вре„мени надлежало бы въ нихъ сохранять. „А что есть въ нихъ темныя и невра„зумительныя мѣста, это правда; тако„выя мѣста не исправлять, а сколько

„можно растолковывать надлежитъ.“ — Молодой писатель говоритъ, что не должно очищать и исправлять Несторовой и Никоновой лѣтописей, Руской правды, Духовной Владимира, Слова о полку Игоревомъ и проч. ибо сими поправками ихъ испортили бы. Но развѣ онъ не знаетъ, что самъ почтенный г-нъ Сочинитель *Разговоровъ о Словесности* перевелъ Слово о полку Игоревомъ, и сказалъ: „Сего „ради разсудилось мнѣ преложить, или „паче *передѣлать оное* такимъ образомъ, „чтобъ оставляя всѣ красоты подлинника, безъ всякой, поколику можно, перемѣны словъ, *невразумительныя мѣста „сократить или пропустить*; прочія же, „требующія распространенія, дополнить „своими приличными и на вѣроятныхъ „догадкахъ основанными *умствованіями*.“ (Соч. и перев. Рос. Акад. Часть I. стр. 202.) — Я не стану разсуждать, хорошо или худо поступилъ г-нъ Сочинитель *Разговоровъ*, передѣлывая *Слово о полку Игоревомъ*, сокращая, а иногда и пропуская невразумительныя мѣста въ ономъ; но скажу только, что неизвѣстному молодому человѣку непростительно не знать того, что писалъ почтен-

ный г. Сочинитель *Разговоровъ* о переводѣ своемъ на Руской языкъ *Слова о полку Игоревомъ*. — „Ихъ и очищать не „надобно. Это было бы ихъ испортить“— говоритъ неизвѣстный Авторъ возраженій. Защищая г-на Сочинителя *Разговоровъ*, онъ самъ подаетъ на него оружіе. Не все ли удостовѣряетъ, что г-нъ неизвѣстный взялся возражать на критику г-на Издателя Вѣстника Европы безъ согласія почтеннаго Сочинителя *Разговоровъ*? —

„Сіи любимыя фигуры младенческаго „искусства, сіи представленія невозмож- „ностей (*) находимъ мы въ самыхъ луч- „шихъ стихотворцахъ, въ Гомерѣ, въ „Виргиліи, въ Тассѣ, въ Ломоносовѣ.“ (стр. 69.) Можно ли повѣрить, чтобъ почтенный Сочинитель *Разговоровъ о Словесности*, безъ сомнѣнія очень прилѣжно читавшій Гомера, Виргилія, Тасса, Ломоносова, позволилъ молодому своему защитнику написать эти слова? Не показываютъ ли они, что молодой, неопытной человѣкъ написалъ ихъ по собствен-

(*) Какъ-то слѣдующія выраженія: *видно какъ изъ косточки въ косточку можжевелокъ переливается; и на груди красное солнце, во лбу свѣтелъ мѣсяцъ, во затылкѣ частыя звѣзды.*

ному своему произволу, не совѣтуясь съ умными людьми, и зная Гомера, Виргилія, Тасса, а можетъ быть и Ломоносова по одному слуху?

Оканчиваю выписки мои изъ книжки г-на неизвѣстнаго. Я не хотѣлъ подробно разбирать ее, и можно ли разбирать ее подробно? Скажу о ней тоже, что сказано Сочинителемъ *Разговоровъ* объ одной критикѣ: „если-бъ мы захо„тѣли съ подробностію разсмотрѣть „оную, то конечно во многихъ мѣстахъ „произвели бы въ читателѣ удивленіе и „смѣхъ.“ (Соч. и переводы Росс. Академіи, часть V. стр. 265.)

(31 Января.)

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано.			Читай.
Стр. 49	строк. 6	ardui	arduis
— 92	— 20	освѣщенiи нiи	освѣщенiи
— 118	— 22	собственности	особенности

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЙ

ВѢСТНИКЪ.

ФЕВРАЛЬ 1812. No 2.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

Вліяніе крестовыхъ походовъ на просвѣщеніе въ Европѣ.

(Окончаніе.)

Но не замѣнены ли крестовыми походами какъ нибудь иначе причиненныя ими потери въ классической словесности? Нельзя сказать, чтобъ немногія рукописи, случайно пренесенныя крестоносцами на западъ, доставили какую либо пользу. Но справедливость требуетъ замѣтить, что крестовые походы предуготовили на западѣ благосклонное принятіе классической Литтературы, которая преселилась туда уже въ послѣдующіе вѣки. Крестовые походы познакомили Италію съ Греціею, а частыя

сношенія сихъ двухъ земель побудили Греческихъ музъ переселиться въ Италію, когда онѣ лишились прибѣжища въ отечествѣ своемъ. Какъ бы можно было перенести науки въ Италію, естьлибъ торговля, возбужденная крестовыми походами, не сблизила ее съ Греціею? Не прежде какъ въ концѣ 14го столѣтія преселился въ Италію первый Грекъ (Мануилъ Хрисолорасъ), учитель Греческаго языка и словесности; за нимъ послѣдовали многіе другіе. Крестовые походы удобрили сію землю для приняшія новыхъ чужеземныхъ растѣній.

Во время крестовыхъ походовъ господствовала на западѣ *схоластическая Философія*. Она не была послѣдствіемъ сихъ походовъ, ибо водворилась въ Европѣ ранѣе: изъ главныхъ ея учредителей Ланфранка при началѣ оныхъ не было уже на свѣтѣ, а Ансельмъ находился въ глубокой старости (*). Сочиненія Аристотеля, источникъ схоластической Философіи за долго до крестовыхъ походовъ были извѣстны и дополняемы на западѣ. Правда, что чрезъ крестовые

(*) Ланфранкъ умеръ въ 1107 году.

походы, по взятіи Константинополя, перенесены были на западъ нѣкоторыя новыя творенія Аристотеля, а именно его Метафизика, которая въ тоже время переведена на Латинскій языкъ (*). Императоръ Фридерикъ II велѣлъ перевести на Латинскій языкъ нѣкоторыя изъ оныхъ, бывшія дотолѣ неизвѣстными, и доставить ученымъ Болонцамъ. Хотя крестовые походы не были первою причиною возрожденія Аристотелевой системы на западѣ, но способствовали распространенію оной. Частое сообщеніе съ Константинополемъ имѣло вліяніе на распространеніе схоластическаго ученія. Изъ твореній Анны Комнины примѣтно, что Аристотелева Философія въ Константинополѣ господствовала также какъ и на западѣ (**). Духовенство, сопровождавшее крестоносцевъ,

---

(*) Сей переводъ привезенъ былъ въ Парижъ. Сначала думали, что онъ наполненъ ересью, и потому запрещено было читать и толковать оный.

(**) И въ Константинополѣ назывались Философіею пустыя словопрѣнія (Діалектика). Анна Комнина говоритъ объ одномъ Діалектикѣ-краснобрцѣ, прошивъ котораго никто не могъ устоять. Если-ли онъ, говоритъ Княжна — скажетъ *предположивъ сіе*, то никакъ нельзя было опровергнуть слѣдствій, выводимыхъ имъ изъ своего предположенія.

смѣшавъ схоластическую Философію съ ученіями о вѣрѣ, пристрастилось къ ней до безумія. Слѣдуя за успѣхами сей Философіи въ 13^мъ вѣкѣ, видимъ, что она болѣе и болѣе превращалась въ пустыя словопрѣнія, уничтожала почти всѣ другія полезныя знанія, и налагала на умъ человѣческій тяжкія оковы, которыя онъ началъ расторгать въ 15^мъ вѣкѣ.

Кажется, что во время крестовыхъ походовъ свѣденія въ Географіи болѣе всѣхъ распространились. Но какъ Франки не имѣли никакихъ познаній, необходимыхъ для составленія Географіи критической, то вся польза сія ограничивается нѣкоторыми общими, скудными извѣстіями объ отдаленныхъ странахъ, не смотря на то, что нѣкоторыя изъ оныхъ доставлены очевидцами. Разсмотримъ сіе подробнѣе.

Крестовые походы открыли Европейцамъ востокъ; они доставили возможность предпринимать путешествія въ отдаленнѣйшія страны. Въ концѣ сихъ походовъ основалась держава Моголовъ. Сей кочующій народъ, учредивъ многія государства и познакомившись съ прибылью и удовольствіями, которыя до-

ставляетъ торговля, рѣшился покровительствовать и защищать ее. Въ 13 мъ столѣтіи караваны безпрепятственно ходили отъ западной Азіи до самаго Китая. Роскошь водворилась въ столицахъ новыхъ Азійскихъ владѣній. Купцы могли надѣяться, что продадутъ въ нихъ выгодно драгоцѣннѣйшіе товары. Корыстолюбіе побуждало предпринимать дальныя, опасныя путешествія. Италіянскіе купцы посѣщали отдаленнѣйшія страны востока. — Усердіе къ вѣрѣ также споспѣшествовало къ познанію Азіи. Католики надѣялись обратить въ Христіанство Могольскихъ Государей; иногда приходили ложныя извѣстія, что нѣкоторые изъ нихъ приняли или намѣрены принять крещеніе. По всей Европѣ разнесся слухъ, что одинъ могущественный Христіанскій Монархъ, именемъ *Іоаннъ священникъ*, владѣетъ далеко на востокѣ, но гдѣ точно — того никто не могъ сказать. Все сіе побуждало Папъ отправлять Миссіонеровъ въ тѣ отдаленныя страны.

Упомянемъ о важнѣйшихъ миссіяхъ и купеческихъ путешествіяхъ, бывшихъ въ 13 и 14 столѣтіяхъ; описанія ихъ

долгое время были единственными источниками, изъ которыхъ почерпались свѣденія о востокѣ. Таковыя миссіи начались во время Могольскихъ набѣговъ, въ половинѣ 13 столѣтія. Цѣлыя толпы монаховъ и проповѣдниковъ отправлялись въ отдаленныя земли, для обращенія язычниковъ въ Христіанскую вѣру: крестовые походы пріучили ихъ къ странствіямъ. Первые два путешественника, которыхъ извѣстія дошли до насъ, были: *Планъ Карпинъ*, Итальянскій Миноритъ, посланный въ 1246 году къ Хану Батыю въ Капчакъ (*), и *Асцелинъ*, посланный въ 1254 году туда же, но по другой дорогѣ, чрезъ Кіевъ (**). Въ тоже время Лудовикъ святый отправилъ *Вильгельма Рюбрюквиса* (***), Брабантскаго Минорита, въ Каракорумъ къ великому Хану Мангу, который, какъ носился

(*) Два извѣстія, одно краткое, другое пространное о его путешествіи находятся въ Hacluit's Navigations and Voyages. Т. 1. стр. 21 и 37. Онъ провелъ въ путешествіи 16 мѣсяцевъ.

(**) Извѣстія о его путешествіи (правда весьма неполныя) сохранены въ Speculum historiale Винцента де Бове. Онъ былъ посланъ Батыемъ къ великому Хану Аюку, и проѣхалъ большую часть средней Азіи до Кажгара.

(***) Полное путешествіе его помѣщено въ *Purchase* Pilgrimes. Т. III. стр. 1 и слѣд. Онъ также проѣхалъ большую часть степей средней Азіи.

слухъ, принялъ Христіанскую вѣру. Въ началѣ 14 столѣтія монахъ *Одерихъ фонъ Портенау* ѣздилъ чрезъ Константинополь въ Персію, въ Ормусъ; оттуда на Индійской полуостровъ по сю сторону Ганга, а потомъ чрезъ острова другаго полуострова въ Китай, гдѣ онъ жилъ три года въ Пекинѣ при дворѣ великаго Хана (*).

Но Венеціанскій купецъ *Марко-Поло* превзошелъ ревностію и мужествомъ сихъ миссіонеровъ (**), въ молодости своей отправился (въ 1270 году) въ Азію съ отцемъ своимъ и дядею, которые уже прежде того, около 1250 года, чрезъ Константинополь и Крымъ ѣздили ко двору великаго Хана Кублая. Онъ странствовалъ въ сей части свѣта 26 лѣтъ, и по возвращеніи домой (при чемъ взятъ былъ въ плѣнъ Генуэзцами) сочинилъ описаніе своихъ путешествій. Ни одинъ путешественникъ среднихъ вѣковъ не бывалъ въ столь многихъ земляхъ. Онъ первый изъ Европейцовъ увидѣлъ (сколько намъ

(*) Въ *Ramusio* Raccolta di viaggi. II. стр. 246, и въ *Hacluit.* voyages. II. стр. 39.

(**) У *Ramusio* Т. II. стр. 4 и слѣд. О спорахъ въ разсужденіи сего путешествія См. *Tiraboschi* Storia della letteratura Italiana. Т. IV. стр. 82 и слѣд.

извѣстно) Архипелагъ Индійской и Китай; объѣхалъ почти всѣ земли средней и южной Азіи; но всѣ знаютъ съ какимъ трудомъ сопряжено толкованіе его извѣстій, въ которыхъ многія имена изкажены невѣжествомъ и небрежностью переписчиковъ. Твореніе его почиталось долгое время единственнымъ руководствомъ въ познаніи востока.

Сіи и нѣкоторые изъ послѣдовавшихъ имъ путешественниковъ въ 14 столѣтіи (*) весьма распространили познанія въ Географіи. Они посѣтили и описали почти всѣ земли и острова южной Азіи (кромѣ Тибета, и вѣроятно нѣкоторыхъ частей полуострова по ту сторону Ганга), неизмѣримыя степи средней Азіи, пустыни окружающія Китай съ сѣвера и запада и даже сіе послѣднее Государство. Географическія извѣстія о существованіи, пространствѣ и качествѣ

(*) Изъ сихъ назовемъ мы Іосафата Барбаро (Viaggio alla Tana e nella Persia). Онъ проѣхалъ чрезъ Тану въ Татарію, гдѣ прожилъ 16 лѣтъ. Особенно достопамятенъ Флорентинецъ Balducci Pegoletti, который въ 1335 году отправился чрезъ Тану въ Китай, и означаетъ продолженіе сего пути днями ѣзды. Онъ поѣхалъ изъ Таны въ Астрахань; потомъ чрезъ Каспійское море въ Сарайчикъ, Ургенцъ, Отраръ (недалеко отъ Бухары) Камексу (Канчу) Кассай (Квинсай) и Камбалу (Пекинъ). Извѣстія о немъ находятся въ Pagnini della Decima. 1766. Т. III. стр. 7.

сихъ земель примѣтно умножились; но по недостатку свѣденій въ Математической Географіи, познанія о видѣ ихъ, взаимномъ положеніи и о образѣ всей той части свѣта, были весьма ограничены.

Лучшими сему доказательствами служатъ опыты изобразить сію часть свѣта на чертежахъ. Полюбивъ Географическія извѣстія, Европейцы захотѣли имѣть и *ландкарты*. Крестовые походы, снабжая ихъ первыми, подали поводъ къ сочиненію послѣднихъ. Сіи ландкарты были вырѣзываемы на металлическихъ доскахъ; нѣкоторыя рисованы на пергаминѣ (*); сверхъ мѣстоположенія и названій городовъ, изображались на нихъ и достопамятности тѣхъ странъ. Во всей Европѣ господствовало мнѣніе, что городъ Іерусалимъ лежитъ въ средоточіи земли; по немъ опредѣлялось положеніе другихъ странъ. Стоитъ взглянуть на одну изъ таковыхъ картъ, чтобъ имѣть

(*) Одна изъ таковыхъ досокъ находится въ Музеѣ Кардинала *Борги*, который велѣлъ оную выгравировать. — Урспизій, лѣтописецъ Колмарскій (въ 1265) говоритъ, что онъ начерталъ всеобщую ландкарту свѣта на 12 пергаминовыхъ кожахъ. Histor. Germ. illustr. T. II. стр. 2. Извѣстна также карта, которую *Марино Сануто* присовокупилъ къ Secret. fidel. crucis, въ Gest. Dei per Franc. T. II.

ясное понятіе, какъ несправедливо изображали въ то время видъ восточной Азіи. Никто не узнаетъ Азіи, и всякъ увѣрится, что не смотря на многія извѣстія о тѣхъ странахъ, сіи изображенія совершенно вымышлены.

Великія произшествія доставляютъ матерію *Историкамъ* и образуютъ писателей. Крестовые походы произвели своихъ *дѣописателей*, и хотя творенія *Вильгельма Тирскаго* и другихъ не могутъ назватися образцовыми, но представляютъ испытателю Исторіи много достопамятнаго. Должно однакожъ замѣтить другую важную выгоду, принесенную крестовыми походами въ семъ отношеніи. Они первые научили обитателей запада *писать Исторію на отечественномъ языкѣ*. Повѣствованіе *Вилль-Гардуина* о паденіи Константинополя есть первый извѣстный намъ опытъ Исторіи на Французскомъ языкѣ. *Жуэнвилль* (*) далеко его превзошелъ. Почувствовалъ ли бы Жуэнвилль пламенное желаніе сдѣлаться Историкомъ своего Короля, естьлибъ не сопутствовалъ ему въ Египетъ? Описа-

(*) Histoire de St. Louis IX du nom, par *Jean Sieur de Joinville*. Paris. 1768. fol.

нія путешествій Италіянцевъ въ восточныя земли также споспѣшествовали успѣхамъ западной словесности. Не должно принимать въ уваженіе того, что сіи опыты были малочисленны. Первый шагъ рѣшитъ дѣло: стоитъ проложить тропинку — скоро превратится она въ большую дорогу.

Свѣденія въ *Естественной Исторіи* весьма распространились крестовыми походами, но какъ въ то время познаніе природы не было приведено въ систему, то и распространеніе онаго происходило безъ всякаго порядка (*). Въ то время старались узнать произведенія природы не для распространенія науки, но единственно для полученія отъ нихъ какой либо пользы. Въ семъ отношеніи узнали Европейцы много произведеній, служащихъ для пищи, удовольствія и роскоши, но Естественная Исторія не пріобрѣла

(*) Однако во время крестовыхъ походовъ вышло важное сочиненіе Альберта Великаго: Historia Animalium. Аристотелева Естественная Исторія безъ всякаго сомнѣнія служитъ основаніемъ сему сочиненію; но кажется, что Альбертъ пользовался Аравійскими дополнителями сего Греческаго писателя. Смотри: *Buhle* de fontibus unde Alb. Magnus in historia Animalium hauferit, въ Commentat. Soc. Scient. Gotting. Vol. XII. p. 94 sq. class. hist.

при семъ никакихъ успѣховъ (*). Такимъ же образомъ усовершилось и *врачебное искусство:* крестовые походы дѣйствовали на практику, ни мало не поправляя теоретическихъ познаній. За долго до крестовыхъ походовъ почувствовали надобность, особенно для молельщиковъ, учреждать на дорогахъ, преимущественно же въ святой землѣ, больницы и гостинницы, въ которыхъ призирали бѣдныхъ и больныхъ пилигримовъ; лѣченіе послѣднихъ принимали на себя не врачи, а монашескія братства, единственно для того составившіяся. При началѣ священныхъ войнъ увеличилась необходимость въ таковыхъ пристанищахъ: для того учреждены были многіе рыцарскіе ордены. И въ сихъ новыхъ заведеніяхъ занимались лѣченіемъ рыцари и духовные, которые не имѣли въ Медицинѣ никакихъ познаній, кромѣ пріобрѣтенныхъ отъ нѣкоторыхъ случайныхъ опытовъ. Нельзя думать, что они учились у Аравлянъ или пользовались ихъ

(*) Можетъ быть, въ разсужденіи Химіи надлежитъ сдѣлать исключеніе, но всегдашнее смѣшеніе оной съ Алхиміею вводитъ насъ въ Лабиринтъ, въ которомъ и знатоки по сей части могутъ заблудиться. Замѣчанія о семъ можно найти въ Гмелиновой Исторіи Химіи. Ч. I. стр. 13 и слѣд.

книгами. И на западѣ необходимость заставила учреждать врачебныя заведенія. Новыя болѣзни, проказа и другія нечистыя сыпи, причиненныя ужаснымъ распутствомъ, во время походовъ, перенесены были въ Европу. Сіи болѣзни, заразительныя по свойству своему, распространились еще болѣе отъ худаго присмотра и отъ употребленія общенародныхъ бань. Надлежало учредить больницы или отдѣленные домы, въ которыхъ прокаженные принуждены были жить безъ всякаго сообщенія съ здоровыми. Страшное распространеніе сихъ недуговъ заставило основать невѣроятное множество таковыхъ больницъ; въ одной Франціи было 2000; рыцари орд. св. Іоанна Іерусалимскаго содержали 19000 во всѣхъ Христіанскихъ (т. е. Католическихъ) земляхъ (*). Сколько намъ извѣстно, прекратились сіи недуги не отъ усовершенствованія Медицины, а отдѣленіемъ больныхъ и временемъ, которое изгнало сіи болѣзни изъ климатовъ, имъ чуждыхъ (**).

(*) Math. Paris Chron. ad. a. 1244 p. 615.

(**) *Карантинныя учрежденія* были непосредственнымъ слѣдствіемъ крестовыхъ походовъ. Частыя заразы,

При всемъ томъ нельзя отрицать, что нѣкоторые мужи отличныхъ достоинствъ были учениками Аравлянъ, но сіе не можетъ почесться слѣдствіемъ крестовыхъ походовъ, потому что сіи люди учились не въ Азіи, а въ Испаніи. Вообще нельзя намъ заняться разсмотрѣніемъ особенныхъ случаевъ, ибо мы предположили сдѣлать начертаніе слѣдствій общихъ. По сей причинѣ частные успѣхи нѣкоторыхъ наукъ, напримѣръ Математическихъ, не входятъ въ наше сочиненіе, а принадлежатъ къ частнымъ исторіямъ сихъ наукъ.

Намъ скажутъ, можетъ быть, что мы въ сравненіи съ другими слишкомъ невыгодно судимъ о пользѣ, доставленной крестовыми походами наукамъ и просвѣщенію; въ семъ случаѣ ссылаемся на состояніе послѣдовавшаго за оными столѣтія. Всякой испытатель Исторіи долженъ признаться, что въ 13 вѣкѣ господствовалъ въ Европѣ глубочайшій мракъ варварства. Пламенникъ классической литтературы, распространявшій

опустошавшія Европу, по открытіи сообщенія съ востокомъ, побудили завести таковыя больницы. Первые каранпинные домы находимъ въ Венеціи въ послѣдней половинѣ 15го вѣка.

дотолѣ благотворный свѣтъ свой, потухалъ въ сихъ странахъ, гдѣ сохранилась одна сухая Діалектика, преподаваемая на варварскомъ языкѣ; и всѣ усилія умовъ не могли противустать суевѣрію, которое большею частію перешло съ востока. Но пламенникъ сей не погасъ; онъ вскорѣ воспылалъ ярче прежняго; посреди глубочайшаго мрака, все пріуготовилось къ разсвѣту новаго дня, озарившаго Европу, послѣ ночи, продолжавшейся болѣе тысячи лѣтъ. Вотъ особенная польза крестовыхъ походовъ: *они не сотворили вдругъ лучшаго міра, но предуготовили къ нему Европу.*

Г.

Синонимы.

1.

Надменный. Гордый (*). Спесивый.

Надменнымъ называютъ того, кто имѣетъ или показываетъ больше или меньше отличное мнѣніе о себѣ, заставляющее его почитать себя выше, или по крайней мѣрѣ не ниже другихъ; *гордымъ* того, кто имѣя весьма высокое мнѣніе о себѣ, думаетъ, что всѣ другіе то же мыслятъ о немъ, почитаетъ всѣхъ ниже себя, и тѣмъ оскорбляетъ самолюбіе другихъ; *спесивымъ* того, кто къ высокому мнѣнію о себѣ присовокупляетъ какую-то суровость нрава, которая не оскорбляетъ самолюбія другихъ, но происходитъ отъ чрезмѣрности собственнаго его самолюбія, и дѣлаетъ его неуступчивымъ, непреклоннымъ, упрямымъ, заставляетъ его желать, чтобъ все было ему покорно.

Надменный думаетъ, что онъ значитъ что нибудь; *гордый* мыслитъ, что

(*) *Гордость* можетъ быть иногда похвальнымъ качествомъ и тогда слово сіе не будетъ уже синонимою съ *надменностью* и *спесью*, которыя никогда не могутъ быть похвальны. Я разсматриваю слова *надменный*, *гордый*, *спесивый* въ тѣхъ только значеніяхъ, въ коихъ они синонимы.

онъ одинъ только значитъ что нибудь, а всѣ прочіе ничего не значатъ; *спесивый* хочетъ казаться значущимъ что нибудь и поступаетъ, какъ бы онъ въ самомъ дѣлѣ что нибудь значилъ.

Надменный не хочетъ нигдѣ унизить себя. *Гордый* вездѣ унижаетъ другихъ. *Спесивый* хочетъ возвыситься предъ другими, или лучше сказать, не унижая другихъ, онъ хочетъ, чтобъ они сами предъ нимъ унижались.

Надменность заставляетъ насъ почитать самихъ себя; *гордость* требуетъ отъ другихъ почтенія; *спесь* хочетъ быть почитаемою.

Надменный не безпокоится о презрѣніи ему оказываемомъ; оно не можетъ уменьшить собственнаго мнѣнія его о своихъ достоинствахъ. *Гордый* оскорбляется имъ, ибо видитъ себя обманутымъ въ надеждѣ. *Спесивый* за презрѣніе платитъ презрѣніемъ.

Надменный смѣется надъ высокомѣріемъ *гордаго* и тщеславіемъ *спесиваго*; *гордый* и *спесивый* въ свою очередь презираютъ *надменнаго*.

Надменный весьма легко можетъ сдѣлаться *спесивымъ* предъ подвластны-

ми ему, равно какъ и *гордымъ* предъ шѣми, которые ниже его.

Мы сожалѣемъ о *надменныхъ*, опасаемся раздражить гордыхъ и смѣемся надъ *спесивыми*.

Надменный хвастливъ; *гордый* необходителенъ; *спесивый* неприступенъ.

Знаменитость рода и превосходныя дарованія часто дѣлаютъ *надменными*, ибо они отличаютъ насъ отъ другихъ; величіе—*гордыми*, ибо съ вершины онаго все кажется отдаленнымъ, малымъ, мрачнымъ; власть и сила—*спесивыми*, ибо тогда все становится покорно намъ.

Надменность находится въ людяхъ всякаго состоянія, всякаго нрава, всякихъ качествъ. *Гордость* только въ любимцахъ щастія, въ душахъ честолюбивыхъ. *Спесь* большею частію въ глупцахъ.

Худо *надменному*, естьли его начальникъ *спесивъ*, но еще хуже, естьли онъ *гордъ*.

Самую большую обиду сдѣлаютъ *надменному*, когда обнаружатъ предъ нимъ его недостатки. Самое большое нещастіе для *гордаго*—быть принужденнымъ унизиться предъ другими. Самый большой ударъ для *спесиваго*—заставитъ его по-

коритьсяя тому, кто прежде самъ былъ ему покоренъ.

Не хвалите слишкомъ дѣтей, чтобъ не сдѣлать ихъ *надменными*; не очень льстите женщинамъ, чтобъ они не сдѣлались *гордыми*; не раболѣпствуйте предъ начальниками, когда не хотите, чтобъ они были предъ вами *спесивы*.

Надменный даритъ своимъ взглядомъ; *гордый* едва удостоиваетъ вниманія; *спесивый* не хочетъ ни на кого смотрѣть.

Вы узнаете человѣка *надменнаго* по его довольному собою виду, по словамъ, поступкамъ, показывающимъ его увѣренность въ своихъ достоинствахъ; человѣка *гордаго* по его важному виду, по оказываемому всѣмъ презрѣнію, по словамъ, поступкамъ, коими желаетъ отличиться и показать преимущество, обидное для другихъ; человѣка *спесиваго* по его холодному, повелительному виду, по словамъ, поступкамъ, въ коихъ видно желаніе, чтобы все уступало ему. *Спесивый* старается замѣнять наружностію то, чего недостаетъ ему въ самомъ дѣлѣ.

Надменность всегда или скучна или смѣшна, *гордость* несносна, *спесь* глупа.

Надменность иногда весьма хитра,

скрываешся подъ тысячью различныхъ видовъ, прячешся подъ эпанчу Философа, но видна и сквозь нее; *гордость* всегда откръпта, не употребляешъ никакого искусства, чтобы скрыть себя; она блестишъ сама собою и на пурпурѣ властителя; *спесь* такъ же откръпта, какъ и гордость или еще и болѣе, безъ всякой стыдливости, и чѣмъ маловажнѣе причина ея, тѣмъ она виднѣе; всего замѣтнѣе она на грудахъ золота и драгоцѣнныхъ камней.

Побѣжденный можешъ быть *гордъ* предъ *надменнымъ* побѣдителемъ, но можешъ ли быть предъ великодушнымъ? — Великодушіе обезоруживаешъ всякаго.

Посмотрите на этого стихотворца, восхищеннаго удачею своего мадригала, какъ онъ *надменъ!* Посмотрите на сего вельможу, который скорѣе сочтетъ себя за ничто, нежели васъ за что нибудь, какъ онъ *гордъ!* Посмотрите же и на этаго чудака, напыщеннаго своею знатностію, какъ онъ *спесивъ!* Но утѣшитесь, друзья мои, посмотрите на нихъ пристальнѣе, какъ они глупы! — Согласитесь со мною, что этотъ *надменный* видъ заставляетъ насъ пожимать плечами; что

сіи *гордые* взгляды принуждаютъ всѣхъ убѣгать; что эта *спесивая* поступь — смѣшна. Чего жъ намъ больше? все взаимно платится (*).

2.

Полно. Довольно.

Всякой съ перваго взгляда увидитъ, что слова сіи весьма различны между собою, но при всемъ томъ трудно сказать опредѣлительно, въ чемъ именно они различны. Фонъ-Визинъ разбиралъ ихъ прежде меня (см. Собесѣд. Любит. Росс. слова часть IX.), и потому я ограничусь здѣсь только однимъ небольшимъ замѣчаніемъ, которое почитаю нужнымъ сдѣлать на его разборъ.

Полно и *довольно* суть нарѣчія количества, но, говоритъ Фонъ-Визинъ, *полно* имѣетъ большее отношеніе къ тому

(*) Этотъ разборъ есть больше разборъ характеровъ, нежели словъ, почему нужнымъ почитаю присовокупить, что я старался описывать здѣсь свойства тѣхъ людей, которые только что *надменны*, или только что *спесивы* и проч. Но въ свѣтѣ весьма рѣдко можно видѣть такових. Большею частію *спесь*, *гордость*, *надменность* смѣшаны съ другими пороками, или между собою, и иногда одинъ человѣкъ бываетъ и *гордъ*, и *надменъ*, и *спесивъ*, а потому замѣчанія мои иногда могутъ показаться не совсѣмъ справедливыми.

количеству, которое *имѣть желаешь*, а довольно къ тому, которое *употреблять хочешь*. Не правда ли, что сіе положеніе хотя и справедливо, но не совсѣмъ ясно и достаточно? Возмемъ примѣръ:

„Нѣтъ! *полно*, *полно* вѣрить мущинамъ, говоритъ Кларисса, еще ли не *довольно* они меня обманывали?“

Можетъ ли опредѣленіе Фонъ Визина показать здѣсь совершенно различіе между словами *полно* и *довольно*? Нѣтъ! ибо ни *полно*, ни *довольно* не означаютъ тутъ никакого количества, которое бы имѣть или употреблять мы хотѣли.

Мнѣ кажется, что *полно* мы говоримъ тогда, когда чего нибудь не *желаемъ* болѣе; *довольно* когда сего для насъ не *нужно* болѣе. Короче, *полно* значитъ: *пора перестать*, а довольно: *больше не надобно*. По сему опредѣленію смыслъ предложеннаго выше примѣра будетъ:

„Пора перестать вѣрить мущинамъ. Уже ли надобно допустить, чтобъ они еще меня обманывали?“

Въ подтвержденіе моего мнѣнія приведу еще нѣсколько примѣровъ.

Недавно Аристъ читалъ въ одномъ собраніи рѣчь, въ которой хотѣлъ дока-

зать слушателямъ какую-то истину. Едва прочелъ онъ нѣсколько страницъ, какъ всѣ присутствовавшіе, приведенные въ ужасъ огромностію его тетради, вскричали единогласно: *довольно! довольно! мы убѣждены твоимъ краснорѣчіемъ!* и онъ съ торжественнымъ видомъ сошелъ съ каѳедры. Какъ жаль! думалъ я, что какой нибудь добрый человѣкъ не возмется перевести ему сихъ словъ. Они значатъ: *полно! полно! мы соглашаемся съ тобою, чтобы только не слушать тебя.*

Довольно пожилъ я на свѣтѣ, говорилъ мнѣ одинъ вельможа, и могу благодарить судьбу; щастіе никогда не измѣняло мнѣ. Да! шепнулъ мнѣ на ухо одинъ пріятель, но за то сколько нещастныхъ давно уже говорятъ: *полно* ему жить на свѣтѣ!

Взгляните на этого Гарпагона, зарывшагося между мѣшками золота, и скажите не довольно ли этихъ денегъ для благополучія десяти семействъ. Не только *довольно*, но слишкомъ много. Давайте же ему еще въ двое, въ трое прошивъ этого, скажетъ ли онъ вамъ: *полно!*

Не *полно* ли тебѣ пить? спросили у Фирса, принимавшагося за пятой ста-

канъ пуншу. Чувствую, что *полно*, отвѣчалъ онъ со вздохомъ, но не *довольно*.

Но не *полно* ли и мнѣ приводить здѣсь примѣры? Кажется и этихъ *довольно* будетъ для моихъ читателей.

К.

Блаженство.

(Подражаніе Парни.)

Увы, съ какою быстротою,
Сокрылся сей щастливый мигъ,
Какъ съ страстною моей душою,
Я, Хлоя, пламенѣлъ, въ объятіяхъ твоихъ,
Какъ сердце у тебя въ восторгахъ трепетало,
И розою лице стыдливости пылало!...
Блаженъ, блаженъ стократъ,
Кто руша всѣ преграды,
На ложѣ роскоши, красавицей объятъ,
Вкушаетъ въ тишинѣ любови съ ней отрады!
Онъ скорбный міръ забылъ весельемъ упоясь.
То взорамъ обнажитъ прелестну грудь стремясь,
Подобну снѣгу бѣлизною,
Онъ робкой медленно рукою
Дѣлитъ покрововъ тонкихъ связь:—
И полными гордясь
Лилейными холмами,
Лишенная своихъ защитъ,
Подъ страстными его устами,
Она твердѣетъ и горитъ!...
То станъ ея рукой роскошною обнявши,
Который у самой Киприды похищенъ,
И поясъ, средь забавъ, украдкой развязавши,
Смущеньемъ красоты робѣющей плѣненъ,
Онъ пламенно уста стыдливыя лобзаетъ,
И тихое на нихъ роптанье заглушаетъ!

Чья участь на землѣ съ щастливцемъ симъ равна?
Онъ медлитъ посреди сердечныхъ восхищеній
И чашу упоеній
По каплѣ пьетъ до дна!
О Хлоя, о мой другъ, пребудь всегда со мною!
Смятеніе любви! плѣнительный покой,
Который слѣдуетъ за щастья полнотою!
Пусть страстною моей разкинуты рукой,
Въ сей милой простотѣ, любовью разплетенны,
Волнуются твои прелестные власы,
И легкій твой покровъ, Эротомъ похищенный,
Не кроетъ отъ меня стыдливыя красы!
О Хлоя, вся цѣна дней нашихъ въ наслажденьѣ;
И райское одно мгновенье,
Когда въ восторгѣ мы своемъ,
Небесное о всемъ,
Забвеніе піемъ—
Годичныхъ есть заботъ и бѣдствій услажденье!
Жизнь смертныхъ горести отравою полна,
Любовію одной украшена она.
Восторги первыхъ встрѣчь, горящи лобызанья,
Волненія души, любви очарованья,
Оставить должно свѣтъ,
Когда для сердца васъ на немъ ужъ болѣ нѣтъ! —

М.

Къ юности.

(Подражаніе Шиллеровымъ Идеаламъ.)

Ты утекаешь невозвратно,
О время юности моей,
Какъ сна мечтаніе пріятно
Летитъ съ зарею отъ очей;
Зову тебя! судьба жестока
Не обращаетъ вспять потока,
Въ которомъ гибнетъ мигъ и вѣкъ;
Съ тобой изчезло все что льстило,
Затьмилось дней моихъ свѣтило
И ранній сумракъ ихъ притекъ.

*

Гдѣ вы, забавы лѣтъ щастливыхъ,
Безпечность, радость и покой,
Гдѣ замыслы, мечты игривы,
Дары Фантазіи благой?
Какою силою чудесной
Разрушенъ сталъ сей міръ прелестной,
Гдѣ зрѣлъ я доблести въ вѣнцахъ,
Любовь, манящую отрадой,
Фортуну льстящую наградой
И правду въ солнечныхъ лучахъ!

*

Какъ легкіе огни блудящи
Скрываются среди полей,
Такъ призраки сіи блестящи
Сокрылись отъ моихъ очей:
Изчезла слава быстрокрыла,

Любовь въ отрадѣ измѣнила,
Вкругъ солнца истины святой
Туманъ сомнѣнія разлился,
И опытъ весть меня явился
Тропой колючей, въ тьмѣ густой.

*

Гдѣ прежде юность созидала
Великолѣпный храмъ честей,
Куда парить она мечтала
Дивиться благости людей,
Тамъ, вмѣсто доблести и чести
Порока ликъ рукою лести
Увѣнчанъ въ блескѣ ей предсталъ,
Тамъ опытъ показалъ ей строгій
Злодѣйства страшныя дороги
И ихъ открывъ, вострепеталъ!

*

Съ улыбкой ты меня манила,
Любовь, мечта прелестныхъ дней,
Но взорамъ страстнымъ не открыла
Небесной красоты твоей,
Пора любить приходитъ тщетно,
Желанье гаснетъ непримѣтно,
И одинокая тоска
То ложе горькими слезами
Кропитъ, что для тебя цвѣтами
Моя украсила рука.

*

Въ обманахъ, въ скорби и въ страданьѣ
Стремленій сердца жаръ потухъ,
Лишь благъ протекшихъ вспоминанье
Живитъ мой ослабѣвшій духъ,

Лишь ты, сопутница благая,
Обрекшись до могильна края
Идти со мною въ жизни сей,
Лишь ты ко мнѣ простерла руку,
Мнѣ облегчаешь скорбь и муку,
Отъ коихъ палъ бы я безъ ней —

*

О дружба, смертныхъ упѣшенье;
Какія въ мірѣ семъ бѣды,
Какую горесть иль мученье
Не усладишь собою ты?
Взаимной сопряжась рукою
На все готовъ я течь съ тобою,
Что рокъ бы мнѣ не присудилъ;
Съ тобой и слабый бодръ творится,
Судебъ гоненья не страшится:
Твой щитъ ихъ стрѣлы притупилъ!

*

И вы, которыя толь нѣжно
Храните дружескій союзъ,
Одно богатство здѣсь надежно,
О наслажденья чистыхъ Музъ!
Восторгъ ихъ, непорочность, силу,
Вливайте въ грудь мою унылу,
Пусть гонятъ скуку и тоску
Онѣ волшебныхъ лиръ игрою,
Да съ бодрой я еще душою
Путь краткій къ гробу протеку.

М. Милоновъ.

Къ Нееръ.

(Подражаніе третьей Тибулловой Элегіи.)

Предъ украшенными почто я олтарями,
Неера, возжигалъ куренія богамъ
И ихъ безплодными обременялъ мольбами,
Коль ты не предстаешь Тибулловымъ очамъ?
Не требовалъ отъ нихъ чертоговъ я огромных,
Ни стадъ безчисленныхъ, ни злата, ни честей,
Нееры лишь просилъ въ моихъ желаньяхъ скромныхъ,
И жизни долгія дерзалъ молить при ней!
Къ чему послужитъ мнѣ богатство безполезно,
Безчисленны стада, бродящи по лугамъ?
Съ тобой, Неера, мнѣ убожество любезно;
Пусть въ бѣдности сойду я Леты къ берегамъ:
Что въ шучныхъ мнѣ стадахъ, что въ благости Цереры,
Въ семъ златѣ, что земля во глубинѣ своей
Вотще хотѣла скрыть отъ алчности людей?
Что всѣ сокровища Тибуллу безъ Нееры?
Не нужны для него ни зданія богаты,
Фригійски мраморы, Сидонское руно...
Они не отвратятъ полки заботъ крылаты,
Спокойствіе души съ богатствомъ не дано!—
Другъ сердца моего! единаго мгновенья
Восторговъ нашихъ я отдать не соглашусь
За всѣ премѣнчивой Фортуны обольщенья,

И самой, безъ тебя, короны отрекусь!...
О боги, вы обѣтъ внемлите мой смиренный,
Пусть блеска, пышности и всѣхъ даровъ лишенный,
Я въ хижинѣ отцевъ, древесъ родныхъ въ тѣни,
Съ Неерой дни веду, съ Неерой кончу дни!
О дщерь Сатурнова! внемли мои моленья,
И ты прелестная Киприда къ нимъ склонись,
Съ эѳирной высоты небеснаго селенья,
На крыльяхъ голубицъ въ блистаніи снесись—
Отдай души моей дражайшу половину;
И съ свѣтомъ утреннимъ и съ позднею зарей,
Я буду чествовать тебя, мою богиню,
Обильной жертвою средь отческихъ полей—
Когда же Парки мнѣ, согбенныя лѣтами,
Три грозныя сестры, что смертныхъ жизнь блюдутъ,
Нить дней моихъ прядя изсохшими перстами,
Свиданья сладкаго сего не прорекутъ—
Сошли меня тогда во пропасти подземны,
Гдѣ тѣни блѣдныя, гдѣ Фуріи однѣ,
Въ обители свои меня пріемля темны,
Пришельцу новому возрадуются мнѣ! —

М. Милоновъ.

Дружество.

(Изъ Біона.)

Блаженъ, кто друга здѣсь по сердцу обрѣтаетъ!
Кто любитъ и любимъ чувствительной душой.
Тезей на берегахъ Коцита не страдаетъ:
Съ нимъ другъ его души, съ нимъ вѣрный Пириѳой!
Атридовъ сынъ въ цѣпяхъ, но зависти достоинъ,
Съ нимъ другъ его Пиладъ... подъ лезвеемъ мечей!
А ты, младый Ахиллъ, великодушный воинъ,
Безсмертный образецъ Героевъ и друзей!
Ты дружбою великъ, ты ей дышалъ одною,
И друга смерть отмстивъ безтрепетной рукою,
Щастливъ! — ты мертвъ упалъ на гибельный трофей!

К. Н. Б. Т.

Полимъ и Сіяна.

(Древняя повѣсть.)

Гдѣ славный Волховъ изливаетъ
Изъ вратъ Ильменя свой потокъ,
Туда вседневно пригоняетъ
Коровъ невинный пастушокъ,
И всю окрестность онъ плѣняетъ
Играніемъ въ рожокъ.

Русалки приходили слушать
Изъ чащи древъ и тростника;
Не смѣли звуковъ тѣхъ нарушить
Ни вѣтръ, ни роща, ни рѣка;
Самъ дикій Лѣшій вздернулъ уши
Къ искусству игрока!

Но въ простотѣ своей не вѣдалъ
Ничуть того младой Полимъ,
Какія чудеса онъ дѣлалъ
Рожкомъ плѣнительнымъ своимъ:
Дичился всѣхъ людей и бѣгалъ,
Живя въ поляхъ одинъ.

Однажды Волхова къ теченью
Коровъ своихъ поить привелъ,
И съ вѣрнымъ псомъ своимъ подъ тѣнью
Полимъ на злачномъ брегѣ сѣлъ;
Предавшись сладку размышленью,
Самъ на воду смотрѣлъ.

И слушалъ пѣнье птицъ согласно,
Концертъ всеобщій Естества:
Гулъ, гамъ и стрекотанье разно;
Тушъ въ вѣркѣ шумитъ трава—
Плесканіе тушъ однообразно
Струй—слышится едва.

По долгомъ сладостномъ молчаньи,
Къ устамъ рожокъ свой принося,
Пастухъ во звучномъ воздыханьи
И въ трелѣхъ—чувствомъ излился.
Склонила съ тишиной вниманье
Къ нему природа вся.

Тушъ все живѣе разцвѣтало,
И къ вечеру склоненный день
Ярчае солнце освѣщало;
Древесъ въ водѣ играла тѣнь;
Сребромъ текъ Волховъ;—какъ зерцало
Лежалъ вдали Ильмень. — —

Вдругъ въ синевѣ бѣло мелькаетъ
Пловуща лебедь по струямъ;
Она ко брегу притекаетъ
Гдѣ былъ Полимъ,—садится тамъ,
И съ крыльевъ жемчугъ отряхаетъ
Къ Полимовымъ стопамъ.

Успѣлъ онъ только обратиться
Къ видѣнью странному сему,
Не лаять и не шевелиться
Псу тотчасъ машетъ своему, —
Какъ вмѣсто лебеди дѣвица
Явилась вдругъ ему.

Нагая, съ долгими власами,
Которые ліясь до пятъ,
Надъ нѣжными ея красами
Покровомъ сѣтчатымъ висятъ.
Съ вечерними же небесами
Ея равнялся взглядъ,

Гдѣ звѣзды Ладины горѣли.
Усмѣшкою цвѣли уста;
Ланиты—какъ стыдомъ алѣли;
И рукъ и персей полнота...
Глаза Полимовы не смѣли
Всѣ озирать мѣста.

Но въ большее пришелъ смущенье
Когда изъ нѣжныхъ устъ ея,
Какъ соловьино сладкопѣнье,
Послышалася рѣчь сія:
Зачѣмъ такое удивленье
Что здѣсь явилась я?

Не ты ли самъ еще чудеснѣй,
И ты не зналъ, пастухъ младой,
Что боги всей страны окрестной
Плѣняются твоей игрой!
Твоихъ любительницу пѣсней
Днесь видишь предъ собой:

Пѣвицу также не безславну
Изъ сущихъ подъ водами дѣвъ:
Коль хочешь слышать ты Сіяну,
Начни свой давѣшній напѣвъ;
Я голосомъ къ нему пристану
Здѣсь близь тебя возсѣвъ.

И недождавшися отвѣта
Она садится близь его. —
Но онъ . . невзвидѣлъ бѣла свѣта
Сталъ глухъ, безчувственъ для всего —
Кромѣ для одного предмета
Чудеснаго сего.

Красотъ сіяньемъ пораженный
Смотрѣть на нихъ дерзалъ едва;
Сидѣлъ какъ бы обвороженный;
Коснѣли во устахъ слова . . .
Однако скоро ободренный
Присутствомъ божества,

Онъ могъ ужъ наконецъ очами
Восторга на нее взирать,
Потомъ дрожащими руками
Схвативъ рожокъ, онъ сталъ играть
А Нимфа подъ напѣвъ словами
Ему сопровождать:

Лице весеннія природы,
Въ вечерней ты лежишь красѣ!
Подъ кроткимъ вѣяньемъ Догоды
Блистаетъ мягкій лугъ въ росѣ;
Глядится небо въ свѣтлы воды;
Вдыхаютъ радость всѣ.

Земля и высоты воздушны,
Водъ многоплодныхъ глубина,
Всѣ зову твоему послушны,
Животворящая весна!
И въ гль бы и въ кремни бездушны
Проникнуть ты сильна!

Ты отѣняешь ликъ природы
Въ нѣжнѣйшей вечера красѣ.
Цвѣтокъ подъ вѣяньемъ Догоды
Трепещетъ въ сладостной росѣ;
Цѣлуетъ небо свѣтлы воды;
Любовь вдыхаютъ всѣ!

И симъ прекрасныя Сіяны
Прервалось пѣнье. Но пастухъ
Престанъ играть, еще свой жадный
Ко гласу преклоняетъ слухъ,
И звукъ его ловя отрадный,
Чуть переводитъ духъ.

Потомъ—забывъ рожокъ и стадо—
Предъ нею онъ съ любовью палъ,
Казалося, что сердце радо
Вонъ вылетѣть: такъ, такъ вздыхалъ.
Но брошу кисть:—о Леля! Ладо!
Онъ вами щастливъ сталъ!..

Съ тѣхъ поръ, лишь только къ морю склонитъ
Лице свое румяный день,
Въ пучинѣ рдяной солнце тонетъ,
Луга покроетъ длинна тѣнь,
Полимъ на берегъ стадо гонитъ,
Гдѣ изъ вѣтвей плетень

Простерли сросшіяся ивы
Надъ тихой пазухой рѣки.
Тамъ стелются струи игривы,
Лобзая мягкіе пески.
Садился тамъ Полимъ щастливый
На травку и цвѣтки.

Изъ струй Сіяна выникала,
Послышавъ рога нѣжный звукъ,
И тихій вечеръ провождала
Съ любезнымъ пастухомъ самдругъ.
Но при прощаньи, ускользала
Вмигъ у него изъ рукъ,

И въ воду: пѣнными буграми
Мгновенно влагу раздѣливъ,
И только зыбкими кругами
Оставивши на ней разливъ.
Стоялъ, съ простертыми руками,
Въ пучину взоръ вперивъ,

И чуть не самъ туда жъ бросался
Пастухъ за Нимфою своей,
Потомъ лѣниво удалялся
Со стадомъ, позже всѣхъ съ полей,
На паству жъ утромъ собирался
Прилѣжно, всѣхъ ранѣй...

*

* *

„Вожделѣннаго свиданья
Наступаетъ часъ!
Съ сердцемъ трепетнымъ отъ ожиданья,
Здѣсь сижу, смотрю на васъ,

О таинственныя зыби!
Принесите мнѣ...
Чу! я слышу плескъ; — нѣтъ, это рыбы
Разыгрались въ быстринѣ! —

Вечеръ розою тумана
Приодѣлъ луга.
Ахъ, приди жъ сюда, приди Сіяна
Ощастливить пастуха!

Ужъ и такъ часы разлуки
Вѣкомъ для меня.
Мнѣ подъ бременемъ жестокой скуки
Не милъ свѣтъ златаго дня.

Вечера я дожидаюсь,
Мракъ его любя:
Я при немъ съ тобою лишь видаюсь,
Онъ мнѣ возвратитъ тебя

Возвращалъ уже прикрать.
Такъ! ужъ столько кратъ
Щастья райскаго цвѣты пожаты
Нами въ лонѣ здѣсь отрадъ.

Ахъ, почто же медлишь нынѣ,
Милая моя!
Но — сіе названье дать богинѣ
Смѣюль бѣдный смертный я! —

Можетъ быть, я недостоинъ
Прелестей твоихъ!
Но отнынѣ буду ли спокоенъ:
Я позналъ однажды ихъ!

И какъ мотылекъ нещастный
Долженъ въ нихъ сгорѣть.
Пусть меня палитъ сей огнь прекрасный;
Въ немъ пріятно умереть!

Ахъ! но тщетно ожидаю;
Ночь уже близка!
Нѣтъ тебя. Я тщетно изпощаю
Звуки своего рожка.

Мнѣ отвѣтствуетъ молчанье,
И отзывъ глухой;
И коровушекъ моихъ мычанье; —
Просятся онѣ домой.“ — —

*

Вѣнули буйные вѣтры съ непогодой,
Зашумѣлъ отъ нихъ сыръ-боръ,
И свирѣпый ихъ напоръ
Возбудилъ, воздвигъ дремавши воды,
Почернѣла, вспѣнилась рѣка;
Мрачныя надъ нею облака
Скрыли зракъ вечерняго лазуря;
И ярящаяся буря
Слышится уже издалека, —
И ужъ близко: — хлынулъ водопадомъ
Дождь изъ облакъ — подъ дробящимъ градомъ
Полегла въ поляхъ трава;
Вихремъ ломитъ и валитъ древа.
И Полимъ спѣша состадомъ
Отъ грозы такой, — едва
(Весь измокши
И продрогши,
Страшною застигнутъ тьмой)
Путь нашелъ домой.

*

Утромъ буря утишилась,
И стекла съ полей вода.
Въ красномъ солнцѣ обсушилась
Травка, — и уже стада
Выгоняются на пастьу;
А влюбленный нашъ Полимъ
Поспѣшилъ къ мѣстамъ драгимъ,
Гдѣ сплетали ивы часту
Сѣнь надъ берегомъ крутымъ. —

Съ трепетомъ пришекъ — но тѣ ли
Видишъ тамъ предметы онъ?
Съ вѣтвій листья облетѣли,
Ахъ! и пни изъ корня вонъ
Вырваны, лежатъ средь тины,
А кудрявы ихъ вершины
Преданы ударамъ волнъ,
Стелются поверьхъ пучины.

Все разорено, увы!
Той зеленой муравы,
Тѣхъ цвѣточковъ нѣтъ и слѣду,
На которыхъ передъ симъ,
Съ милой отдыхалъ Полимъ,
Тайную ведя бесѣду —

Видъ нерадостный такой
Сердце юноши тоской,
Ясны очи слезъ наполнилъ.
Онъ закрывъ лице рукой,
Тяжко воздохнулъ и молвилъ:

„Знакъ, что я всего лишенъ!
Отнятъ и пріютъ сей злачный,

Нашъ чертогъ, Сіяна! брачный;
Ошняшъ — бурей разоренъ.

Но ужель тебя со мною
Можешъ это разлучишь?...
Я здѣсь нову сѣнь устрою,
Гдѣ бъ вечернею порою
Намъ на травкѣ опочишь" —

Такъ еще надеждой льстился
Пастушокъ: — и обратился
Вдоль по берегу искать,
Гдѣ бы щастью пристань дать.

Тамъ изъ гибкихъ лозъ сплетаетъ
Онъ себѣ другую сѣнь,
Въ сихъ трудахъ проходитъ день,
И ужъ вечеръ наступаетъ.
Ожиданіемъ томимъ
На брегу сидитъ Полимъ,
Нѣжно на рожкѣ играетъ. —
То разительна, громка,
То тиха и сладкогласна
Пѣснь его, — но все напрасна:
На призывный звукъ рожка
Не разверзется рѣка!

*

* *

Семь дней мучительныхъ проходитъ
Во ожиданьяхъ; — вотъ ужъ день
Осьмой. Полимъ на пастбѣ бродитъ
Задумчивъ, блѣденъ, худъ — какъ сѣнь!
Ни въ чемъ забавы не находитъ.
Сѣнистый тотъ плетень,

Который посвящалъ онъ Ладѣ,
Сводилъ, устроивалъ дугой
День цѣлой, не радя о стадѣ,
Мечтая только о драгой. —
Теперь онъ разметалъ въ досадѣ
Своею же рукой.

„Трудъ безполезный, будь разрушенъ!
Пусть тернъ здѣсь и волчецъ растетъ.
Моей богинѣ ты не нуженъ,
Она сей презрила наметъ!
Мнѣ видъ твой нестерпимо скученъ!
Мнѣ весь противенъ свѣтъ!

Чтожъ медлю я нещастный? скину
Я съ сердца тягость, — потоплю
Въ волнахъ сихъ всю мою кручину;
Тамъ къ той, которую люблю,
Живой ли, мертвый ли, достигну:
Пусть видитъ, что терплю!

Жалѣньемъ тронется, взирая,
Какъ я въ послѣдній разъ вздохну
У ногъ ея, тамъ умирая.“ —
И съ словомъ симъ на крутизну
Взбѣжалъ, и руки простирая,
Стремглавъ — во глубину.

Уже онъ хлябью оплеснулся —
Ужъ влажну смерть ноздрями пилъ. —
Подъ нимъ спиной вдругъ подвернулся
Огромный сомъ, иль Крокодилъ: —
Подъятый имъ Полимъ, прочхнулся,
Померкшій взоръ открылъ:

И чувствуетъ сквозь изумленья,
Что рыба на хребтѣ несла
Его, и супротивъ теченья
Съ нимъ быстро мчалась какъ стрѣла.
На самую среду Ильменя
Она его влекла,

Гдѣ съ небомъ зыбь необозрима,
Нѣтъ ни людей, ни челнока. —
Недоумѣньемъ одержима
Туда принесши сѣдока,
Ссажаетъ рыба тамъ Полима
На берегъ островка,

На коемъ сквозь тростникъ высокой
Лужочикъ низменный онъ зритъ,
Весь желтоцвѣтною осокой
И мягкимъ лотосомъ покрытъ,
Гдѣ бѣла лебедь, одиноко,
Надъ яицомъ сидитъ.

Лишь къ брегу съ шумомъ прикатился
Зубастый златоперый сомъ,
Спиной онъ черной закрутился,
Полима поразилъ хвостомъ,
А самъ вдругъ въ старца превратился
Вѣнчанна тростникомъ.

Полимъ ударомъ оглушенный,
Въ себѣ почулъ премѣну вдругъ:
Протягшись выей отонченной,
И обростая перьемъ вкругъ,
Пріемлетъ птичій станъ сплющенный
И крылья вмѣсто рукъ.

И чернымъ клювомъ лебединымъ
Сталъ милый юношескій ликъ.
Не премѣнился лишь единымъ
Онъ чувствомъ. Произнесши кликъ
Печальный, онъ предъ старцемъ дивнымъ
Съ покорностью приникъ.

То *Волховъ* былъ, отецъ Сіяны.
„Пребудь“—онъ грознымъ гласомъ рекъ:
„Въ семъ образѣ; и въ покаяньи
„Влачи еще свой тѣсный вѣкъ!

„Что дочь моя любовь питала
„Ко смертному, за то она
„Подобной участи подпала:
„Томишься здѣсь осуждена

„Въ томъ лебединомъ превращеньи
„Въ какомъ являлась изъ подъ водъ, —
„Ей девять лунъ здѣсь въ заточеньи
„Высиживать зачатый плодъ!

„А ты при ней сиди дотолѣ
„Послѣдней пѣснью утѣшай
„И собесѣдуй въ скучной долѣ. —
„Потомъ—виновну жизнь скончай!“

Съ симъ словомъ въ бездну погружался
Свирѣпый богъ, еще воззрѣвъ
На дочь: въ очахъ изображался
Лучь сожалѣнія сквозь гнѣвъ. —
Съ лебедкой лебедь тамъ остался,
И жалобно запѣвъ,

Сострадаетъ ей любовникъ нѣжный,
Она отвѣтствуетъ ему. —
Простерши крылья бѣлоснѣжны
Прижалась къ другу своему.
Возобновляютъ ласки прежни,
И въ свѣтѣ никому

Ужъ не завидуютъ—блаженны!
И забываютъ люты рокъ;
Они другъ съ другомъ сопряженны:
И судъ родительскій нестрогъ! — —
Такъ дни текли обвороженны;
И наступаетъ срокъ,

Срокъ—и желанный и ужасный!
Сіянѣ матерію быть:
Съ нимъ долженъ лебедь сладкогласный
Полимъ ея, свой вѣкъ отжить. —
И вотъ ужъ онъ примѣтно гаснетъ,
И вотъ—безъ чувствъ лежитъ....

Но неизмѣнную нашедши
Любовь и вѣрность выше зла,
Сама къ нимъ изъ небесной вѣчи
Прелестна Лада низтекла,
И съ жизнью образъ человѣчій
Полиму отдала.

Изъ подъ лебедки жъ вынимала
Дитя—прекраснаго птенца.
Разгнѣваннаго примиряла
Съ Полимомъ тестя, и отца
Съ Сіяной. — Радостью питала
Довольныя сердца.

Съ супругой наравнѣ и съ сыномъ
Безсмертіе стяжалъ Полимъ.
Онъ съ ними въ видѣ лебединомъ
На тихомъ былъ Ильменѣ зримъ,
И набожнымъ поселяниномъ
За Бѣлабога чтимъ.

А. Востоковъ.

Гимнъ Венерѣ.

(Изъ Гомера.)

Пою златовѣнчанну, прекрасную Венеру,
Защитницу веселыхъ, Кипрійскихъ береговъ,
Куда ее дыханье Зефировъ тиховѣйныхъ
На нѣжной пѣнѣ моря чрезъ волны принесло.
Тамъ радостные Оры владычицу встрѣчая,
Въ небесные одежды спѣшили облачить.
Власы благоуханны златымъ вѣнцемъ покрыли,
Вокругъ по нѣжной выѣ, по бѣлымъ раменамъ
Обвѣсили монисты, какими Оры сами,
Перевивая златомъ волнистые власы,
Себя изукрашаютъ, идя на пиръ небесный
Въ чертогъ отца Зевеса, въ священный ликъ боговъ.
Украсивъ такъ царицу возводятъ въ домъ безсмертныхъ
И боги восхищенны встрѣчая мать любви
Съ восторгомъ окружаютъ, берутъ за бѣлы руки
И, очи услаждая всѣ образомъ Киприды,

Желаетъ въ сердцѣ каждый въ любовь ее склонить
И дѣвственной супругой возвесть на брачно ложе.
Привѣтствую тебя, богиня черноока,
О мать сладкорѣчива веселій и любви!
Услышь мои ты пѣсни и возлюби меня!

Гнѣдичъ.

Эпиграмма.

Весь свѣтъ Руфилла упрекаетъ,
Что онъ Граммашики не знаетъ:
Молчите! онъ ее пройдетъ,
Когда Славенское ей имя приберетъ.

К.

II. НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

Историческое обозрѣніе Художествъ въ Россіи.

Изслѣдованіе произхожденія художествъ подобно изслѣдованію въ общей Исторіи произхожденія народовъ: и то и другое можетъ основываться только на однѣхъ догадкахъ, подлежащихъ сомнѣніямъ!...И кто согласитъ разность мнѣній о сихъ предметахъ?..Многія страны предполагаются колыбелію народовъ; нѣкоторые писатели разселяютъ людей съ сѣвера на югъ, другіе съ юга на сѣверъ...Иные почитаютъ разсадникомъ искусствъ Азію, другіе Африку....Индія, Египетъ, Аравія, Греція, Китай, Сибирь (*) споряшъ между собою о первыхъ началахъ изобрѣтательнаго ума въ человѣкахъ. Но изъ всѣхъ таковыхъ предложеній можно вывести только одну ту истину, что нужда и случай были первыми источниками изобрѣтеній:—умъ по-

(*) Бюффонъ и Линней утверждаютъ, что Сибирь или Сѣверная страна Азіи была населена прежде всѣхъ частей свѣта.

казалъ средства, а опытъ приспособилъ сіи средства ко времени и обстоятельствамъ; отъ первыхъ простыхъ малосложныхъ изобрѣтеній дошли потомъ до свободныхъ художествъ, которыя порождаются воображеніемъ, а усовершаются познаніями (*). Вотъ начала всѣхъ искусствъ и самыхъ даже наукъ. Какой странѣ, какому народу не принадлежатъ таковыя начала?..И естьли обратимся къ успѣхамъ разума человѣческаго, то и тогда ни одна страна, ни одинъ народъ не могутъ быть исключены изъ совмѣстничества по мѣрѣ своихъ нуждъ, способовъ и положенію.

Жители, населяющіе пространство земли отъ Балтійскаго моря до Охотскаго, отъ снѣжныхъ равнинъ Лапландскихъ до знойныхъ степей Киргизскихъ, или въ обширнѣйшемъ смыслѣ сказать: Россіяне, соплеменные многимъ народамъ (**) и древле извѣстные подъ общими име-

(*) Такъ напримѣръ отъ перваго древеснаго намета, подъ которымъ укрывались дикіе люди во время непогоды, возникло зодчество; отъ первыхъ глиняныхъ издѣлій процвѣло ваяніе, а за оными показалась и живопись.

(**) Мавроурбинъ щитаетъ до 24 племянъ Славянскихъ народовъ; Конрадъ Геснеръ, Шлецеръ и Добровскій нащитываютъ до 60.

нами Скиѳовъ, Сармашъ, Нордмановъ, Славянъ,—былъ народъ воинственный: рашоборство почиталось первымъ его достоинствомъ. Будучи отъ самой природы одаренъ крѣпостію душевною и тѣлесною, не имѣлъ онъ большой необходимости искать себѣ въ искусствахъ вспоможенія; почему всѣ его издѣлія, нуждою рожденныя, въ началѣ своемъ были весьма просты.

По многихъ же переселеніяхъ и войнахъ Славянъ, ихъ обхожденіе, побѣды, торговля, и самое общежитіе мало по малу усовершали художества: кумиры стали искуснѣе отрабатываться изъ дерева, камня и металловъ, получали они нѣкоторую правильность въ образованіи своемъ и даже выражали приличныя имъ свойства (*). На многихъ, въ новѣйшіе времена открытыхъ жертвенныхъ орудіяхъ и на другихъ достопамятныхъ вещахъ, усматриваютъ насѣчки имянъ боговъ, жрецовъ и самыхъ городовъ, въ которыхъ сіи орудія были ра-

(*) Саксонъ Граммашикъ говоритъ, что истуканъ Свѣтовида изображалъ глубокое молчаніе, а богини Ѳивы веселіе и радость. Мавроурбинъ говоритъ объ одномъ золотомъ истуканѣ, который окруженъ былъ музыкійскими орудіями.

ботаны (*). Таковыя издѣлія могутъ служить порукою въ свѣденіи Славянъ въ литейномъ и рѣзномъ искусствѣ (**), и ведутъ къ вѣроятному предположенію, что они и въ другихъ, нужнѣйшихъ для жизнейскаго быту искусствахъ, напримѣръ въ зодчествѣ и въ кораблестроеніи имѣли достаточное по тогдашнему времени знаніе. Первое доказывается по Исторіи бывшими еще до Рюрика въ Россіи городами: Старою Русою, Ладогою, Холмоградомъ, потомъ Новымъ Городомъ и Кіевомъ (построеніе коего относятъ къ 430 году); а второе, судоходствомъ и морскими походами Славянъ по Балтійскому и по Черному морю (***).

Вотъ все, что извѣстно намъ по Исторіи объ искусствахъ Славянъ до принятія ими Христіанской вѣры, съ котораго времени Исторія Художествъ въ

(*) См. путешествіе Гр. И. Потоцкаго.

(**) Плиній ссылаясь на Аристотеля пишетъ, что одинъ Скивъ по имени Сидукъ или Сидій изобрѣлъ средство плавить металлы. Истуканъ Перуновъ составленъ былъ изъ разныхъ веществъ: туловище изъ дерева, голова изъ серебра, усы и уши изъ золота, а ноги изъ желѣза.

(***) Несторъ пишетъ, что издревле Славянамъ извѣстенъ былъ двоякій путь отъ Новгорода въ Грецію: одинъ по Днѣпру, другой по Волхову и Ладогѣ чрезъ Балтійское море вокругъ всей Европы.

Россіи можетъ раздѣлена быть на три главныя отдѣленія.

Когда вся еще Европа пребывала во мракѣ невѣжества, и образцы художества укрывались въ развалинахъ древней Греціи и Рима, тогда уже въ Россіи искусства, перешедшія изъ Греческой Имперіи время отъ времени болѣе и болѣе усовершались благочестіемъ народнымъ и мудростію правителей (*). Во всѣхъ городахъ созидались храмы, украшались рѣзьбою, живописью и даже мозаикою: Кіевъ, Новгородъ, Ростовъ, Ярославль, Владимиръ на Клязьмѣ, Бѣлгородъ, Москва сохраняютъ памятники таковыхъ историческихъ истинъ.

Лѣтописи наши упоминаютъ (**), что еще во время Игоря построена была въ Кіевѣ церковь во имя св. Иліи, въ которой присягали крещенные чиновники въ ненарушеніи мирнаго договора съ Олегомъ—но достовѣрнѣе значится подъ 989 годомъ, въ которомъ построена была въ Кіевѣ же церковь во имя Св. Василія (что нынѣ Трехъ Святителей); другая же совершена около того же време-

(*) Левекъ.
(**) Несторъ и послѣ него другіе Историки.

ни и называлась десятинною; остатки обѣихъ сихъ церквей еще и донынѣ существуютъ, и любители древностей могутъ удостовѣриться въ успѣхахъ тогдашняго зодчества, тѣмъ даже, что самый кирпичь, употребленный на сіи строенія плотностію своею, а равно и вязкость раствора или извести достойны удивленія. Въ Египтѣ, въ Греціи и въ Римѣ умѣли придавать подобную прочность такого рода строеніямъ.

Царствовавшій въ то время на Кіевскомъ престолѣ Великій Князь Владимиръ I особенно покровительствовалъ всѣ искусства; онъ отправилъ многихъ изъ своихъ приближенныхъ путешествовать по Греціи и Италіи, и приглашалъ изъ Византіи разныхъ художниковъ (*). Сей Государь еще въ 988 году, овладѣвши городомъ Херсонемъ пріобрѣлъ многія драгоцѣннѣйшія рѣдкости, изъ которыхъ между прочими извѣстны были Коринфской мѣди ворота и изъ того же металла четыре конныя изваянія (**).

Великій Князь Ярославъ I тщательно старался объ украшеніи своей сто-

(*) Шлецеръ.
(**) Сестренцевичъ Богушъ, въ Исторіи Тавріи.

лицы Новагорода; дворецъ его почитался великолѣпнѣйшимъ, и ни у котораго изъ сѣверныхъ Князей тогдашняго времени не было подобнаго (*).

Старшій сынъ Ярослава I Великій Князь Владимиръ въ 1037 году построилъ въ Кіевѣ соборную церковь и украсилъ оную мозаикою; работа сія дошла отчасти до насъ: расположеніе рисунка и согласіе красокъ показываютъ отличное по тогдашнему времени искусство; въ той же церкви достойна примѣчанія гробница Ярославова изъ бѣлаго мрамора со многими изсѣченными изображеніями (**). Въ 1051мъ году симъ же Государемъ построенъ былъ въ Новѣгородѣ Софійскій Соборъ и донынѣ существующій (***).

Въ 1089мъ году въ Кіевѣ окончанъ былъ Печерскій Монастырь, и церковь Успѣнія Богородицы украшена живописными образами и мозаикою художниками рускими и призванными изъ Кон-

---

(*) Бильмаркъ, Шведскій Историкъ.

(**) Левекъ. — Преосвящ. Платонъ въ церковной Исторіи. — Нов. Геогр. Словарь.

(***) Въ семъ городѣ довольно находится древнѣйшихъ храмовъ донынѣ уцѣлевшихъ: церковь Вознесенія, построенная въ 1092 году, Благовѣщенія въ 1099 году. См. Разговоры о Новѣгородѣ.

стантинополя; но работа сія до насъ не сохранилась (*).

При Великомъ Князѣ Михаилѣ Изяславичѣ въ 1108 году въ Кіевѣ соборная церковь Архистратига Михаила украшена была мозаикою, остатки которой и донынѣ еще существуютъ.

Въ сіи отдаленнѣйшіе вѣки знали у насъ въ Россіи съ большимъ искусствомъ какъ всякую обронную работу, равно и рѣзьбу на металлахъ, въ чемъ можно сослаться на Θеофила Пресвитера, чужестранца, жившаго въ 11 вѣкѣ и упоминающаго о семъ искусствѣ рускихъ (**). Жители Бѣлозерска, Вологды, Великаго Устюга, Ярославля и другихъ городовъ, съ самыхъ древнѣйшихъ временъ и донынѣ упражняются въ разныхъ художествахъ и ремеслахъ, какъ напримѣръ: въ иконописномъ, серебренномъ и мѣдномъ дѣлѣ, въ черневомъ, обронномъ, рѣзномъ,

(*) Сей монастырь въ 13 вѣкѣ былъ раззоренъ Батыемъ, но въ 15 вѣкѣ возобновленъ; въ 1718 году большая церковь Успѣнія сгорѣла, въ 1729 вновь выстроена и украшена. См. Нов. Геогр. Словарь.

(**) Θеофилъ Пресвитеръ, родомъ Нѣмецъ, Кн. III. — Янсенъ о началѣ рѣзьбы Часть I. — Искусство шогдашняго времени, о которомъ говоритъ Θеофилъ, извѣстно подъ названіемъ просѣчнаго, черневаго или насѣчки на серебрѣ и желѣзѣ; по Итальянски *niello*, по Французски *nillée*.

лѣпномъ, токарномъ и красильномъ искусствахъ.

Въ 1169 году во Владимирѣ на Клязьмѣ построенъ Княземъ Андрѣемъ Боголюбскимъ Соборъ съ каменною оградою, снаружи обложенъ мраморною плитою, а внутри вызолоченъ цѣльнымъ золотомъ; глава церкви также была вызолочена, почему и назывался сей соборъ златоверьхимъ (*). Соборъ же Дмитріевской, построенный Великимъ Княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ украшенъ былъ снаружи и внутри рѣзьбою по бѣлому камню или мрамору (**).

Въ 1173 году въ томъ же городѣ Владимирѣ, надъ гробомъ Князя Мстислава, сына Великаго Князя Андрѣя, воздвигнуто было мраморное изваяніе (***).

Къ сему же времени можно отнести замѣчаніе путешественника Плана-Карпина, который повѣствуетъ, что зналъ онъ при Татарскомъ Ханѣ одного рускаго художника, и видѣлъ работы его тронъ для Хана, украшенный дорогими камень-

(*) Соборъ сей возобновленъ и украшенъ въ 1767 году.
(**) Новый Геогр. Словарь.
(***) Эминъ, въ Рос. Ист.

ями, золотомъ и разными изображеніями изъ слоновой кости (*).

Сюда же надлежитъ включить донынѣ еще въ цѣлости сохранившіяся изображенія Святыхъ, писанныя рускими художниками въ началѣ тринадесятаго столѣтія и извѣстныя подъ названіемъ Каппоніановыхъ картинъ. Рисунокъ сихъ изображеній правиленъ, краски пріятны, расположеніе и украшеніе предметовъ соблюдены со всею точностію и приличіемъ того времени. Италіянскіе художники отдаютъ всю должную похвалу симъ произведеніямъ и удивляются живости красокъ, которыя чрезъ столько вѣковъ нимало не повредились; составъ сихъ красокъ не сходствуетъ съ масленымъ растворомъ. Образа сіи писаны Андрѣемъ Ильинымъ, Никитою Ивановымъ и Сергѣемъ Васильевымъ (**).

Въ 1234 году Великій Князь Святославъ Всеволодовичъ въ городѣ Юрьевѣ (Владимирской губерніи) построилъ цер-

(*) См. путешествіе Плана Карпина предпринятое въ 12 столѣтіи.

(**) Сіи образа названы Каппоніановыми потому, что Григорій Каппоній, доставшій ихъ отъ брата духовника Петра Великаго, подарилъ Ватиканской библіотекѣ. (Фальконій Осемани, — Фіорило, — Левекъ, — Буле.)

ковь и украсилъ оную внутри и снаружи рѣзными камнями, изображающими лики Святыхъ (*).

Уцѣлевшіяся грамоты Великихъ и Удѣльныхъ Князей также удостовѣряютъ о рѣзьбѣ на металлахъ; у сихъ грамотъ на печатяхъ видны разныя изображенія: лики Святыхъ, всадники, звѣри, гербы княжествъ и разныя надписи.

Въ 1382 году работали въ Москвѣ сукна (**); выдѣлка шерсти, красильное искусство и орудія къ сему употреблявшіяся показываютъ достаточное свѣдѣніе въ полезныхъ ремеслахъ.

Необыкновенная же скорость въ сооруженіи зданій требуетъ немалаго замѣчанія: въ 1382 году Новгородцы выстроили въ 33 дни городъ Ямы (Ямбургъ) весь каменный (***). Къ сему же случаю упомянемъ о городѣ Архангельскѣ, который выстроенъ былъ деревянный въ одинъ 1584 годъ (****); а въ 1655 году въ городѣ Вологдѣ построили однимъ днемъ деревянную церковь Спаса (*****). Сіи примѣ-

(*) Записки Россійской Исторіи.
(**) Левекъ.
(***) Шлецеръ.
(****) Двинская лѣтопись.
(*****) Нов. Геогр. Словарь.

ры доказываютъ какъ достаточное познаніе рускихъ въ строительномъ искусствѣ, а равно и то, что не только тогда не нуждались въ ремесленныхъ людяхъ, но напротивъ имѣли ихъ въ большемъ числѣ.

Въ 1404 году, при Великомъ Князѣ Василіѣ II, сдѣланы были часы однимъ Сербомъ Лазаремъ и поставлены въ Москвѣ на дворѣ Великокняжескомъ (*).

Около 1420 года въ Новѣгородѣ и во Псковѣ начали чеканить монету (**). Нѣкоторые же изыскатели рускихъ древностей утверждаютъ, что били монету въ Новѣгородѣ еще при великомъ Князѣ Ярославѣ I въ началѣ XI^го столѣтія, Дошедшія до насъ таковыя монеты подписью своею то подтверждаютъ: на нихъ значится: *Ярославле сребро* (***).

Вопь, что представляетъ вкратцѣ первое опредѣленіе Художествъ въ Россіи: сравните же оное съ тогдашнимъ состояніемъ Италіи и всей Европы... Тамъ вездѣ царствовало невѣжество и одинъ

(*) Татищевъ, Рос. Ист.
(**) Стрипшеръ, Рос. Ист.
(***) Письмо о Тмураканѣ. Разговоры о Новѣгородѣ.

только Готтическій вкусъ господствовалъ во всѣхъ родахъ искусства (*).

Наконецъ XIIIго и XIVго вѣка художники хотя и стали нѣсколько уклоняться отъ Готтическаго вкуса, однакожъ мало еще показывали красотъ въ своихъ произведеніяхъ, а прилѣплялись къ однимъ только излишнимъ украшеніямъ, обезображивающимъ изящность художествъ (**). Живопись, около того же времяни стала возникать и хотя Флоренгинецъ Цимабуе (***) слабою кистію своею заставлялъ изумляться несвѣдущихъ соотчичей своихъ, однакожъ, искусство живописное вмѣстѣ съ ваяніемъ и рѣзьбою не прежде пятагонадесять столѣтія получило свое образованіе, и то въ одной только Италіи: Донато, Верочіо, Леонардъ-Винчи, Перуджино, (****) мало по малу усовершали художе-

(*) Готтическій вкусъ введенъ въ Европу въ V. вѣкѣ; иные приписываютъ его Готфамъ а другіе невѣжеству тогдашнихъ временъ.

(**) Фелибьенъ. — Морери.

(***) Живописецъ Цимабуе, родился въ 12⅖мъ, умеръ въ 1300 году. Писалъ водяными красками и по извѣстіи, также упражнялся въ зодчествѣ. Въ его работахъ видно было природное дарованіе, но недоставало вкуса. *Фонтеней.*

(****) Донато или извѣстнѣе Донателло. ваятель, родился во Флоренціи въ 1383мъ умеръ въ 1466 году. — Андрѣй Верочіо, ваятель, живописецъ и рѣзчикъ

ства, и увѣковѣчивая славу своего отечества, въ удѣлъ себѣ стяжали безсмертіе. Во Франціи и Англіи до XIII го же столѣтія весьма мало и неискусно чеканили монету, почему только съ XIII го вѣка и можно о томъ историческія дѣлать изслѣдованія. (*)

Второе отдѣленіе Художествъ въ Россіи можно положить съ царствованія Великаго Князя Іоанна Васильевича.

Въ сіе время зодчество, живопись и многія другія изобрѣтенія съ отличнымъ искусствомъ появлялись; тогда рускіе путешествовали по Европѣ единственно для пріобрѣтенія свѣденій въ Художествахъ; на сей конецъ нѣкоторые были даже посыланы отъ самаго Великаго Князя въ Италію и Германію, отколда равномѣрно же выѣзжали въ Россію и иноземные художники и образовывали многихъ учениковъ рускихъ. Извѣстнѣе всѣхъ въ тогдашнее время былъ изъ выѣхавшихъ въ 1475 году художниковъ Аристотель Болонскій.

былъ учителемъ Леонарда Винчи и Перуджина. — Леонардъ Винчи живописецъ, родился въ 1445, умеръ въ 1520 году. — Перуджино, живописецъ родился въ Перузѣ въ 1446, умеръ въ 1524 году. (*Фран. Энциклопедія.*)

(*) Морери.

Знатоки древностей и любители Художествъ могутъ сравнить тогдашняго времяни зодчихъ иностранныхъ съ рускими по произведеніямъ какъ тѣхъ такъ и другихъ еще существующимъ (*). О живописномъ же искусствѣ должно замѣтить, что царь Іоаннъ Васильевичъ повелѣлъ, чтобы художники рускіе не иначе писали образа для церквей какъ съ лучшихъ подлинниковъ и хорошимъ письмомъ. При семъ же государѣ заведено было въ Москвѣ писненіе книгъ, и появились эстампы рѣзаные на деревѣ (**).

(*) Напримѣръ, чужестранныхъ художниковъ: *Аристотеля*, въ Москвѣ Успенской Соборъ перестроенъ въ 1479, Кремль возобновленъ въ 1490 году; — *Марка*, прозваннаго Фрязинымъ, потому что былъ иноземецъ, Царской Дворецъ, что нынѣ оружейная, построенъ въ 1487; — *Алевиза Фрязина* Архангельской Соборъ въ 1509; Церкви Афанасія и Кирилла, что на Сивцовомъ вражкѣ въ 1514; Леонтія Епископа въ Леонтіевскомъ переулкѣ; Св. Владимира, что въ старыхъ садахъ, Благовѣщенія на старой Ваганкѣ въ 1531 году; — Рускихъ художниковъ: *Федора Единѣева*, онъ обновилъ и украсилъ Благовѣщенской Соборъ въ 1508 году; — *Петра Потапова* Церковь Успенія, въ Кашельникахъ, что на Покровкѣ, въ 1694 году; — Гранитная Палата съ Ивановскою Колокольнею строена рускими зодчими въ 1600 году; — Въ другихъ же городахъ, кромѣ Москвы: *Макова* въ Орловской губерніи Брянской монастырь въ 1567 году; — *Марка* и *Ивана Шарукиныхъ*, Калязинской монастырь въ Тверской губерніи въ 1648 году; — *Алексѣя Королькова* Смоленской Соборъ въ 1675 году, и многія другія зданія.

(*) Первые Типографщики были Иванъ Федоровъ и Петръ Тимофѣевъ; одинъ изъ нихъ посланъ былъ

Полагаютъ, что при Царѣ Борисѣ Годуновѣ была сочинена первая Географическая карта. Извѣстно, сколь сей государь одобрялъ науки и художества.— Одинъ Англійскій Математикъ Джонасъ Ди, обучавшій Царевича сына его, получалъ жалованья около десяти тысячь рублей серебромъ (*). По повелѣнію Годунова строилась Грановитая палата и Ивановская Колокольня, о богатствѣ и великолѣпіи двора его много писали чужестранные послы и путешественники (**).

При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ занимались учебною частію Художествъ и на сей конецъ переводили съ иностранныхъ языковъ многія книги, изъ которыхъ замѣчательнѣе: Архитектура Беклерова (хранится въ Императорской Академіи Наукъ въ рукописи), и тогда же напечатано было ратное ученіе со многими

отъ Царя Іоанна Васильевича къ Острожскому Князю для напечатанія библіи. См. Нов. геогр. сл. часть V. стр. 378.—При первыхъ печатанныхъ книгахъ Апостолѣ и Евангеліи приложены были лица Евангелистовъ и другія разныя украшенія. См опытъ новаго историческаго словаря въ журналѣ: Другъ просвѣщенія на 1806; часть 4 стр. 166.

(*) Нов. Геогр. Сл. Часть V. стр. 380.

(**) О богатствѣ и великолѣпіи двора Россійскаго см. въ Моржеретѣ, Петреѣ, Олеаріи, писавшихъ о Россіи, также у Адама Шмита и Карлиля, Англійскихъ пословъ.

рисунками и появились эстампы уже довольно хорошей гравировки.

Таково было состояніе искусствъ и художествъ въ Россіи до исхода седьмагонадесять столѣтія. Отъ сего же времяни, при общемъ ихъ измѣненіи во всей Европѣ, и въ Россіи стали они принимать иный видъ.

Строгіе изслѣдователи художествъ доказываютъ сіе измѣненіе въ Россіи произведеніями того времяни, а имянно дошедшими до насъ живописями, подъ названіемъ Боллондіанскихъ, писанныхъ въ Россіи въ 1682 году. Сіи произведенія, изображающія соборъ Святыхъ Грекороссійской церкви по предмету своему схожи съ Каппоніановыми, но уже не столько правильно расположены въ рисункѣ и грубѣе отработаны (**).

Въ концѣ сего же отдѣленія, художества въ Россіи снова воспрянули отъ усыпленія... Петръ Великій творческою силою своею давъ новое образованіе Им-

(*) См. въ Другѣ просвѣщенія (на 1806 годъ. Часть 4. стр. 166) опытъ историческаго словаря.

(**) Іезуитъ Даніилъ Папеброхій, будучи въ Москвѣ посломъ Голландскимъ, досталъ вышеозначенные образа, которые потомъ хранились въ Лейденѣ. Названіе Боллондіанскихъ получили отъ Отцевъ Боллондіанскихъ, издателей дѣяній Святыхъ. *Буле.*

періи, обратилъ благотворное вниманіе свое и на всѣ искусства. Онъ посылалъ многихъ юношей въ Италію и Голландію обучаться художествамъ, между которыми извѣстны были своими успѣхами въ зодчествѣ и живописи: Земцовъ, Еропкинъ, Машвѣевъ, Андрей Авсовъ и другіе (*). Государь сей выписывалъ ремесленныхъ людей и по временамъ самъ занимался оброннымъ и токарнымъ искусствомъ: въ Императорской Кунстъ-Каморѣ храняпся многія его работы изъ слоновой кости, мѣди и дерева; въ путешествіяхъ же собиралъ лучшія произведенія Фламандской школы: Рубенса, Вандика, Рембранта, Вувермана и прочихъ; а по склонности своей къ трудамъ работалъ на всѣхъ посѣщаемыхъ имъ заводахъ и фабрикахъ (**).

Третье отдѣленіе Исторіи Художествъ въ Россіи можно положить съ учрежденія Академіи Художествъ въ 1758 году Императрицею Елисавепою Петровною. Съ сего времяни произведенія извѣстныхъ Россійскихъ художниковъ и вос-

(*) О сихъ художникахъ подробнѣе будетъ упомянуто въ моемъ Словарѣ Рускихъ Художниковъ.

(**) Савари, Бассевиль, Шпелинъ, Голиковъ.

питанниковъ Академіи обратили на себя вниманіе цѣлой Европы (*). Двукратное образованіе сей Академіи, первое, Императрицею Екатериною II въ 1764 году, другое, Императоромъ Александромъ I. въ 1802 году, увѣковѣчило сіе заведеніе на незыблемомъ основаніи.

Не оскорбляя скромности въ живыхъ обрѣтающихся художниковъ, именуемъ тѣхъ, которые по себѣ оставили многія образцовыя произведенія, таковы напримѣръ, зодчіе: Баженовъ, Какориновъ, Волковъ; послѣдній былъ употребленъ въ Парижѣ къ строенію театра Комедіи; живописцы Лосенько, Козловъ, Щедринъ; ваятели: Шубинъ, Козловскій, Гардѣевъ, рѣзчики или граверы: Чемесовъ, Скородумовъ, Берсеневъ...Нѣкоторые изъ нихъ великолѣпными зданіями преобразовали, такъ сказать, обѣ столицы нашей Имперіи — другіе животворною кистью своею пріумножили рѣдкія собранія картинъ въ Императорскихъ чертогахъ,

(*) Италіанскіе, Французскіе и Англійскіе художники съ большими похвалами отзываются объ нашемъ Скородумовѣ, Берсеневѣ, Волковѣ, Уткинѣ, Алферовѣ и прочихъ. См. Французскую Энциклопедію, часть художествъ; описаніе Орлеанской Галлереи и путешествіе Шатобріана въ Іерусалимъ.

Академіяхъ и Кабинетахъ частныхъ людей... Иные, чудеснымъ искусствомъ ваянія, образуя мраморъ и металлы, украсили цвѣтущіе сады увеселительныхъ Императорскихъ дворцовъ: Петергофа, Сарскаго села, Павловска, Гатчины—а другіе, смѣлымъ рѣзцомъ своимъ обогатили даже и чужіе краи: эстампы Скородумова въ Англіи и Франціи весьма дорого цѣнятся знатоками, Берсеневъ былъ употребленъ въ Парижѣ для гравированія съ картинъ Орлеанской Галлереи (*).

Кончивъ такимъ образомъ краткое историческое изслѣдованіе объ успѣхахъ Россіянъ въ Художествахъ, не подивимся, что древнихъ остатковъ оныхъ не великое число имѣемъ; все сокрушающая рука времяни, а гибельнѣе того внутренія междоусобія, частые набѣги и опустошенія Татарами и Литвою причиненныя, виновны, что мало сохранилось художественныхъ произведеній; но по нѣкоторымъ мѣстамъ изъ лѣтописей и по оставшимся еще памятникамъ, уцѣлѣвшимъ въ теченіи многихъ вѣковъ, смѣло можно заключить объ успѣхахъ

(*) См. Энциклопедію французскую и собраніе эстамповъ Орлеанской галлереи.

Россіянъ во всѣхъ искусствахъ. Исторія о Художествахъ рускихъ ожидаетъ еще пера новаго Плинія или другаго Винкельмана.

А. Писаревъ.

Задача любителямъ Этимологіи.

Изслѣдованіе и сравненіе языковъ не рѣдко употреблялось съ успѣхомъ для поясненія Исторіи и Генеалогіи народовъ: потому что изъ всѣхъ признаковъ соплеменности или сродства между народами, *языкъ* сохраняется всего долѣе: онъ не зависитъ отъ климата, такъ какъ другіе признаки, напр. одежда, образъ жизни и даже складъ тѣла. Сіи перемѣняются иногда совершенно съ преселеніемъ народовъ изъ теплаго края въ холодный, изъ гористаго въ приморскій, и т. д. но языкъ, не смотря на всѣ перемѣны, необходимо въ немъ производимыя вѣками и мѣстными сношеніями, ежели только не будетъ истребленъ какимъ нибудь насильственнымъ средствомъ, не теряетъ еще и по прошествіи тысящелѣтій, въ самыхъ отдаленнѣйшихъ и противоположнѣйшихъ климатахъ, общаго своего сходства или тожества корней, въ разсужденіи ихъ звука и значенія. Сіе доказывается сличеніемъ древнихъ языковъ съ новѣйшими, ежели отъ первыхъ сохранились пись-

менные памятники. По симъ памятникамъ съ достовѣрностью утверждать можно о сродствѣ Арабскаго языка съ Еврейскимъ, Греческаго же, Латинскаго, Нѣмецкаго и Славянскаго съ Персидскимъ и Санскритскимъ, и объ общемъ ихъ произхожденіи отъ древняго *Мидійскаго*. Мы бы могли также съ большею противъ теперешняго вѣрностью рѣшить сей спорный вопросъ: соплеменны ли, или разнородны съ нами Скиѳы, Сарматы, Геты и другіе древніе обитатели Сѣвера, — ежели бы имѣли какое нибудь свѣденіе о языкахъ, коими говорили сіи народы. Но письменныхъ тому памятниковъ никакихъ не осталось: развѣ только почитать ими нѣсколько *собственныхъ именъ*, Скиѳскихъ или Сарматскихъ, сохраненныхъ намъ Греческими и Латинскими Историками, и конечно уже исковерканныхъ ими по своему, какъ они обыкновенно дѣлывали съ варварскими (т. е. иностранными) словами. Сіи показанія словъ, коихъ и значеніе не всегда истолковано — весьма скудны и невѣрны, чтобъ можно было по нимъ дѣлать какое нибудь сравненіе и заключеніе. Но есть другіе, достовѣрнѣйшіе,

можетъ быть, памятники, которые сохранены купно изустнымъ преданіемъ и свидѣтельствомъ Историковъ, а именно названія земель, городовъ и естественныхъ урочищъ, т. е. рѣкъ, озеръ и пр. Примѣчанія достойно, сколь вообще долговѣчны таковыя наложенныя мѣстамъ названія: они нерѣдко многими тысячами лѣтъ переживаютъ существованіе того народа, отъ коего первоначально изречены были. Напр: сколь многія земли и города удержали еще и понынѣ, съ небольшими токмо отмѣнами, — имена, данныя имъ за двѣ и за три тысячи лѣтъ Египтянами, Финикіянами и Греками: между тѣмъ какъ они перемѣнили уже двадцать разъ и видъ свой и мѣсто, и служили поперемѣнно жительствомъ двадцати разнымъ племенамъ!

Въ сѣверной Европѣ не можемъ мы конечно указать столь древнихъ памятниковъ какого нибудь языка, потому что сія часть земнаго шара, въ сравненіи съ южною Европою есть край новозаселенный, куда и гражданственность и употребленіе письма достигли уже гораздо позже.

Древнѣйшіе города въ Россіи, Кіевъ, Новгородъ, Смоленскъ, Полотскъ, Ростовъ, и пр. построены, кажется, уже Славянскими пришельцами, и отъ нихъ получили имена свои, еще и теперь неизмѣнившіяся. Также и наименованіе страны *Руси* или *земли рускої* (изъ которой въ послѣдствіи сдѣлали *Россію*) произошло уже, какъ извѣстно, со времени Рюрика, послѣ соединенія Славянъ съ Чудью и Варягами въ одинъ государственный составъ. Прежде того страна сія, извѣстная у Грековъ подъ неопредѣленными названіями Сармаціи, Скиѳіи и пр. у Норманновъ подъ таковыми же названіями Гардарика, Голмгарда и пр. — имѣла ли собственное какое либо общее названіе, или твердое раздѣленіе на области: сомнительно.

Но названія рѣкъ, озеръ и другихъ естественныхъ урочищъ, должны быть во всякой странѣ гораздо древнѣе названій городовъ и областей; потому что около ихъ селятся первобытные каждой земли жители, кочевьями или разсѣянными деревушками, задолго до построенія городовъ и до соединенія въ большія общества. Такъ и въ Россіи.

А по сему, нельзя ли по названіямъ естественныхъ урочищъ сдѣлать какія нибудь вѣроятныя заключенія или догадки о томъ, какія племена въ Россіи первобытно жительствовали: разумѣется, ежели только въ устахъ какого либо народа остались слѣды того нарѣчія, на коемъ даны были сіи древнія названія рѣкамъ и озерамъ? Самая малая часть изъ нихъ носитъ на себѣ признаки Славянскаго словопроизводства. Прочія изъ какого языка заимствованы? изъ Кельтскаго, Финскаго, или Татарскаго?...

Оставляя это рѣшить ученымъ разбирателямъ и охотникамъ до словопроизводства, предложимъ любопытству ихъ сравнительную перечень сихъ названій, по примѣчаемому между оными сходству, либо начальныхъ буквъ, либо окончаній; — сходству, столь часто встрѣчающемуся, что оно не можетъ быть случайное, а вѣрно соединено съ какимъ нибудь общимъ значеніемъ!

Сіи одинаковые, значительные звуки, суть:

1.) Въ названіи рѣкъ и озеръ сѣверной Россіи *га*, также *ва, ба, ма*.

2.) Въ названіи нѣкоторыхъ большихъ

рѣкъ не только по Россіи, но и далѣе къ югу, почти по всей Европѣ *д-нѣ*, съ какою нибудь гласною.

3.) Въ названіи нѣкоторыхъ рѣкъ юго-восточной Россіи: *к-лѣ* или *г-лѣ*, съ какою нибудь гласною.

ГА.

Начиная съ сѣвера отъ береговъ Ледовитаго моря:

Пинега

Вага

Онега рѣка и озеро.

Серга озеро (въ Лапландіи.)

Сего озеро (въ Олонецкой Губерніи.)

Ладога озеро

Лоптюга, Ловтюга, Яренга, Пукшенга, Нименга } рѣчки въ Архангельск. и Вологодской Губерніяхъ, впадающія въ Мезень, въ Вычегду и пр.

Югъ или юга рѣка, и впадающія въ нее рѣчки Кичменга, и Шартенга.

Орга, Уфтюга } рѣчки впадающія въ Сухону.

Луга рѣка въ С. П. бургской Губерніи.

Молога
Ветлуга
Саранга
Сахтанга
Кокшага
Юнга
Свияга

рѣки и рѣчки впадающія въ Волгу, и пр.

И наконецъ Волга, величайшая изъ рѣкъ Европейской Россіи (у Греческихъ Географовъ: *Rha*, и еще нынѣ по Мордовски: *Рау*, по Татарски же: *Эдель*).

Можетъ быть сюда жъ принадлежатъ: Вологда, Вычегда, Судогда, Нерехта, гдѣ *га* превращается въ *да*; также Ока, Тьмака, и нѣкоторыя другія, гдѣ *га* въ *ка* превращается.

Впрочемъ мы выписали здѣсь имена тѣхъ только рѣкъ и озеръ, кои означены на картахъ: но ежели бы выбирать изъ Географическаго Словаря названія всѣхъ рѣчекъ и озерковъ, кои такимъ же образомъ оканчиваются, то сей списокъ можно бы вдвое или втрое увеличить.

Начиная съ сѣвера же, однако болѣе въ средней полосѣ Россіи, встрѣчаются въ названіяхъ рѣкъ и озеръ:

ВА, БА, МА.

Извѣстно, что губныя буквы *в, п, б* и *м* во всѣхъ почти языкахъ измѣняются одна на другую по разнымъ оттѣнкамъ произношенія, также какъ и горшанныя *г, к, х*. Особливо же всѣ Финскіе и нѣкоторые Татарскіе діалекты любятъ сіи измѣненія губныхъ буквъ: *б* на *м* и обратно. Основываясь на этомъ, кажется, можно съ довольною вѣроятностью полагать, что окончанія *ва, фа, па, ба* и *ма* въ названіяхъ рѣкъ имѣютъ одинаковое или подобное знаменованіе: почему и собрали мы оныя въ одну статью.

Колва
Полва
Лозва
Сосва
Сылва
} рѣчки въ Пермской Губерніи.

Ягорба рѣчка впадающ. въ Шексну.

Холова — — — — во Мсту.

Нарова или Нарва въ С. П. бургской Губерніи.

Нева рѣка и Нево озеро (старинное названіе Ладожскаго озера).

Москва рѣка (сообщившая наименованіе столицѣ Рускаго царства).

Протва, впадающ. въ Оку.
Сѣва — — — — въ Десну.
Витба — — — въ Двину.
Уфа — — — — въ Каму.

Упа, Свопа } въ Малороссіи.

Цыльма, Пижма, Ижма } рѣчки впад. въ Печору.

Кѣмь рѣка впад. въ Бѣлое море.
Вымь — — — въ Вычегду.
Уржумь — — въ Вяшку.
Сеймь въ Малороссіи.
Чухлома озеро.
Кострома.
Богульма.
Кролма.
Яхрома.
Клязма.
Шешма.
Вязма.
Кама.
Кума впадающ. въ Каспійское море.
Эмба, по Татарски Джилма, и многія другія.

Д-НЪ.

Д-нъ большимъ только рѣкамъ при-

дается и распространяется почти по всей Европѣ, напр.

Донъ, извѣстный древнимъ Грекамъ подъ именемъ *Танаиса*.

Обѣ *Двины*, сѣверная и западная.

Дунай, Donau, Danubius (у Грековъ *Истръ*).

Днѣпръ (у Грековъ въ средніе вѣки *Данаприсъ*, въ древности *Бористенъ*).

Днестръ (у Грековъ въ средніе вѣки *Данастрисъ* или *Данастъ* въ древности *Тирасъ*).

Роданъ въ Галліи, нынѣ *Рона*.

Эриданъ въ Италіи, древнѣйшее имя рѣки *По*.

К-лъ, Г-лъ.

Окончаніе *К-лъ* или *Г-лъ* есть общее въ названіяхъ нѣкоторыхъ рѣкъ юговосточной Россіи, древняго мѣстопребыванія Хазаръ, Печенѣговъ и Половцевъ:

Осколъ.

Ворскла (въ старинныхъ лѣтописцахъ Ворскола).

Деркулъ.

Ингулъ.

Телигулъ.

Кагулъ, славный побѣдою Румянцова.

Кагальникъ.

Каяла (упоминаемая въ пѣсни о походѣ Игоря).

И можетъ быть сюда же принадлежитъ *Калка*, извѣстная нещастнымъ сраженіемъ Рускихъ Князей съ Башыемъ.

Какое бы имѣли значеніе сіи общія столь многимъ рѣкамъ названія *Га*, *Д-нѣ*, *К-лъ* и пр.? Естественнѣе всего предполагать, что они на какихъ-либо языкахъ означаютъ *воду*, или же *потокъ*, *рѣку*, т. е. текущую воду.

Славный Клопштокъ въ Грамматическихъ своихъ разговорахъ (Grammatische Gespräche von Klopstock, 1794) производитъ наименованія рѣкъ Weser, Oder, Eder, Eyder, Iser, Esse, Hase, отъ Wasser или Water; наименованія же Ach, Aa, Au, Eger, Ocker, Nekar и многія другія отъ aqua.

Конечно естественно было первобытнымъ пришельцамъ, избирающимъ всегда берега какихъ-либо водъ подъ свои жилища, назвать воду ими избранную, просто водою. Нарицательное сіе имя въ послѣдствіи обратилось въ собственное. Однако во множайшихъ случаяхъ отличали еще тѣ либо другія воды имя-

немъ прилагательнымъ, по главному какому нибудь качеству, въ оныхъ примѣчаемому. Напр: быстрая, мутная, желтая, синяя, глубокая, мѣлкая и пр. вода или рѣка.

И такъ, ежели *Га*, *Д-нѣ*, *К-лѣ*, и пр. значатъ вода или рѣка: то приложенныя къ онымъ слоги, напр. *Оне-га*, *Ладо-га*, *Вол-га*, *Днѣпръ*, *Днестръ*, *Дер-кулъ*, *Ин-гулъ*, суть вѣроятно прилагательныя, коими означается какое нибудь качество тѣхъ рѣкъ.

Впрочемъ нѣкоторыя изъ сихъ окончаній, а особливо, *ва*, *ма*, могутъ быть общимъ окончаніемъ прилагательныхъ или существительныхъ именъ на какихъ либо Финскихъ діалектахъ, подобно какъ *Мордва* (имя народа Финскаго) *Вуорима* (Финское названіе Перми) *Суома* или *Сама* (названіе, которое даютъ себѣ Финны и Лопари), и пр.

Предоставимъ ученѣйшимъ людямъ повѣрить сіи предположенія наши, и вывести изъ оныхъ дальнѣйшія слѣдствія.

А. В.

III. КРИТИКА.

Дѣтская Энциклопедія или новѣйшее понятіе о всѣхъ наукахъ. Вновь переведена, исправлена и дополнена для употребленія юношества С. Ушаковымъ. Въ 6 частяхъ съ 96 искусно выгравированными картинками. Санктпетербургъ. Въ Типографіи Академіи Наукъ. 1811.

Всѣмъ извѣстны краткія Французскія съ Рускимъ переводомъ Энциклопедіи, которыя содержатъ въ себѣ понятія о разныхъ наукахъ, бывшія *новыми* лѣтъ за восемьдесятъ предъ симъ. Сія книга есть *новѣйшее* объ оныхъ понятіе, вновь переведенное, исправленное и дополненное въ пользу Россійскаго юношества. Она раздѣляется на 103 главы, въ которыхъ помѣщены прелюбопытныя вещи, напр. (стр. 25.) что поэма есть рѣчь въ стихахъ съ стопами, риѳмами, и цезурами, которыя въ стихахъ наблюдать должно; (стр. 167) что Статистика раздѣляется на Всемірную и частную; (стр. 205) что Камбизъ, отецъ Кировъ, былъ

Персидской шляхтичь; (стр. 103) что на востокъ отъ Франціи находится какой-то *Женевской* заливъ; (стр. 121) что *Днѣпръ* протекаетъ по Германіи, что въ сей землѣ находятся важные города: *Аренсбургъ*, *Маріенталь*, *Варшава*, *Краковъ*, *Лемберегъ*, *Минихъ* и мн. др. (стр. 145.) что Маркграфство *Лузація* составляетъ часть *Австріи*, и что главный онаго городъ есть *Бадзелъ*. (на стр. 11) „*Вопросъ*: Какихъ качествъ долженъ быть учитель чистописанія? *Отвѣтъ*. Онъ долженъ быть снисходителенъ къ ученикамъ, тщателенъ въ поправленіи ихъ письма и скроменъ въ рѣчахъ. Ему необходимо нужно пріобрѣтать отъ учащихся любовь, почтеніе и повиновеніе; также быть честну и учтиву и наблюдать какъ надъ правильнымъ держаніемъ пера, такъ и надъ пристойнымъ положеніемъ головы и всего тѣла пишущихъ.“ — Какъ прилично этой книгѣ прозваніе *новѣйшая*, явствуетъ наиболѣе изъ того, что (на стр. 77) сказано, будто планетъ щитается семь; (на стр. 91.) что Рускіе щитаютъ *одиннадцатью* днями позже другихъ народовъ; (на стр. 133.) что Пруской Король *получилъ* знатную

часть Польши; (на стр. 161.) что Сѣверная Америка раздѣляется на пять главнѣйшихъ *Государствъ*, кои суть: Новая Франція, Новая Англія, Флорида, Новая Мексика и Старая Мексика. — На пріобщенномъ къ сей книгѣ изображеніи земнаго шара находимъ Данію на мѣстѣ Норвегіи, Калеской проливъ шире Балтійскаго моря. Искусно выгравированныя картинки — ужасны! Не одинъ Рускій переводъ, но и Французской подлинникъ поправленъ; вотъ заглавіе: Encyclopedie des Enfans ou *nouveau* abrégé de toutes les sciences, nouvellement corrigée et augmentée á l'usâge de la Jeunesse Russe etc. — Послѣднюю часть сей энциклопедіи составляетъ Россійская Исторія, выписанная почти слово въ слово изъ книжки: *Начертаніе Россійской Исторіи соч. И. Ф. Вегелиномъ Москва, 1807.* — Г. издатель сей энциклопедіи напечаталъ эту Исторію и особо подъ заглавіемъ: *Россійская Исторія отъ Рюрика до дней нынѣ благополучно Царствующаго Государя ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА, служащая для украшенія сердца и памяти юношества. Сочинена по образцу лучшихъ Историковъ нынѣшняго времяни*

Семеномъ Ушаковымъ. С. П. Б. въ тип. Дрехслера. Но справедливость требуетъ сказать, что Г. Ушаковъ распространивъ Исторію Г. Вегелина помѣстилъ въ оной и *свое*, какъ напр. (стр. 3.) „*Вопросъ.* Отъ чего Славяне получили свое названіе? *Отв. Всѣ* вообще соглашаются, что имя Славянъ происходитъ отъ слова: *слава*"; (стр. 5 и 47) что *Полотчане* и *Половцы* одинъ народъ; (стр. 163.) что орденъ Св. Александра Невскаго учрежденъ Императрицею Екатериною I и пр.

Ж.

Новѣйшій Географической учитель, научающій дѣтей познанію Математической, Физической и Политической Географіи, и содержащій въ себѣ новѣйшія землеописанія Европы, Азіи, Аффрики, Америки и проч. (*) въ нынѣшнемъ каждаго Государства состояніи. По новѣйшему раздѣленію сочиненный на Французскомъ языкѣ Г. Мантелемъ, Членомъ Французскаго Института и первымъ Географомъ Голландскаго Короля (**), а на Россійскій переведенный А. В. 4 части. Москва. Въ Губернской Типографіи у А. Рѣшетникова, 1811 года.

Упоминаемъ о сей книгѣ единственно для того, чтобъ предостеречь всякаго отъ покупки оной; ибо *во первыхъ:* она расположена весьма дурно, напр. статьи Географіи Математической и

(*) Тщетно будете искать во всей книгѣ названія пятой части свѣта: оно Г. Сочинителю неизвѣстно.

(**) Въ объявленіи о сей книгѣ (при No 101. Московскихъ Вѣдомостей) пропущены слова: *Голландскаго Короля.* Кто не купитъ Географіи, сочиненной *первымъ* Географомъ?

Естественной помѣщены по порядку *Французской* азбуки; слова *Арктическій* и *Антарктическій* толкуются прежде, нежели слово *полюсъ*; *широта* и *долгота* мѣстъ изъяснены прежде *меридіана*; мѣли прежде морей; тропики и поясы земнаго шара помѣщены въ Географіи Естественной, и т. п. *Во вторыхъ:* она весьма недостаточна; напр. о Парижѣ сказано только (Ч. II. стр. 29.), „Департаментъ *Сена* (!) главное мѣсто *Парижъ*.“ Описаніе *Голландіи* занимаетъ полторы страницы (Ч. II. стр. 123.); при описаніи *Москвы* и *Казани*, не упомянуто, что въ сихъ городахъ есть Университеты. *Въ третьихъ:* она не къ стати пространна; напр. описаніе Европейской Турціи занимаетъ болѣе половины третьей части. (Ч. III. стр. 39.) „Городъ *Беневентъ*, принадлежавшій прежде Папамъ, и обращенный въ столицу нижняго (?) Княжества, служитъ теперь главнымъ мѣстомъ Герцогства, извѣстнаго подъ симъ же именемъ и учрежденнаго въ пользу Г. Талейрана.“ *Въ четвертыхъ:* въ ней попадаются частыя повторенія и пропиворѣчія; напр. на стр. 75 I. ч. описанъ Датской островъ *Зеландія*, а на 81 стр. ска-

зано: „Данія владѣетъ еще островами *Зеландомъ* и проч. На 5й стр. II ч. сказано, что *Рейнъ* выходитъ изъ горы *Сенъ-Готардъ*, а на 133й той же части, что онъ выходитъ изъ горы *Фурки*. *Въ пятыхъ:* она преисполнена самыми грубыми ошибками; напр. (стр. 93. Ч. I.)„ Европейская Россія къ сѣверу граничитъ съ Ледовитымъ моремъ; къ востоку съ Уральскими горами и *Каспійскимъ* моремъ; къ западу съ *Ботническимъ* заливомъ, *Балтійскимъ* моремъ и нѣкоторыми Польскими (!!!) провинціями; къ югу съ Чернымъ моремъ и нѣкоторыми Турецкими провинціями.“ (Ч. II. стр. 45.) „Рѣка *Селенга* впадаетъ въ *Ледовитое* море.“ (Ч. II. стр. 51.) „*Тобольская* губернія, заключающая въ себѣ *особливо Сибирь*, страну холодную и по большей части необработанную, граничитъ и пр.“ На 137 стр. II. ч. сказано, что Имперія *Австрійская* и Королевство *Прусское* принадлежатъ къ *Рейнскому* союзу. (ч. II. стр. 159.) „*Варшавское* Герцогство принадлежитъ наслѣдственно Саксонскому Королю. Оно находится подъ покровительствомъ Франціи, которая управляетъ *ею* черезъ своихъ чиновниковъ.“ — О слогѣ можно

судить по приведеннымъ мѣстамъ; притомъ вся книга изпещрена орѳографическими ошибками и напечатана очень дурно. Помѣщенный при переводѣ Французскій подлинникъ *поправленъ* какимъ нибудь брадатымъ продавцемъ просвѣщенія. Спишемъ заглавіе: Le plus nouvel Géographique Précépteur. Qui enseigne les enfans la Géographie Mathematique, Physique, Politique et comprend la nouvelle description de l'Europe, de l'Asie, de l'Amérique etc. dans la situation actuelle des états d'après la dernière division composé par E. Mentelle, Membre de l'Institut de France et premier Géographe du roi de Hollande; et traduit en Russe par A...V...

И объ этой книгѣ напечатана при Московскихъ Вѣдомостяхъ, на двухъ страницахъ въ четвертку, высокопарная прокламація, въ которой доказывается, что всѣ изданныя донынѣ Географіи никуда не годятся, и что сіе сочиненіе есть лучшее въ своемъ родѣ!!! Полагайтесь на газетныя объявленія! —

Г.

Сокращеніе Всеобщей Исторіи. Сочиненіе Професора Галлетти. Перевелъ Егоръ Константиновъ. С.П.Б. въ Типографіи Академіи Наукъ. 1811.

Не нужно распространяться въ похвалахъ подлиннику. Г. Галлетти (*) признанъ въ Германіи однимъ изъ лучшихъ Сочинителей по сей части. Переводъ очень исправенъ, и показываетъ, что Г. Переводчикъ имѣетъ основательныя познанія въ исторіи. Руская Исторія, присовокупленная къ подлиннику, имѣетъ всѣ свойства хорошей учебной книги: непространна, полна и ясна. Жаль, что слогъ перевода не соотвѣтствуетъ его исправности: онъ не довольно легокъ и плавенъ, слѣдственно не заманчивъ для чтенія и не весьма удобенъ къ запверживанію. Желаемъ, чтобъ Г. Переводчикъ воспользовался симъ безпристрастнымъ замѣчаніемъ при второмъ изданіи сей полезной книги, которую какъ мы надѣемся, скоро раскупятъ.

Г.

(*) Профессоръ Исторіи въ Готтѣ.

Дѣтская натуральная Исторія или картинная галлерея животныхъ съ сокращеннымъ ихъ описаніемъ (на Россійскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ) Москва. Въ Губернской Типографіи у А. Рѣшетникова. 1811 года.

Поверхностное описаніе разныхъ звѣрей, расположенное безъ порядку, написанное самымъ дурнымъ слогомъ, украшенное картинками лубочной гравировки, и напечатанное съ величайшею неисправностію. На каждой страницѣ можно найти до десяти ошибокъ — во всѣхъ отношеніяхъ.

Р.

Premiers principes de la langue Françoise ou nouvelle Grammaire à l'usage de la jeunesse Russe, par D. de Boudri, Professeur au Lycée Impérial et à l'Institut des D^lles nobles de l'ordre de Ste Catherine. Première partie. A St. P. B. de l'Impr. du Sénat. 1811. т: е: *Первыя основанія Французскаго языка или новая Грамматика въ пользу Россійскаго юношества, сочиненная Д. де Будри, Профессоромъ въ Императорскомъ Лицеѣ и въ Институтѣ благородныхъ дѣвицъ Ордена Св. Екатерины. Часть I. С. П. Б. въ Сенатской Типогр.* 1811.

Вотъ одна изъ лучшихъ Грамматикъ, изданныхъ въ пользу Рускихъ! Мы находимъ въ Г. Будри не машинальнаго учителя-педанта, который повторяетъ сказанное другими разъ сто прежде него, но основательнаго, размышляющаго знатока въ своемъ языкѣ, имѣющаго глубокія познанія въ Грамматикѣ общей, и пролагающаго собственную свою дорогу тамъ, гдѣ пути, избранные его предше-

ственниками, кажутся ему неудобными. Руской переводъ правиленъ и вѣренъ (*); примѣры, приведенные во Французскомъ подлинникѣ, не повторяются въ переводѣ, а замѣняются другими подобными. Во многихъ мѣстахъ Г. Будри примѣняетъ правила Французской Граммашики къ свойствамъ Рускаго языка; особенно же полезны (и для многихъ нашихъ переводчиковъ съ Французскаго языка Латинскихъ и Греческихъ твореній) помѣщенныя на стр. 22—27. правила для перевода съ Французскаго и обратно собственныхъ именъ древнихъ и новыхъ языковъ.— Весьма непріятно, что сія преполезная книга, особливо руская часть, обезображена опечатками.

Ж.

(*) Кромѣ нѣкоторыхъ маловажныхъ неисправностей, напр. на стр. 10 слово ceint переведено: напоясанъ, вм. опоясанъ; le seing перев. подписка, вм. подпись. Галлицизмовъ же мы не замѣтили.

Слѣдствія пылкихъ и необузданныхъ страстей, трагедія (*) въ пяти дѣйствіяхъ. Москва. Въ Университетской Типографіи. 1811.

Ужасная трагедія! въ ней безпрестанно рубятъ, рѣжутъ, жгутъ, отравляютъ ядомъ! Двенадцать мертвецовъ, двѣ отрубленныя головы, одна голова въ ящикѣ — какой богатой предметъ для трагика! — На каждой страницѣ сочинитель восклицаетъ: чортъ! дьяволъ! дьявольщина! чортъ побери! Эй! А! О! Ну! Тсъ! Фуй! Га! Гм! Ба! Ха, ха, ха!—

Этотъ драматической бредъ писанъ прозою; содержаніе выкрадено изъ Нѣмецкаго романа: *Куно фонъ Кибургъ.*

Т.

(*) Переводъ ли она съ иностраннаго языка или Руское сочиненіе — о томъ издатель ея не почелъ нужнымъ увѣдомить публику.

Мошенники, комедія въ пяти дѣйствіяхъ, сочиненная въ 1811 году. Москва, въ Типографіи А. Воейкова.

Извощикъ Гернарь выигралъ въ лотерею пятнадцать тысячь рублей. Два плута Дорени и Фурбони сговорились обмануть его: первый изъ нихъ, познакомясь съ Гернаромъ и назвавъ себя Графомъ, беретъ у него въ долгъ деньги, и потомъ говоритъ ему, что Голландскій Король назначаетъ его предводителемъ той арміи, которую посылаетъ онъ противъ Персіянъ; Гернаръ вѣритъ мошеннику и дѣлаетъ большія подарки товарищу его Фурбони, котораго Дорени назвалъ посланникомъ Голландскаго Короля. Скоро обманъ открывается; Гернарь раскаивается; но уже поздо: мошенники уѣхали изъ того города, гдѣ жилъ онъ.

Хотя сочинитель не сказалъ, гдѣ происходитъ дѣйствіе; но по именамъ дѣйствующихъ лицъ можно догадаться, что оно происходитъ не въ Россіи: между тѣмъ Гернаръ поетъ пѣсню: *во полѣ береза стояла* (Дѣйст. I. Яв. IV.) Есть еще много другихъ странностей. Гер-

наръ говоритъ *портному*: башмаки, которые ты мнѣ сшилъ, очень тѣсны (Дѣйст. II. Яв. IV.).— Въ пятомъ явленіи третьяго дѣйствія Дорени говоритъ обратясь къ Гернару: *вы имѣете очень умнаго и учтиваго дядюшку*, между тѣмъ какъ Гернара совсѣмъ нѣтъ въ этомъ явленіи; и проч. и проч.

Сочинитель цѣлыми явленіями бралъ изъ Мольерова *Мѣщанина во дворянствѣ*, и потому лучше бы назвать новую комедію не *мошенниками*, а *воровствомъ*.

Н.

Новыя карты четырехъ частей свѣта, Европы, Азіи, Африки и Америки, съ изображеніемъ земноводнаго шара въ двойномъ видѣ, въ обыкновенныхъ круглыхъ (!) полушаріяхъ и на плоскости, по изобрѣтенію Меркатора, съ новыми открытіями славныхъ путешественниковъ и мореплавателей Крузенштерна, Кука, Вильсона, Броуна, Ванкувера, Лапериза, Мунго-Парка и другихъ, каковыхъ картъ донынѣ на русскомъ языкѣ издано не было; изданы А. Ширяевымъ и гравированы въ С. П. Б. 1812 года.

Такъ напечатано въ прибавленіи къ 16 No С. П. Б. вѣдомостей сего 1812 года. Карты сіи сочинены, выгравированы и изданы однимъ здѣшнимъ гравёромъ (*) въ 1808 году, и довольно худо приняты публикою, потому что сдѣланы были весьма неисправно. Нынѣ появились тѣ же самыя карты съ перемѣнами, то есть

(*) Непоняшно, какъ могутъ гравёры браться за сочиненіе картъ. По сему всякой наборщикъ можетъ сочинить эпическую поэму, трагедію, комедію, и проч.

на нихъ вмѣсто 1808 года поставленъ 1812 годъ, и на удачу проведены краскою нѣкоторыя новыя границы. Извѣстіе, что на нихъ изображены новыя открытія Крузенштерна столь же справедливо, какъ и то, что таковыхъ картъ донынѣ на рускомъ языкѣ издано не было, и что онѣ гравированы въ 1812 году.

Н.

Анекдоты Г. Волтера, Часть I и II Москва, у Рѣшетникова. 1810 и 1809.

Вольтеръ сказалъ весьма справедливо: „съ книгами бываетъ тоже, что съ „людьми; очень немногія извѣстны свѣту, „а прочія погребены во множествѣ“ Давно ли начали мы заниматься словесностію, а сколько ужъ у насъ любопытныхъ книгъ *всякаго рода*, которыхъ мы совсѣмъ не знаемъ? Въ семъ случаѣ иностранцы гораздо свѣдущѣе насъ: у нихъ можно почти совсѣмъ не читать книгъ, а имѣть обо всѣхъ понятіе, знать на перечетъ всѣ новыя сочиненія или переводы на своемъ языкѣ, судить о нихъ—и все благодаря однимъ журналамъ!—Правда, что у насъ сами книгопродавцы стараются замѣнить недостатокъ такого журнала, объявляя въ вѣдомостяхъ о продажныхъ книгахъ и безъ зазрѣнія совѣсти выхваляя оныя; но, не говоря уже о пристрастномъ ихъ сужденіи, объявленія ихъ часто могутъ служить образцами дурнаго вкуса и невѣжества (*).

(*) „Выпишемъ въ примѣръ одно изъ тысячи такового „объявленій. „Басни и сказки И. И Хемницера, въ 3 „частяхъ, новое изданіе, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ „басенъ, которыхъ въ изданіи предъ симъ напечатан-

Что̀жъ бываетъ, когда книгопродавцы берутъ еще сверхъ того на себя должность издателей, назначаютъ молодымъ и старымъ переводчикамъ что имъ переводить и по скольку листовъ въ недѣлю; когда за такіе труды платятъ рубли по четыре съ листа, и потомъ выдаютъ въ свѣтъ нещастную, изуродованную книгу, которую превозносятъ до небесъ въ газетахъ, и которую — вѣря словамъ ихъ—съ жадностію раскупаютъ просто̀душные провинціалы.

И намъ случайно попалась въ руки одна изъ такихъ книгъ, которая, по увѣренію многихъ, весьма расходится въ Губерніяхъ — *Анекдоты Г. Волтера.* Ма-

„номъ не было (и съ переправкою многихъ стиховъ) — „съ описаніемъ его жизни, *искусно выгравированнымъ* „Г. Ухтомскимъ портретомъ Автора, *гравированнымъ* „шпилемъ и 6ю виньетами. Сіе произведеніе *весе-* „*лаго ума* (!!) можетъ назваться *образцовымъ сочи-* „*неніемъ* въ своемъ родѣ. Въ немъ усматриваются „*разительная* простота, *творческая замысловатость* „(?), тонкія и остры̀я шутки, слогъ *несравненный,* „*неподражаемый* (!!), и можно сказать, *что тутъ* „*всякое слово точно поставлено на своемъ мѣстѣ.*“ (прекрасное подражаніе словамъ Буало о Малербѣ: d'un mot mis en sa place enseigna le pouvoir). — „Дѣй- „ствующія лица *соотвѣтствуютъ времени и обстоя-* „*тельствамъ;* короче сказать: сію книжку можно на- „звать по справедливости *золотою*“!! Что подумаютъ объ насъ иностранцы, читая подобныя похвалы Хемницеру, который легко могъ бы обойтиться безъ покровительства книгопродавцевъ и конечно не оставитъ ихъ въ накладѣ!

лѣйшая странность въ сей книгѣ та, что *первая* часть оной напечатана въ 1810 году, а *вторая* въ 1809. Впрочемъ издатель не разсудилъ за благо насъ увѣдомить, изъ какихъ источниковъ почерпнулъ онъ сіи Анекдоты; и всякой, кто читалъ только сочиненія Волтера и его переписку съ друзьями, узнаетъ много, много новаго изъ разсматриваемой здѣсь книги. Въ ней найдешь онъ: „что „Англичанинъ Бондъ умеръ плѣнясь кра„сотами *роли Люксьяны въ Волтеровой „трагедіи Азаири*“ (Ч. I. стр. 69.) — „что „Волтеръ былъ преданъ проклятію *отъ „Отца Ганганелли*“ (вѣроятно хотѣли сказать: Папою Климентомъ XIV изъ дома Ганганелли; но сіе несправедливо.) стр. 103. — „что Волтеръ выдалъ *Коме„дію Магомета не подъ своимъ именемъ*“ (!!) Ч. II. стр. 3.— „что Трагедія Пело„пиды *въ числѣ лучшихъ его твореній*“ (видно, что издатель совсѣмъ не читалъ Лагарпа!) стр. 5. — „что Волтеръ *съ „удовольствіемъ* принялъ на себя званіе „*Французскаго дѣписателя*“ (вмѣсто: Исторіографа; по этому страсть переводить на удачу всѣ иностранныя слова заразила даже *книгопродавцевъ-издате-*

лей!) стр. 25. — „что его Исторія *о* „*Карлѣ XII* сначала была сочиняема въ „Англіи, въ бытность его въ деревнѣ, „*вмѣстѣ* съ Г. Фабриціемъ, Камергеромъ „Короля Англійскаго Георгія, *и Курфир-* „*стомъ Ганноверскимъ*“ (Г. Фабрицій Кур- „фирстъ Ганноверскій!!), которой былъ „семь лѣтъ *Президентомъ* (вмѣсто Рези- „дентомъ) при Карлѣ XII, послѣ Полтав- „ской баталіи“ —и проч. и проч.

Большая часть сихъ анекдотовъ не заслуживаетъ вниманія читателей, и вообще вся книга писана весьма дурно, такъ что въ иныхъ мѣстахъ весьма трудно добраться до смысла, напр: „явленіе, произведенное при семъ по вторичному доводу добродушія, принадлежитъ равномѣрно къ безпримѣрнымъ особенностямъ!“ стр. 46. — Или: „въ награду за искусство стрѣлять, въ Фернѣе, получила золотую медаль. Гж. Е. Ж. называемая отъ Волтера; *моя бабочка*, насила ея.“ (здѣсь въ точности соблюдено и правописаніе подлинника.) — Самыя острыя шутки Волтера становятся непоняшными въ рускомъ переводѣ; на прим: ѣдкій отвѣтъ его Члену Тулузскаго Парламента, который извинялъ своихъ товарищей въ

убійствѣ Каласа говоря, *что и лучшая лошадь иногда спотыкается*: „пусть одна лошадь, вскричалъ Волтеръ, но не цѣлая конюшня!“ (Oui, mais toute une écurie!) Слова сіи переведены издателемъ: *такъ, но вся конюшня полна лошадей.* — Главнѣйшую же трудность при чтеніи рускихъ *Анекдотовъ Г. Волтера* составляетъ совершенное преобразованіе всѣхъ именъ собственныхъ, которыя издатель переправлялъ, а иногда и переводилъ по своему произволенію, какъ то: l'Abbé Pélerin названъ *Аббатомъ Пилигримомъ*, Англійской Комикъ Конгревъ *Конераволмъ* или *Канераволмъ*, Ламетри — *Ламетпую*, Аббатъ Макарти — *Малирти*, Епископъ де Бове какимъ-то *Г-мъ Бовъ*, Рамзай — *Рамзалемъ*, Макіавель *Махіевалетомъ*, Дефонтенъ *Дефонетомъ*, славный Канцлеръ Дагессо Канцлеромъ *Агнесо*, наконецъ Епископъ Бойе превращенъ въ *Г-жу Бойе*.

Не довольствуясь искаженіемъ прозы Волтера, издатель иногда покушается и на стихи его. Приведемъ въ примѣръ извѣстное посланіе Волтера къ Дофину отъ имени стараго Инвалида, служившаго въ полку сего Принца. Французской

подлинникъ начинается такъ: Digne fils du plus grand roi, etc. Вотъ переводъ:

О сынъ! великаго достойный изъ царей;
Предметъ его любви и нашихъ упованій!
Хотя не въ твоемъ еще теперь мы обладаньи:
Однако нашею владѣешь ты душей.
Прости, что честолюбіемъ побужденный,
Несу тебѣ даръ отъ стиховъ,
Охладшей кровію произведенный,
Тому, пріемлетъ кто отъ рукъ однихъ боговъ,
Я слышалъ, что когда ты въ свѣтъ вступилъ,
Тебя Марсъ храбростію одарилъ,
Минерва мудростію, Фебъ красотою;
Но благотворный Богъ, въ бѣдахъ зономый мною,
Благоволилъ, чтобъ и я щастливъ былъ
Когда онъ тебя всѣмъ наградилъ.

Читатели найдутъ много такихъ стиховъ въ *Анекдотахъ Г. Волтера.*

Впрочемъ книга сія не заслуживала бы конечно столь подробнаго разбора, естьли бы мы не желали предостеречь многихъ охотниковъ до чтенія, которые не зная по французски, съ жадностію покупаютъ всякія нелѣпости, лишь бы только онѣ были украшены имянемъ славнаго человѣка!

А.

Извѣстіе о новомъ Французскомъ романѣ: Les souterrains de la Roche de Baume, ou le Fantôme et les Brigands. 3 vol. in 12. A Paris, chez Lerouge, Pigoreau et Normant.

Какъ глупы были прежніе Французскіе и даже Англійскіе писатели! Они думали, что для сочиненія хорошаго романа необходимо надлежало живописать нравы, изображать характеры, выражать страсти, и симъ только образомъ забавлять нашъ разумъ или трогать сердце! Но для сего нужно было разсматривать, узнавать свѣтъ, имѣть умъ здравый, разборчивый, проницательный; душу пылкую и чувствительную. Чтобы умѣть точно описывать всѣ движенія страстей, чтобы изображать пріятно и разительно пороки и все достойное осмѣянія, надобно было имѣть перо то сильное, то легкое и весьма часто краснорѣчивое; надобно было, чтобы сочинитель присоединялъ къ познанію свѣта познаніе словесности, столь же долговременно и съ такимъ же трудомъ пріобрѣтаемое. А сіе столь рѣдкое соеди-

неніе занятій въ кабинетѣ съ безпрерывными наблюденіями въ большой книгѣ жизни человѣческой, произвело въ теченіи двухъ вѣковъ только трехъ или четырехъ романистовъ, и пять или шесть сочиненій, которыя безъ сомнѣнія не безъ достоинствъ, и которыя кажутся довольно пріятными. Нѣтъ! мы гораздо благоразумнѣе нашихъ предшественниковъ. Мы нашли, что всякому можно дойти до сей цѣли и даже перейти за нее безъ малѣйшаго труда. И не совершенно ли безполезно предпринимать безконечную работу этихъ людей тогда, какъ безъ ученія, безъ приготовленій, даже не заботясь о томъ, чтобъ сдѣлать напередъ планъ, и, такъ сказать, играя перомъ, можно внушать ужасъ вмѣсто того, что они были довольны производя одно легкое волненіе души, и доводить читателя до обмороковъ тамъ, гдѣ они едва могли исторгнуть у него нѣсколько слезъ?

Давно уже открыли средство привести къ самымъ простѣйшимъ началамъ химію, механику и многія другія науки. Почему же не попытаться равномѣрно усовершенствовать различныя части

словесности, стараясь производить большее дѣйствіе легчайшими средствами, что во всѣхъ человѣческихъ занятіяхъ почитается верхомъ искусства и самымъ вѣрнѣйшимъ признакомъ совершенства?

По крайней мѣрѣ достигли уже до сего въ романахъ. Авторъ *Гастрономіи*, давая уроки въ искусствѣ хорошо ѣсть, говоритъ въ одномъ мѣстѣ съ важностію школьнаго учителя, которая мнѣ всегда нравилась:

Ayez un bon chateau dans l'Auvergne ou la Bresse,
Ou près de lieux charmans, d'où Lyon voit passer
Deux fleuves amoureux tout prêts á s'embrasser.

Сверхъ того, по его словамъ, нужны чистый и здоровый воздухъ, для возбужденія аппетита, пріятные виды обворожающіе глаза, и всего болѣе многочисленное и хорошее общество для развлеченія въ часы отдыха. Рецептъ для сочиненія *плачевныхъ* новѣйшихъ романовъ совершенно противенъ рецепту для хорошихъ обѣдовъ, и, кажется, гораздо легче можетъ быть исполняемъ.

„*Илѣйте старый развалившійся замокъ* (могла бы сказать *Гжа Радклифъ* молодому Автору, увлеченному своимъ геніемъ въ слѣдъ за нею по сему *почтенному* и сколь

выгодному пути) помѣстите его гдѣ хотите, все равно, лишь бы только мѣсто было необработанное, воздухъ нездоровый и туманный. Замокъ долженъ быть необитаемъ."

„Потомъ сдѣлайте въ немъ въ каждомъ этажѣ длинные, узкіе, темные и извилистые корридоры; они должны примыкать къ пространнымъ заламъ, со всѣхъ сторонъ открытымъ на произволъ стихій, и наполненнымъ гнилыми меблями, старыми шкафами и прочимъ тому подобнымъ. Вамъ также надобно имѣть въ стѣнахъ нѣсколько желѣзныхъ дверей, открывающихся посредствомъ тайныхъ пружинъ, и запирающихся съ шумомъ за тѣми, которые будутъ столь неблагоразумны, что въ нихъ войдутъ. Присовокупите къ сему сырыя, мрачныя подземелья, въ которыя сходятъ чрезъ опускныя двери, и въ которыхъ должно находиться довольное число темницъ, самыхъ ужаснѣйшихъ, какія только можно вообразить."

„Не забудьте также расположить недалеко оттуда какой нибудь лѣсъ, современный міру, а, что всего важнѣе, непроницаемый лучами солнца. Въ немъ долж-

ны находиться: *Первое*: древнее Аббатство, коего стѣны обросли мхомъ, а унылые и однообразные звуки колоколовъ одни только нарушаютъ тишину сего ужаснаго уединенія. *Второе*: ущелье, самое узкое, между двухъ каменистыхъ горъ, съ которыхъ нависшіе утесы во всякаго вселяютъ трепетъ. *Третіе*: хижина на скатѣ какого нибудь холма.“

„Послѣ сего заведите разбойниковъ около вашихъ выбоистыхъ дорогъ, а въ хижинѣ помѣстите пустынника лѣтъ въ 90 или болѣе, потому что въ такомъ уединенномъ мѣстѣ необходимо нуженъ на всякой случай какой нибудь сострадательный человѣкъ, чтобъ перевязывать раненыхъ и доставлять пищу путешественникамъ. Что же касается до развалившагося замка, главнаго мѣста ужасныхъ приключеній, которыхъ вы еще не выдумали, то онъ будетъ служить убѣжищемъ или фальшивымъ монетчикамъ, или какому нибудь мстительному и ревнивому Испанцу, котораго привлечетъ туда жертва его несправедливаго гнѣва.“

„Когда расположите мѣста и запасетесь такимъ образомъ, то будете имѣть все нужное для вашего романа. Тогда

приводите туда, кого вы хотите, или рыцаря столь храбраго какъ Донъ Кишотъ Ламанхскій, или такого пруса, какъ Санхо Панса, его оруженосецъ, во всякомъ случаѣ вы можете быть увѣрены, что произведете желаемое дѣйствіе.“

Вотъ правила, всегда наблюдаемыя великими знатоками своего дѣла, сими учителями, коихъ *яростный* геній уже около 20 лѣтъ производитъ ужасъ и услажденіе цѣлой Европы. Они произвели тысячи романовъ, въ которыхъ всѣ сіи многочисленные матеріалы были такъ истощены, столь различными образами употребляемы, что ихъ нещастные послѣдователи, даже принимаясь за перо не иначе, какъ въ то время, когда бѣшенство овладѣетъ ихъ сердцемъ, а восторгъ разумомъ, не могутъ произвести ничего, кромѣ робкихъ и несовершенныхъ копій съ сихъ ужасныхъ образцевъ.

Авторъ *привидѣнія и разбойниковъ* весьма сіе чувствовалъ, но увлекаемый непреодолимою склонностію *повергнуться въ печальныя глубины меланхолическаго романа*, безъ ропота на судьбу за то, что родился двадцатью годами позже, и потому принужденъ былъ подбирать нѣ-

которые пророненные колосья тамъ, гдѣ столь многіе прежде него собирали богатыя жатвы, сей Авторъ, говорю я, принялъ благоразумнѣйшее намѣреніе покориться добровольно неудобствамъ своего положенія и стараться извлечь пользу изъ того, что казалось самымъ большимъ препятствіемъ его успѣху.

Не знаю, какому-то марателю карикатуръ пришла мысль представить стихотворца Лебреня въ спальномъ колпакѣ, сидящаго на широкой софѣ съ удочкою въ рукахъ и ловящаго ею нѣкоторые стихи изъ Гомера, Горація, Пиндара, которыхъ листочки были разбросаны передъ нимъ. Автора *привидѣнія и разбойниковъ* можно бы представить въ такомъ же точно положеніи, окруженнаго лучшими твореніями *Анны Радклифъ*, *Софіи Франкла*, *Дюкре Дюминиля* и пр. и проч. и проч., ловящаго изъ нихъ то разбойника, то подземелье, то башню, то замокъ, то привидѣніе, и потомъ составляющаго изъ всѣхъ сихъ клочковъ рапсодію въ трехъ томахъ.

Одинъ ревнивый мужъ закалываетъ жену свою, потомъ закалываетъ кормилицу своей дочери; онъ бы перекололъ и

многихъ другихъ, естьли бы подоспѣвшая ночь не воспрепятствовала ему и не остановила *мужественныхъ* его дѣяній. Ночь, какъ говорятъ, имѣетъ еще преимущество подавать совѣты. Среди ея мрака, сей *нѣсколько грубый* мужъ начинаетъ разсуждать, что *нѣсколько строгое* наказаніе, сдѣланное имъ женѣ, можетъ имѣть не очень пріятныя для него слѣдствія. Страхъ заступаетъ мѣсто бѣшенства. Трепеща, какъ листъ, онъ схватываетъ дочь и убѣгаетъ въ ближній лѣсъ. Едва входитъ въ оный, какъ поднимается нарочно для него буря съ ужаснымъ ревомъ. Мракъ умножается, вѣтеръ свиститъ съ яростію, молніи блещутъ, вся природа кажется разрушающеюся. Посреди сего смятенія, вдругъ земля разступается подъ ногами виновнаго, и онъ, съ ребенкомъ въ рукѣ, съ кинжаломъ въ другой, падаетъ..... угадайте куда?.... въ пещеру разбойниковъ.... Сихъ господъ не было дома; хорошее время вызвало ихъ сдѣлать маленькую прогулку. Глазамъ бѣглеца представляются мущина и женщина, прикованныя къ стѣнѣ. „Я васъ „освобождаю, говоритъ онъ имъ, но вы „будете мнѣ отвѣчать *вашими голо-*

„вали, естьли оставите это невинное „твореніе, которое никогда не узнаетъ „своихъ родителей.“ Окончивъ сію привѣтственную рѣчь, онъ разрываетъ, какъ во многихъ нашихъ драмахъ и трагедіяхъ, оковы ихъ, и добрые люди уходятъ съ его дочерью, принося ему тысячу благодареній; а виновный остается въ подземельѣ, *чтобъ скрыть тамъ*, какъ говоритъ Авторъ, *угрызенія совѣсти*; ибо всѣмъ извѣстно, что въ подобномъ случаѣ романистъ никакъ не можетъ обойтиться безъ угрызеній совѣсти главнаго его лица.

Въ намѣреніи покаяться въ своихъ преступленіяхъ, и можетъ быть, найти, устраша честныхъ обитателей его новаго жилища, безопасное между ними убѣжище, нашему герою приходитъ на мысль переодѣться привидѣніемъ. Вотъ онъ начинаетъ являться и изчезать, переходитъ изъ погреба на чердакъ, съ чердака въ погребъ, изъ практира въ могилу, однимъ словомъ на землѣ и подъ землею нѣтъ мѣста, гдѣ бы онъ не встрѣтился.

Между тѣмъ, какъ онъ доставляетъ себѣ такимъ образомъ пріятное пре-

провожденіе времени, дочь его получаетъ прекрасное воспитаніе, коего первое начало даютъ ей въ *трактирѣ ближней деревеньки*. Одна почетная дама знакомится съ нею, и, какъ обыкновенно водится, беретъ ее къ себѣ вмѣсто дочери. Молодой прекрасной человѣкъ видитъ ее, влюбляется, и, какъ также обыкновенно водится, нравится ей. Послѣ сей взаимной и нѣжной любви слѣдовало бы дѣвушкѣ выдти за него за мужъ, естьли бы сочинитель захотѣлъ согласиться на желанія двухъ любовниковъ; но тогда бы романъ окончился первою частію, а безъ сомнѣнія торгъ съ книгопродавцемъ былъ уже заключенъ на три, и потому свѣтильникъ брака не возгорѣлся до тѣхъ поръ, пока не являлись попеременно разбойники, пустынникъ, надгробныя покрывала, надгробныя лампады, пока дѣвушка не была живая заключена въ *жилище смерти*, пока не были разсказаны три исторіи одна другой ужаснѣе, и множество тому подобнаго.

Однако дѣло приходитъ къ развязкѣ. Вотъ представляется намъ осажденный замокъ; онъ разрушается посреди облаковъ пыли и дыму, и мы видимъ между

сихъ развалинъ женщину *нещастную, невинную и гонимую*, которую привидѣніе почитало умершею отъ руки его. Въ самую ту минуту когда она воскресаетъ изъ мертвыхъ, виновный мужъ ея по непреложному закону вознагражденій, умираетъ. Тогда ее узнаютъ, окружаютъ, обнимаютъ. Она находитъ дочь свою, играетъ свадьбу, всѣ веселятся, и читатель, который по словамъ сочинителя, *читая повѣсть сію былъ проникнутъ глубокою печалію*, весьма радовался бы видя конецъ, естьли бы вдругъ не примѣтилъ еще нѣчто, въ тысячу разъ страшнѣйшее, ужаснѣйшее, нежели всѣ привидѣнія и разбойники — слово прибавленіе, напечатанное крупными буквами на оборотѣ послѣдней страницы. Даю самому прозорливѣйшему человѣку угадать (и прозакладую тысячу новѣйшихъ романовъ, естьли онъ угадаетъ) что содержитъ это прибавленіе, котораго одно имя приводитъ меня въ трепетъ: программу четырехъ удивительныхъ картинъ, извлеченныхъ изъ лучшихъ мѣстъ романа, которыя Авторъ предлагаетъ написать кисти четырехъ искуснѣйшихъ Французскихъ живописцевъ. Такимъ образомъ,

естьли они захотятъ согласиться и раздѣлить между собою работу, то сіе сочиненіе доставитъ безсмертіе, на худой конецъ, пяти человѣкамъ. — —

Примѣчаніе. Извѣстіе о сей книгѣ взято изъ *Journal de l'Empire.* Мы поспѣшили сообщить оное нашей публикѣ, ибо увѣрены, что весьма въ непродолжительномъ времени, кто нибудь изъ тѣхъ писателей, которые ревностно снабжаютъ насъ переводами такихъ безсмертныхъ сочиненій, каковы *Полночный колоколъ*, *Целина*, *Видѣнія въ Пиринейскомъ замкѣ*, и проч. и проч. доставитъ намъ удовольствіе читать и сей романъ на Рускомъ языкѣ. Безъ сомнѣнія наши книгопродавцы, заказавъ перевесши оный, распишутъ о достоинствѣ его въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ съ величайшею подробностію; а любители *пещеръ*, *разбойниковъ*, *привидѣній* и *чертей* увеличатъ онымъ свои библіотеки.

Стыдно писать, но еще стыднѣе переводить такія вздорныя книги!

— *ъ.*

(29 *Февраля.*)

ПРИБАВЛЕНІЕ

Ко 2му Нум. С. П. бургскаго Вѣстника.

Въ первомъ нумерѣ нашего Вѣстника помѣстили мы описаніе и рисунокъ термолампа, устроеннаго въ С. Петербургѣ Гг. Соболевскимъ и Д'Орреромъ; здѣсь опишемъ мы проэктъ освѣщенія водотворнымъ газомъ Адмиралтейскаго булевара и присовокупимъ нѣкоторыя примѣчанія о устроеніи термоламповъ вообще.

Булеваръ около Адмиралтейства простирается на 500 саженъ; на семъ пространствѣ имѣется нынѣ 50 фонарей, расположенныхъ на одной линіи въ разстояніи десяти саженъ одинъ отъ другаго. При освѣщеніи булевара сего водотворнымъ газомъ предполагается поставить 100 фонарей, расположивъ ихъ также на одной линіи въ разстояніи пяти саженъ. Свѣтъ, который произойти долженъ отъ сего числа фонарей, зависитъ отъ образа устроенія лампъ и самыхъ фонарей, чего еще рѣшительно не опредѣлили, въ намѣреніи сдѣлать сравнительные опыты при самомъ устроеніи

всего освѣщенія. Термолампъ, долженствующій доставлять водотворный газъ для сего освѣщенія, устроенъ будетъ въ домѣ бывшемъ Графа Самойлова, гдѣ нынѣ Губернскія Присутственныя мѣста; оттуда газъ проведенъ быть имѣетъ къ фонарямъ посредствомъ подземныхъ трубъ, которыя ради дешевизны положены будутъ деревянныя; впрочемъ онѣ сдѣланы особеннымъ способомъ, такъ, что могутъ прослужить долгое время безъ поврежденія. Во избѣжаніе всякаго замѣшательства или остановки, могущихъ произойти въ случаѣ какого либо поврежденія въ печахъ, положено сдѣлать двѣ печи, которыя имѣютъ дѣйствовать попеременно; въ каждой печи имѣется по два чугунныхъ цилиндра, вмѣщающихъ въ себѣ оба вмѣстѣ до 18 кубическихъ футовъ или $\frac{1}{20}$ кубической сажени.

Устроеніе всего освѣщенія, кромѣ фонарей, стоить будетъ единовременно пять тысячь рублей, а годовое онаго содержаніе усмотрѣть можно изъ слѣдующаго разчисленія.

Для наполненія цилиндровъ потребно каждый день дровъ $\frac{1}{20}$ кубической сажени, или одну кубическую сажень на

двадцать дней; изъ сего количества дровъ выходитъ водотворнаго газу до 2500 кубическихъ футовъ, что достаточно для 100 фонарей на 10 часовъ освѣщенія и болѣе. Полагая годовое освѣщеніе въ 240 дней, количество дровъ потребное въ годъ для наполненія цилиндровъ равняться будетъ 12 кубическимъ саженямъ, которыя примѣрно стоятъ - - - 360 р.

На подогрѣваніе цилиндровъ потребно въ годъ также 12 кубическихъ саженъ, слѣдовательно все количество дровъ потребное на годовое освѣщеніе стоить будетъ - 720 —

Превращеніемъ въ уголье 12 кубическихъ саженъ дровъ, которыми наполняются цилиндры, получается: 360 четвериковъ и болѣе угля, стоющихъ - - - - - 300 —

240 пудъ дегтю - - - - 480 —

И того 780 р.

Сверхъ того изъ 12 куб: саженъ получается до 800 ведръ кислоты пригорѣлодревесной, которую здѣсь въ щетъ не полагаемъ, потому что употребленіе ея въ художествахъ еще мало извѣстно (*).

(*) Кислота сія есть настоящая уксусная и разнствуетъ отъ оной только шѣмъ, что содержитъ въ себѣ нѣ-

Изъ сего явствуетъ, что издержки на дрова замѣняются съ излишкомъ продуктами термолампа.

Освѣщеніе 50 фонарей масломъ стоитъ въ годъ болѣе 2000 рублей; сверхъ того такое освѣщеніе требуетъ ежедневно большаго присмотра, какъ въ разсужденіи чищенія фонарей, такъ и въ разсужденіи поправленія свѣтильни и проч. Сіе сравненіе показываетъ, какія чрезвычайныя выгоды доставить можетъ распространеніе сего способа освѣщенія въ публичныхъ зданіяхъ, на фабрикахъ и вообще во всѣхъ большихъ заведеніяхъ.

Для лучшаго усмотрѣнія сихъ выгодъ прилагаемъ здѣсь примѣрное расчисленіе, во что обойтись можетъ устроеніе термоламповъ на 50, 100 и 150 лампъ изъ коихъ каждая производитъ свѣтъ противу двухъ сальныхъ свѣчь (по четыре на фунтъ), сгорающихъ въ продолженіе восьми часовъ. Въ семъ расчисленіи цѣны вещамъ положены такъ какъ оныя нынѣ въ С. Петербургѣ состоятъ.

которую часть пригорѣлаго масла или дегтю, отъ коего бывъ отдѣлена химическими средствами, представляетъ она всѣ качества настоящаго перегнаннаго уксуса. Даже и въ сыромъ ея видѣ имѣетъ она многія употребленія въ разныхъ фабрикахъ; со временемъ будетъ и она имѣть свою цѣну.

РАЗЧИСЛЕНІЕ УСТРОЕНІЯ ТЕРМОЛАМПОВЪ.

Для устроенія термоламповъ потребны слѣдующія вещи и производ: работпъ.	Для 50 лампъ *		Для 100 лам. **		Для 150 лам. ***	
	Число вещей.	цѣна	Число вещей.	цѣна	Число вещей	цѣна
Для устроенія двухъ печей потребно кирпича краснаго — —	2000	36 р.	4000	72 р.	5000	90 р.
Кирпича бѣлаго Московскаго —	400	75	600	120 —	800	150 —
Песку и глины	—	40	—	50 —	—	70 —
За сдѣланіе печей	—	60	—	60 —	—	60 —
За чугунные цилиндры, по одному въ печь, за пудъ по 5 р. — —	пуд. 2 цил: 60	300 —	100 пуд.	500 —	130 пудъ	650 —

* Цилиндръ вмѣщать долженъ $\frac{1}{50}$ куб: сажени. Резервуаръ длиною 10 футъ, шириною 9 футъ, вышиною 6 футъ; кубич: содержаніе онаго=540. Для 50 лампъ, пропиву 100 свѣчь, по четыре на фунтъ, потребно газу въ часъ 75 кубическихъ футъ; а на 8 часовъ 600 кубическихъ футъ; $\frac{1}{50}$ куб: сажени дровъ даетъ до 1000 куб: футъ газу.

** Цилиндръ долженъ содержать по крайней мѣрѣ $\frac{1}{35}$ куб. сажени. Резервуаръ длиною 15 футъ, шириною 9 футъ, вышиною 7 футъ; кубическое содержаніе онаго=945 куб. футъ. Для 100 лампъ пропиву 200 свѣчь по четыре на фунтъ, потребно газу въ часъ 150 кубическихъ футъ а на восемь часовъ (среднее освѣщеніе) 1,200 футъ; $\frac{1}{35}$ кубич: сажени дровъ даетъ газу до 1500 куб: футъ.

*** Для 150 лампъ цилиндръ вмѣщать долженъ $\frac{1}{20}$ кубич: сажени. Резервуаръ длиною 18 футъ, шириною 10 футъ, вышиною 7 футъ; кубич: содержаніе онаго=1260 куб. футъ. Для 150 лампъ пропиву 300 свѣчь по четыре на фунтъ, потребно газу въ часъ 225 кубич: футъ, а на восемь часовъ 1800 кубич: футъ; $\frac{1}{20}$ куб: сажени дровъ даетъ газу до 2500 куб: футъ.

	Для 50 лампъ		Для 100 лампъ		Для 150 лампъ	
	Число вещей.	цѣна	Число вещей.	цѣна	Число вещей	цѣна
По одному мѣдному холоднику съ двумя кранами —	въ $\frac{1}{2}$ пуда	90 р.	въ 2 пуда	120 р.	въ 3 пуда	180 р.
Боченковъ и кадок.	4	40 —	4	40	4	60
Трубъ мѣдныхъ разнаго разбора до	4 пудъ	240 —	5 пудъ	300	8 пудъ	480
Лампъ чугунныхъ по 6 рублей —	50	300 —	100 —	600	150	900
Къ нимъ кранов по 150 коп. — —	50	75	100	150	150	225
За краны къ холодникамъ — —	2 крана	50	2 крана	50	2 крана	50
Резервуаръ —	въ 540 куб. фут	170	въ 945.	200	въ 1260—	300
Срубъ бревенчатый для вмѣщенія резервуара —	1	80	1	125	1	150
За вырытіе ямы и положеніе сруба	—	40	—	50	—	70
Краны большіе	3	100	4	130	4	150
На придѣлку лампъ и крановъ, проводку трубъ и проч. съ припоемъ и тому подобными издерж. — —	—	125 р.	—	200	—	300
Все устроеніе стоитъ	—	1821 до 1850	—	2767 до 2800	—	3885 до 4000
По сему разчисленію ежедневное освѣщеніе продолжаться можетъ 8 часовъ и болѣе. Для сего потребно дровъ, для наполненія						

	Для 50 лампъ		Для 100 лампъ		Для 150 лампъ	
	Число вещей	цѣна	Число вещей	цѣна	Число вещей	цѣна
цилиндровъ и подогрѣванія ихъ, одна кубическая сажень — — —	въ 25 дн.	—	въ 17 дн.	—	въ 10 дн.	—
а въ 240 дней годоваго освѣщенія	10 ку: с.	300	15 ку: с.	450	25 ку: с.	750
Притомъ получается — — —	150 чет: угол: 100 пуд. дег:	130 р. 200	225 чет: угол: 150 пуд: дег:	190 300	375 чет: угол: 250 пуд: дег:	320 500
Каждая лампа замѣняетъ въ день свѣтъ двухъ свѣчей: слѣдовательно въ 240 дней замѣняетъ — —	24000 св. или 100 пудъ	1,500 р.	48,000 св или 300 пудъ	3000 р.	72000 св: или 450 пудъ	4500 р.

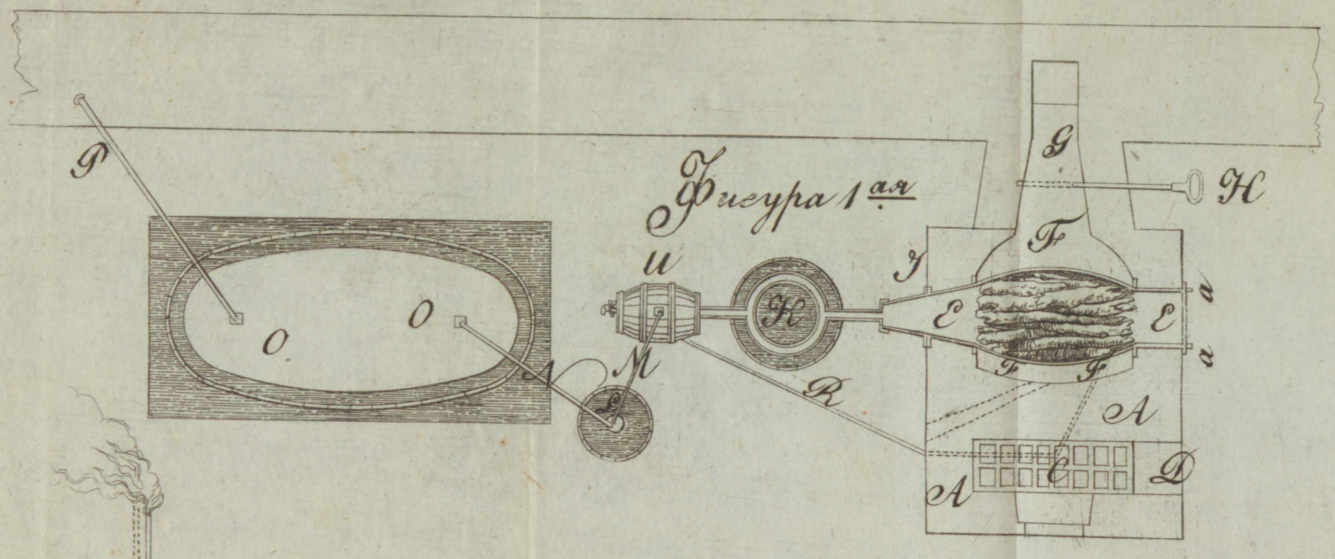
Сверхъ таковыхъ выгодъ, сей способъ освѣщенія можетъ также служить и къ согрѣванію покоевъ, такъ что и самыя дрова употребленныя на подогрѣваніе цилиндра, принесутъ довольную пользу. Въ семъ случаѣ устроеніе обойдется дороже, но сія единовременная издержка въ послѣдствіи съ излишкомъ замѣнится.

ОПЕЧАТКИ.

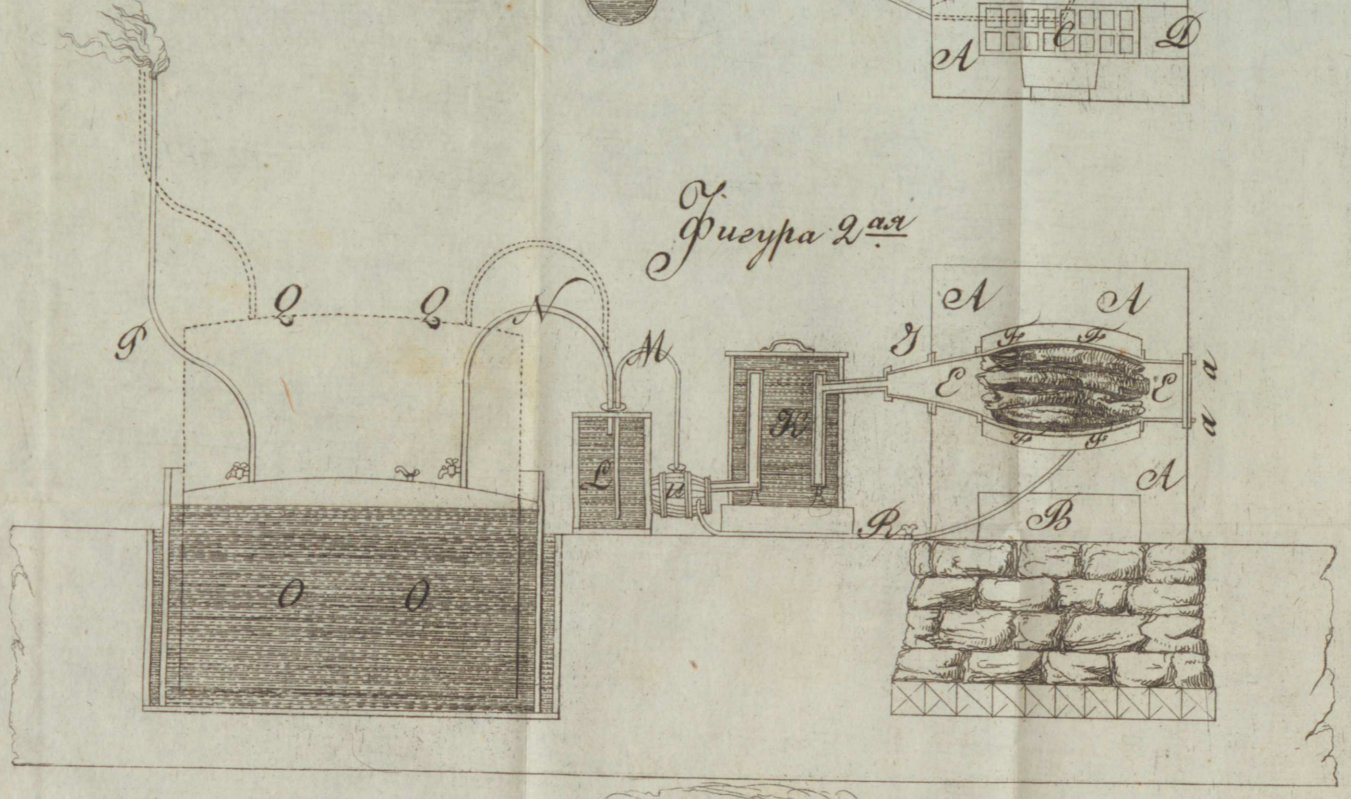
	Напечатано.		Читай.
Стр.	162 строк.	20 приходитъ	проходитъ
—	173 —	1 розою	ризою

Къ 1-му Кн. С. Петерб. Вѣстника.

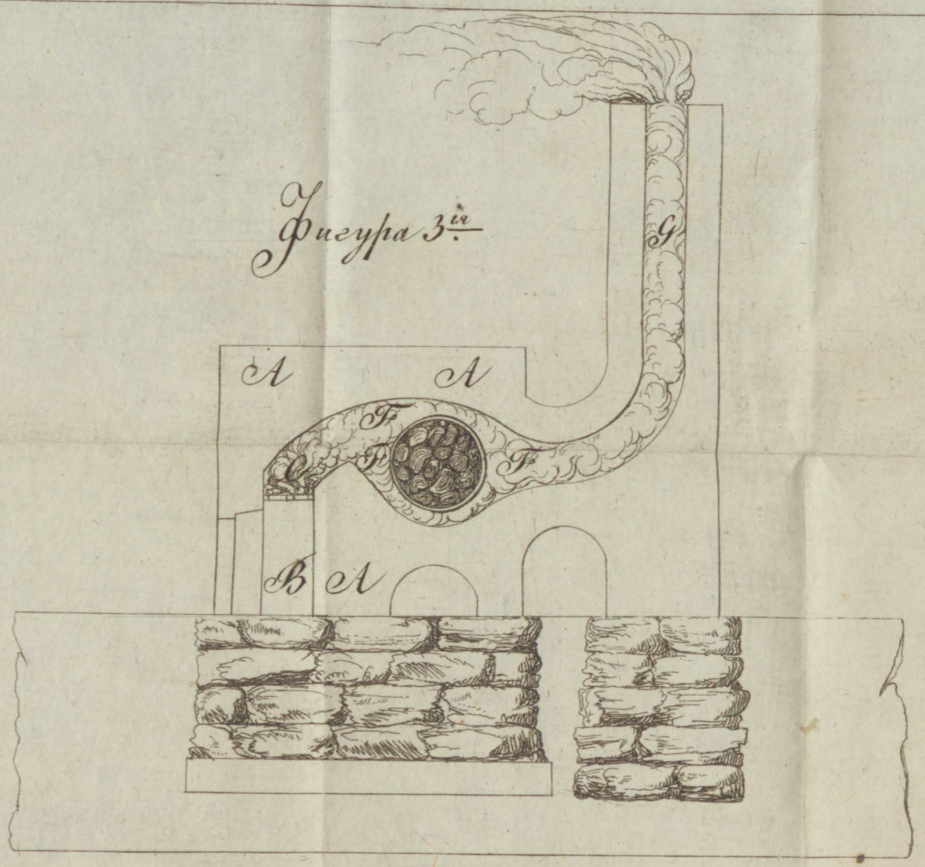
Фигура 1-ая.



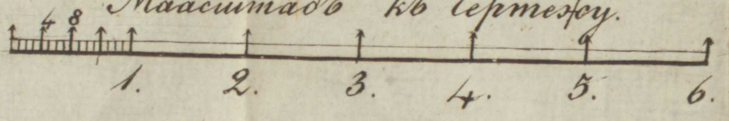
Фигура 2-ая.



Фигура 3-ая.



Масштабъ къ Чертежу.



САНКТПЕТЕРБУРГСКІЙ

ВѢСТНИКЪ.

МАРТЪ 1812. No 5.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

Второй крестовый походъ въ Тунисъ и смерть Св. Людовика.

(Изъ Путешествія Шатобріана.)

Людовикъ былъ уже не молодъ, когда предпринялъ второй свой походъ за море. Слабость здоровья не позволяла ему сносить ни продолжительной верховой ѣзды, ни тяжести оружія. Но онъ нисколько не потерялъ силъ душевныхъ. Онъ созываетъ въ Парижъ вельможъ; описываетъ имъ бѣдствія Палестины и объявивъ, что рѣшился итти на помощь къ своимъ братіямъ Христіанамъ, въ тоже время принимаетъ крестъ изъ рукъ легата и даетъ тремъ старшимъ своимъ сыновьямъ.

Ему послѣдуютъ множество вельможъ; Европейскіе владѣтели: Карлъ Сицилійскій, Едуардъ Англинскій, Гастонь Беарнскій, Короли Наварскій и Арагонскій готовятся къ принятію хоругвій. Женщины показываютъ такую же рѣвность; Герцогиня Пуатьерская, Графиня Британская, Іоланда Бургонская, Жанна Тулузская, Изабелла Французская, Амиція Курпенейская, оставивъ прялки, тогдашнее занятіе королевъ, слѣдуютъ за мужьями.

И такъ, сдѣлавъ завѣщаніе и назначивъ двухъ правителей королевства, Людовикъ отправляется въ монастырь Св. Діонисія, для принятія царской хоругви, которую въ мирное время хранили тамъ на жертвенникѣ, между гробами Королей, въ знакъ вѣрности Французовъ Богу, Государю и чести. Онъ принялъ хоругвъ изъ рукъ аббата, по обычаю; опоясался чересомъ, взялъ пилигримскій посохъ, *отраду и знакъ путешествующихъ*, и принесши моленіе на гробѣ мучениковъ, поручилъ королевство святому покровителю Франціи.

На другой день послѣ сего обряда, ходилъ онъ, босой, съ сыновьями въ храмъ

Божія Матери. Въ вечеру тогожъ дня простился съ Королевою и оставилъ навсегда Винценскіе древніе дубы, почтенныхъ свидѣтелей правосудія его и добродѣтели. Отправясь изъ Еге-Морта, онъ прибылъ съ флотомъ въ Тунизскій заливъ (въ Іюлѣ 1270 года).

Тунисомъ владѣлъ тогда нѣкто Омаръ—ель—мулей—моцшанка. Въ сіе время возобновлялся Карфагенъ. Уже много было воздвигнуто зданій среди развалинъ, и на холму Вирзы возвышался замокъ. Крестоносцы поражены были красотою страны, покрытой маслиничными деревьями. Омаръ не вышелъ въ срѣтеніе Французамъ, которыхъ прежде притворно увѣрялъ въ намѣреніи принять христіанскую вѣру. Напротивъ онъ угрожалъ, что изтребитъ всѣхъ христіанъ въ своихъ владѣніяхъ, естьли только Людовикъ взойдетъ къ нему на берегъ. Сіи угрозы не отвратили высадки. Армія стала въ лагери на перешейкѣ Карфагенскомъ и духовникъ Французскаго Короля принялъ во владѣніе отечество Аннибалово слѣдующими словами: *Je vous dis le ban de Notre Seigneur Jesus Christ et de Louis, Roi de France, son sergent.* Сколь различныхъ народовъ

слышанъ былъ гласъ на семъ мѣстѣ! Здѣсь говорили: Гетулъ, Тиріанецъ, Латинецъ, Вандалъ, Грекъ и Аравлянинъ, и разными языками выражали всегда тѣже страсти.

Людовикъ, прежде нападенія на Тунисъ, торговый въ то время, богатый, укрѣпленный городъ, рѣшился взять Карфагенъ. Онъ выгналъ Сарацинъ изъ башни, оборонявшей водяные рвы; замокъ взятъ приступомъ и новый городъ подвергся той же участи, какую потерпѣла крѣпость. Сопровождавшіе мужей Королевы и Принцессы вышли на берегъ въ пристань; и такимъ образомъ на развалинахъ черпоговъ Дидоны, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ, посѣляются знатныя жены Франціи.

Но щастіе оставило Людовика, какъ скоро переплылъ онъ море; казалось, что ему опредѣлено уже служить для невѣрныхъ примѣромъ мужества въ бѣдствіяхъ. Онъ не могъ напасть на Тунисъ, не получа помощи, которой ожидалъ отъ брата своего Короля Сицилійскаго. Армія принуждена была окопаться на перешейкѣ. Открылась заразительная болѣзнь и въ нѣсколько дней изтребила по-

ловину войскъ. Африканское солнце пожирало крестоносцевъ, привыкшихъ жить подъ кроткимъ небомъ. Къ умноженію бѣдствій ихъ Мавры изобрѣли еще жесточайшее истребительное средство; они поднимали на воздухъ, посредствомъ нѣкоторыхъ машинъ, разкаленный песокъ, который, несясь по южному вѣтру, производилъ дѣйствіе Канзима, ужаснаго степнаго вѣтра; изобрѣтеніе, достойное пустынь, родившихъ объ немъ мысль и доказывающихъ, до какой степени можетъ человѣкъ довести искусство истребленія. Безпрерывныя сраженія привели наконецъ армію въ совершенное безсиліе; живыхъ недоставало для того, чтобы похоронять мертвыхъ; трупы бросали во рвы, окружавшіе лагерь, и рвы были наполнены ими.

Уже Король лишился Графовъ: Немурскаго, Вандомскаго и Монтморанси; лишился любимаго сына и потомъ занемогъ самъ. Онъ почувствовалъ съ первой минуты, что болѣзнь его смертельна; что она скоро повергнетъ во гробъ тѣло его, изнуренное трудами военными, заботами правленія и тѣми благочестивыми и царскими бдѣніями, которыя по-

священъ онъ Богу и своему народу. Не смотря на то, онъ скрывалъ свою болѣзнь и скорбь о потерѣ сына. Уже смерть изображалась на челѣ его; а онъ посѣщалъ больницы, подобно отцамъ милосердія, опредѣлившимъ себя въ сихъ мѣстахъ на изкупленіе плѣнныхъ и на спасеніе погибающихъ отъ заразы. Отъ дѣлъ святаго переходилъ онъ къ обязанностямъ Государя; осматривалъ лагерь и показывалъ непріятелю видъ неустрашимый; или, сидя предъ ставкою, давалъ судъ своимъ подданнымъ, подобно какъ подъ дубами Винденскими.

Филиппъ, старшій сынъ его и наслѣдникъ, видя приближающуюся кончину отца, не отлучался отъ него. Наконецъ Король не выходилъ уже изъ ставки. Тогда, не могши самъ трудиться для народа, старался онъ устроить будущее щастіе его и далъ Филиппу послѣднее наставленіе. Оно писано имъ уже на смертномъ одрѣ; большія, неровныя буквы ясно изображали безсиліе руки, начертывавшей выраженія твердой души.

„Любезный сынъ! во первыхъ завѣ-
„щаю тебѣ любить Бога всѣмъ сердцемъ
„и бояться дѣлать ему неугодное; ибо

„безъ сего никто не можетъ спастися,
„и ты долженъ лучше преперпѣть всѣ
„роды мученій, нежели согрѣшить смер-
„тно.

„Естьли Богъ пошлетъ тебѣ нещa-
„стіе, прими охотно и воздай благода-
„реніе, и вѣрь, что оно дается тебѣ въ
„наказаніе и обратится въ добро. Есть-
„ли Богъ даруетъ тебѣ щастіе, благода-
„ри со всеуниженіемъ и берегись, что
„бы не сдѣлаться чрезъ то худшимъ,
„или по гордости, или почему другому;
„ибо не должно воевать на Бога дарами
„его.

„Старайся имѣть сообщество съ
„людьми мудрыми и праводушными и ко-
„торые бы не были исполнены злочно-
„сти, духовные ли они, служители ль
„церкви, или свѣтскіе, или иные. Убѣгай
„бесѣды злыхъ; поучайся слову Божію и
„содержи оное въ сердцѣ твоемъ.

„Твори судъ и истинну всякому, убо-
„гому и богатому. Къ слугамъ твоимъ
„будь праведенъ, щедръ и вѣренъ въ сло-
„вѣ, дабы они боялись и любили тебя,
„какъ своего господина. Естьли возста-
„нетъ какое несогласіе или мятежъ,
„за тебя или противъ тебя, изслѣдуй и

„узнай истинну. Естьли скажутъ, что „ты или предки твои завладѣли чѣмъ „нибудь чужимъ, возврати немедлѣнно.

„Смотри, всѣ ли твои подданные въ „городахъ, въ селеніяхъ и прочихъ мѣ„стахъ, живутъ въ мирѣ и правотѣ, подъ „твоимъ правленіемъ. Блюди свободу и „вольность, сохраненныя для тебя пред„ками.

„Берегись воевать противъ Христі„янъ, безъ всеобщаго совѣта и неиспы„тавши, нельзя ли избѣжать войны. Ста„райся прекращать, какъ можно скорѣе, „всякое междуусобіе и раздоръ въ тво„ихъ подданныхъ.

„Наблюдай прилѣжнѣе за правителя„ми твоихъ областей, за судьями и всѣ„ми чиновниками; развѣдывай, какъ от„правляютъ они свои должности, и есть„ли окажутся виновными, не оставляй „безъ наказанія.

„Прошу тебя, любезный сынъ, по „кончинѣ моей, поминать меня и мою „бѣдную душу; для отпущенія грѣховъ „моихъ, отправляй литургіи, твори мо„литвы, молѣнія, милостыню и благо„стыню во всемъ твоемъ царствѣ и „сдѣлай меня участникомъ всѣхъ твоихъ „благодѣяній.

„Даю тебѣ всякое благословеніе, ка-
„кое можетъ дать отецъ сыну, и прошу
„Пресвятую Троицу, Отца, Сына и Свя-
„таго Духа, да соблюдетъ тебя и сохра-
„нитъ отъ всякихъ золъ, доколѣ возмо-
„жемъ, послѣ сей смертной жизни, пред-
„стать вмѣстѣ предъ Богомъ и воздать
„ему благодареніе и хвалы безконечныя.“

Болѣзнь Людовика усилилась, и онъ просилъ особорованія масломъ. При совершеніи сего обряда, на молитвы умирающихъ отвѣтствовалъ онъ такимъ же твердымъ голосомъ, какимъ отдавалъ повелѣнія на полѣ сраженія. Для принятія святыхъ таинъ, сталъ онъ на колѣни у своей постели, и при послѣднемъ причащеніи надобно было держать подъ руки сего новаго Іеронима. Съ сей минуты отложилъ онъ земныя помышленія и прекратилъ попеченія о своемъ народѣ. — Какой монархъ лучше его исполнилъ свои обязанности? — Тогда любовь его распространилась на весь вообще родъ человѣческій; онъ молился за невѣрныхъ, исполнившихъ жизнь его славою и вмѣстѣ бѣдствіями; призывалъ святыхъ покровителей Франціи, столь любезной его сердцу. Наконецъ (Августа 25), чувствуя

приближеніе кончины, приказалъ онъ усыпать одръ свой пепломъ и возлегъ на немъ, сложивъ руки крестообразно на персяхъ и устрѣмивъ взоры на небо.

Какое зрѣлище! Въ сіе самое время флотъ Сицилійскаго Короля показывался въ горизонтѣ; между тѣмъ поле и холмы покрыты были войсками Мавровъ. Посреди развалинъ Карфагена станъ христіянъ представлялъ видъ самой ужасной скорби; тамъ не слышно было никакого шуму; едва движущіеся солдаты выходили изъ больницъ и тащились между развалинами къ умирающему Королю. Людовика окружали плачущіе родственники, сѣтующіе Государи и супруги ихъ. Здѣсь находились и посланные отъ Константинопольскаго Императора; они могли бы возвѣстить Турціи о чудесной кончинѣ, достойной удивленія и самаго Сократа. Съ печальнаго одра, на которомъ лежалъ Людовикъ, виденъ былъ берегъ Утики; всякъ могъ сравнить смерть стоическаго Философа съ смертію Христіанскаго. Будучи щастливѣе Катона, Людовикъ не имѣлъ нужды читать разсужденіе о безсмертіи души, чтобы увѣриться въ существованіи бу-

дущей жизни; онъ находилъ неоспоримыя доказательства сей истинны въ своей религіи, въ своихъ добродѣтеляхъ и нещастіяхъ. Около 3хъ часовъ по полудни, испустя глубокій вздохъ, онъ явственно произнесъ сіи слова: „Вниду въ домъ твой „Господи и поклонюся ко храму свято-„му твоему“, и духъ его отлетѣлъ въ селенія праведныхъ.

Въ сіе время раздался звукъ трубъ Сицилійскихъ крестоносцевъ; ихъ флотъ пристаетъ къ берегу въ веселіи съ безполезною помощію. Но сигналамъ ихъ не отвѣтствуютъ. Карлъ Анжуйскій удивляется и ожидаетъ какого нибудь нещастія. Онъ выходитъ на берегъ, видитъ стражу съ обращенными внизъ копьями и познаетъ скорбь, не столько по сему печальному военному знаку, сколько по лицамъ, на коихъ напечатлѣно было сокрушеніе; бѣжитъ въ ставку Короля, своего брата, и находитъ его мертваго на пеплѣ.

Такимъ образомъ спокойная, добродѣтельная и трогательная смерть Людовика въ Карфагенѣ, кажется, была мирною жертвою, принесенною въ очищеніе тѣхъ пороковъ, страстей и неистовствъ, коихъ столь долгое время

былъ зрѣлищемъ сей нещастный городъ. Крестоносцы возвратились, и Людовикъ причтенъ къ числу святыхъ.

X.

Придворные.

(Изъ соч. Виже.)

Ежели справедливо, что человѣкъ родится съ такими склонностями и характеромъ, которыхъ въ послѣдствіи времени ни воспитаніе, ни примѣры, ни опытность, ни разсудокъ исправить и перемѣнить не могутъ: то какъ не пожалѣть о состояніи придворныхъ! Ихъ надежда и страхъ, печаль и радость, щастіе и нещастіе—но что я говорю?—самая жизнь часто зависятъ отъ маловажныхъ причинъ. Какая участь!

Желать всегда болѣе, нежели сколько можно получить; владѣть, и безпрестанно страшиться потерять то, чѣмъ владѣешь; возбуждать зависть въ тѣхъ, которымъ самъ завидуешь; льстить ихъ корысти; пресмыкаться для возвышенія—вотъ жизнь придворнаго.

Одинъ знатный человѣкъ, наслѣдникъ славнаго имени, разсказывалъ мнѣ, что послѣ представленія своего Людовику XV, онъ привезенъ былъ своимъ дядею къ Маршалу Ришелье, который принявъ его очень ласково, сказалъ: „вы будете жить

при дворѣ; но вы еще хорошо не знаете тамошнихъ обыкновеній; вотъ три правила, которыя должно наблюдать вамъ: садитесь тогда, когда можете, потому что вамъ надобно будетъ стоять болѣе, чѣмъ вы хотите; говорите обо всѣхъ хорошо, и просите всякаго мѣста, которое сдѣлается праздным.“ Этотъ урокъ не требуетъ поясненія.

Какъ бы ни велика была наружная дружба двухъ придворныхъ, не вѣрьте ей. Чѣмъ болѣе они будутъ въ милости, тѣмъ болѣе будутъ бояться и ненавидѣть другъ друга.

Просите у придворнаго покровительства, и будьте увѣрены, что онъ обѣщаетъ сдѣлать для васъ болѣе, нежели сколько вы требуете; это происходитъ не отъ того, чтобъ онъ въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ одолжить васъ; но изъ благодарности за то, что вы почитаете его сильнымъ.

Придворный охотно услуживаетъ тѣмъ, которые держатъ его сторону; испрашиваетъ для нихъ важныя мѣста и почести. Но онъ дѣлаетъ это не изъ привязанности къ нимъ, а изъ гордости: все, что окружаетъ его; все, что отъ

него зависитъ, должно возвышаться по мѣрѣ собственнаго его возвышенія.

Придворный иногда совершенный егоистъ! какое ему дѣло, что война опустошаетъ его отечество; что голодъ угражаетъ оному; что народъ страждетъ; что законы лишились власти своей; что искусства и торговля упадаютъ? онъ въ силѣ — и все хорошо; онъ щасливъ—и никто не имѣетъ права жаловаться. Посмотрите же на придворнаго, когда онъ пришелъ въ немилость; о! тогда онъ первый Патріотъ! Тогда въ какомъ бы хорошемъ состояніи ни было его отечество, какимъ бы щастіемъ ни наслаждались его сограждане — онъ будетъ кричать: все въ безпорядкѣ, все погибло; честный человѣкъ не можетъ болѣе заниматься государственными дѣлами.

Придворные, обязанные хранить совершенное молчаніе предъ Государемъ, естьли онъ самъ не удостоитъ ихъ своимъ разговоромъ—вымѣщаютъ это принужденіе на равныхъ себѣ, а особливо на низшихъ. Увидя въ обществѣ человѣка, который обернувшись спиною къ камину, поднявъ голову, съ смѣлымъ взоромъ, говоритъ съ величайшею увѣ-

ренностію; обо всемъ судитъ, все рѣшитъ, не даетъ никому говорить; не слушаетъ ничьихъ возраженій; разсказываетъ безъ всякаго стыда новость имъ самимъ выдуманную; смѣется во все горло безъ причины; стучитъ ногою, чтобъ возбудить вниманіе; повторяетъ безпрестанно то, что сказалъ; мучитъ всѣхъ несноснымъ своимъ болтаньемъ: — увидя такого человѣка, я спрашиваю, кто онъ, и узнаю, что это придворный.

Рѣдко случается, чтобы придворный, подлый при дворѣ, не былъ у себя въ домѣ надменъ и гордъ. Это очень естественно: онъ думаетъ отомстить за себя.

Придворные ни о чемъ болѣе не говорятъ, какъ о дворѣ. Это замѣчаніе простирается на всѣхъ ихъ, начиная отъ того, который занимаетъ самое важное мѣсто, до того, кто совершенно ничего не значитъ. Однажды я обѣдалъ у одной женщины вмѣстѣ съ Д**, камердинеромъ Маріи Антуанетты Австрійской. У хозяина былъ сынъ лѣтъ шести; онъ смотрѣлъ съ величайшимъ вниманіемъ на Д**, который никому не давалъ говорить, и

безпрестанно повторялъ: я видѣлъ *королеву*... я говорилъ съ *королевой*... *королева* мнѣ сказала... я сказалъ *королевѣ*... Ребенокъ, удивляясь часъ отъ часу болѣе, подошелъ наконецъ къ матери и спросилъ у ней довольно громко: „*развѣ это самъ Король?*“

Жалуются, что въ придворныхъ нѣтъ откровенности и чистосердечія; но можно ли требовать сихъ качествъ отъ такихъ людей, которые часто по должности говорятъ ложъ и притворствуютъ. Имѣетъ ли Государь какое нибудь любимое слово; привыкъ ли онъ къ какому нибудь особенному тѣлодвиженію: придворные всегда ему подражаютъ. Сія страсть къ подражанію еще далѣе простираетсл. Въ послѣдніе годы царствованія Людовика XIV придворные были набожны, а при Регентѣ тѣ же самые люди сдѣлались развратными.

Я видѣлъ, что одинъ придворный, который цѣлый мѣсяцъ печалился, безпокоился и хворалъ, вдругъ сталъ веселъ и здоровъ единственно отъ того, что Людовикъ XVI, ужиная съ нимъ по возвращеніи съ охоты, велѣлъ налить ему вина изъ своей бутылки.

Всякой придворный тщеславенъ и честолюбивъ. Не странно ли покажется, что онъ, по этому тщеславію и честолюбію, опредѣляетъ себя на состояніе, въ которомъ долженъ ползать и раболѣпствовать. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ Государь посреди придворныхъ? Господинъ окруженный слугами: разность только въ одной ливреѣ.

Р.

Синонимы.

1.

Подавать помощь, помогать, вспомоществовать.

Подаютъ помощь тому, кто находится въ опасности; *помогаютъ* тому, у кого недостаетъ силъ; *вспомоществуютъ* тому, кто терпитъ нужду.

Давъ помощь кому нибудь, я извлекаю его изъ великаго бѣдствія; *помогая* другому, раздѣляю съ нимъ его труды; *вспомоществуя* кому, дѣлаю ему благодѣяніе.

Посему нельзя сказать: онъ *помогъ* или *вспомоществовалъ* утопающему; но должно говорить: онъ *подалъ помощь*; нельзя сказать: онъ *подалъ помощь* или *вспомоществовалъ* нести тяжесть, онъ *подаетъ помощь* или *помогаетъ* нищимъ, вмѣсто: онъ *помогъ* нести тяжесть, онъ *вспомоществуетъ* нищимъ.

Подавать помощь гибнущему, *помогать* слабому, *вспомоществовать* бѣдному, говаривалъ мнѣ отецъ мой, суть три первѣйшія обязанности всякаго человѣка. Священныя слова! вы никогда не выйдете изъ моей памяти.

2.

Тщетно, напрасно, вотще.

Сіи слова въ общемъ ихъ знаменованіи показываютъ недѣйствительность, безуспѣшность, безполезность какого нибудь дѣянія или труда, съ тѣмъ только различіемъ, что *тщетно* противополагается *совершенію* дѣянія, *напрасно* опровергаетъ *успѣхъ* онаго, *вотще* не обѣщаетъ ожидаемой *пользы*.

Выражусь яснѣе. Предпринимая *тщетно* какое нибудь дѣяніе, мы не можемъ совершить онаго; предпринимая *напрасно*, мы хотя и можемъ совершить, но не получимъ отъ того ожидаемаго успѣха; предпринимая *вотще*, хотя и совершимъ оное, хотя и получимъ успѣхъ, но исполненіе не принесетъ никакой пользы. Въ первомъ случаѣ недостаточны бываютъ наши *силы*, во второмъ самый *трудъ*, въ третьемъ *предметъ* нами обрабатываемый. Въ первомъ случаѣ обманываютъ насъ *усилія* наши, во второмъ *ожиданія*, въ третьемъ *намѣренія*.

И такъ *тщетно* относится всегда къ *исполненію* дѣянія, *напрасно* къ *самому* дѣянію; *вотще* къ *пользѣ* онаго.

Примѣры лучше покажутъ различіе между сими словами.

Люди въ трехъ случаяхъ неуспѣваютъ въ своихъ намѣреніяхъ; они или берутся за то, что не въ состояніи сдѣлать, и потому *тщетно* стараются успѣть въ томъ; или исполняютъ предпринятое, но не такимъ образомъ, какъ должно, слѣдовательно *напрасно* такъ дѣлаютъ; или принимаются за такой предметъ, который ни къ чему не служитъ, и чрезъ то трудятся *вотще*.

Вы *тщетно* говорите мнѣ, когда я васъ не слышу; *напрасно* говорите, когда я не слушаю; *вотще* говорите, когда я васъ не слушаюсь.

Тщетно предпринимать, *напрасно* трудиться, *вотще* дѣйствовать, сказалъ Китайской мудрецъ Сан-фа-юн-дзи, составляетъ три четверти нашей жизни.

Три рода людей видимъ мы у источника Фортуны. Одни *тщетно* стараются черпать изъ него; Фортуна убѣгаетъ отъ рукъ ихъ, какъ вода отъ устъ Тантала. Другіе черпаютъ полнымъ сосудомъ, но *напрасно*: сосудъ ихъ есть сосудъ Данаидъ. Третьи наконецъ успѣ-

ваютъ во своемъ намѣреніи, но все *вотще*: подобно Мидасу, они всегда томятся жаждою.

К.

БАСНИ.

1.

Волкъ и Журавль.

Былъ жадной волкъ, и ѣсть всегда онъ торопился,
Да разъ и подавился;
Кость стала въ горлѣ у него.
Прожора захрипѣлъ, стѣснилось въ немъ дыханье;
Ну словомъ—смерть пришла его,
И онъ хотѣлъ въ грѣхахъ принесть ужъ покаянье.
По щастію журавль тутъ мимо проходилъ.
Страдалецъ передъ нимъ пасть жалобно разинулъ,
Журавль свой носъ въ нее проворно опустилъ,
И кость удачно вынулъ.
Волкъ вспрыгнулъ съ радости, избавясь отъ бѣды.—
Ну! чтожъ мнѣ за труды?
Спросилъ носастой врачъ.—„Ахъ ты неблагодарной!“
Волкъ съ сердцемъ отвѣчалъ; „да какъ просить ты смѣлъ?
Смотри, какой нахальной!
Благодари за то, что носъ остался цѣлъ.“

А. Измайловъ.

2.

Обманъ за обманъ.

Одинъ купецъ на сохраненье
Желѣза триста пудъ сосѣду далъ въ анбаръ,
А самъ на ярмонку повезъ другой товаръ.
Лукавой ввелъ сосѣда въ искушенье;
Онъ вздумалъ утаить желѣзо у себя. —
„Что, братецъ, жаль тебя,“
Сказалъ хозяину, когда тотъ возвратился;
„Не знаешь, грѣхъ какой случился:
Анбаръ мой былъ немножко худъ...
Прикащики не досмотрѣли...
Твое желѣзо мыши съѣли.“—
Какъ все таки?—„Да, триста пудъ.
Ну! что же дѣлать мнѣ съ мышами?“—
Купецъ пожалъ плечами
И въ сердцѣ всю досаду скрылъ. —
У плута сынъ малютка былъ.
Купецъ въ свой домъ его тихонько заманилъ
И заперъ въ комнатѣ; потомъ къ себѣ сосѣда
Откушать хлѣба, соли звалъ.—
„Охъ, братецъ, мнѣ не до обѣда!
Ни пью, ни ѣмъ теперь; Ванюша мой пропалъ.“—
Неужто?—„Точно такъ.“—Давно ли?—„Дни ужъ два.“ —
Сосѣдъ! я видѣлъ самъ, третьяго дни Сова
Ребенка унесла, и право думать должно,
Что это Ваня твой...—„Помилуй, какъ возможно!

Таскаетъ ли Сова ребятъ?“—
А мыши у тебя желѣзо шакъ ѣдятъ?—
Смѣкнулъ воръ дѣломъ, догадался,
Покражу тотчасъ возвратилъ
И сына на обмѣнъ желѣза получилъ,—
Да лгать ужъ на мышей боялся.

А. Измайловъ

3.

Сычи.

Сіяніе златаго Феба
Не можетъ нравиться Сычамъ.
Когда по тонкимъ облакамъ,
Средь свѣтлоголубаго неба,
Онъ, гордо шествуя, даритъ отраду намъ,
Враги его въ дуплахъ скрываются, стонаютъ
И Феба проклинаютъ. —
Межь солнца и земли луна
Однажды проходила
И въ полдень темнотой вселенную покрыла;
Лунѣ такая власть дана,
И мы, знакомые съ небеснымъ симъ явленьемъ,
Зовемъ его затмѣньемъ.
„И такъ, затмился солнца свѣтъ!“
Въ восторгѣ Сычь кричитъ: „друзья! злодѣя нѣтъ;
Свѣтильникъ пагубный не существуетъ болѣ.
Нѣтъ, полно жить въ неволѣ;
Глядѣть во всѣ глаза намъ велѣно судьбой;
Тьма благотворная на вѣки воцарилась;
Летите въ слѣдъ за мной!“ —
Безумцевъ стая возгордилась,
И тучею они стремятся къ небесамъ.
Но вѣчно-ль ликовать Сычамъ?
Затмѣнье кончилось, и солнце возсіяло
Въ величіи, свой путь небесный воспріяло;
Возвеселился міръ, все оживилось вновъ,
Долины, горы, рощи;

Воспѣли соловьи блаженство и любовь;
Одни любимцы темной нощи,
Прослыть орлами возмечтавъ,
Летятъ стремглавъ!

*

Какъ солнца свѣтлаго лучи,
Сіяютъ даръ, ученье;
Невѣжество — умовъ зашмѣнье;
Невѣжды Авторы — Сычи. —

Пушкинъ.

Надежда.

Молюсь споспѣшницѣ надеждѣ:
Присутствуй при трудахъ моихъ!
Не дай мнѣ утомиться прежде,
Пока я не окончу ихъ!

Такъ! вѣрю я, что оправдится
Твой утѣшительный глаголъ:
Терпѣнье лишь — трудъ наградится;
Безвѣственный осташокъ голъ
Дастъ нѣкогда плоды и листьемъ осѣнится.

А. В.

Эпиграмы.

1.

Вздурился толстосумъ, нашъ от-
купщикъ богатый;
Хлѣвъ надобенъ ему, а строитъ
онъ палаты.

2.

Клитъ былъ плохой поэтъ,
Теперь сталъ критикъ рѣдкой.—
Тутъ впрочемъ дива нѣтъ:
Изъ сквернаго вина выходитъ уксусъ ѣдкой.

И.

II. НАУКИ и ХУДОЖЕСТВА.

Историческое изслѣдованіе о войнѣ В. К. Святослава I съ Греками.

О достопамятной войнѣ, которую В. К. Святославъ велъ въ Болгаріи и Θракіи съ Греческимъ Императоромъ Іоанномъ Кимисхіемъ, лѣтописи наши повѣствуютъ не согласно съ Византійскими писателями.

Несторъ (по сп. Кенигсб. печ.) пишетъ: „Въ лѣто 6475 (967) иде Свято„славъ на Дунай на Болгары, и бившимся „обоимъ, одолѣ Святославъ Болгары, и „взя городовъ по Дунаю осмьдесятъ, и „сѣде княжа ту въ Переяславцѣ, емля „дань на Грецѣхъ. Въ лѣто 6476 (968) „пріидоша Печенѣзи на Рускую землю „перьвое, а Святославъ бяше въ Перея„славцѣ. (стр. 57.) И то слышавъ Свято„славъ, въ борзѣ всѣдъ на кони со дружи„ною своею пріиде къ Кіеву.... Въ лѣто „6477 (969) рече Святославъ матери сво„ей и бояромъ своимъ: не любо ми есть „въ Кіевѣ быши, хощу жити въ Перея-

„славцѣ на Дунаи, яко то есть среда „земли моея, яко шу вся благая сходящ„ся: отъ Грекъ паволоки и злато, и вина, „и овощи разноличныи; изъ Чехъ и изо „Угръ сребро и кони и пр. (стр. 59). Въ „лѣто 6479 (971) пріиде Святославъ къ „Переяславцу, и затворишась Болгаре „въ градѣ, и излезоша на сѣчю пропиву „Святославу, и бысть сѣча велика... къ „вечеру одолѣ Святославъ, и взя градъ „копьемъ. И по семь посла ко Грекомъ, „глаголя: Хощу на вы ити, и взяти градъ „вашъ, яко сей. И рекоша Греци: мы не „дюжи пропиву васъ стати, но возми „дань на насъ, и на дружину свою, и по„вѣждьше ны, колько васъ, да дамы по „числу на главы. Се же рѣша Греци, льстя„ще подъ Русью; суть бо Греци льстивы „и до сего дни. И рече Святославъ: есть „насъ двапцать тысячъ. прирече десять „тысячь; бѣ бо Руси десять тысячъ „только. И пристроиша Греци сто ты„сячь на Святослава, и не даша дани. И „пойде Святославъ на Греки, и изыдоша „пропиву Руси. Видѣвши же Русь, убоя„шась зѣло множества вой, и рече Свя„тославъ: уже намъ нѣкамо ся дѣти; во„лею и неволею стати пропиву, да не

„посрамимъ земли Рускія, но ляжемъ „костьми ту; мертвыи бо срама не „имутъ. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамы; „и не имамы убѣжати, но станемъ крѣп„ко, азъ же предъ вами поиду. Аще глава „моя ляжетъ, то вы промыслите о собѣ. „И рѣша вои: идѣже глава твоя, ту и „свои главы сложимъ. И исполчишась „Русь, и бысть сѣча велика, и одолѣ Свя„тославъ, и побѣгоша Греци. И пойде „Святославъ ко Царюграду, воюя, и гра„ды разбивая, яже стоятъ и до днешня„го дни пусты. И созва Царь бояры „своя... и посла къ нему злато и пано„локи, и мужа мудра, глядати взора его, „и лица его, и смысла его... и пріидоша „и поклонишася ему, и положиша предъ „нимъ злато и паволоки, и рече Свято„славъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ: „схраните. Они же (послы Греческіе) „поидоша ко Царю, и созва Царь бояры.... „и рече единъ: искусимъ еще; посли ему „оружіе... и посла мечь, и ино оружіе,.... „онъ же пріимъ (мечь) нача хвалити, и „любити, и цѣловаши яко самаго Царя... „И рѣша бояре (Греческіе): лютъ мужъ „сей хощетъ быть, яко имѣнья не бре„жетъ, а оружіе емлетъ; имемся по дань.

„И посла Царь, глаголя сице: не ходи къ „граду, но возми дань, еже хощеши. За „малымъ бо бѣ не дошелъ Царяграда. И „даша ему дань... Взя же и дары многи, „и взвратися въ Переяславецъ съ похва„лою великою. И видѣ мало дружины „своея, рече къ собѣ: егда како прель„стивше избьютъ дружину мою и мене. „Бѣша бо многи погибли на полку, и ре„че: пойду въ Русь, и приведу больши „дружины. И посла послы ко Цареви въ „Дерстръ, бѣ бо ту Царь, рѣка сице: „хощу имѣти миръ съ тобою твердъ и „любовь. Се же слышавъ (Царь) радъ „бысть и посла къ нему дары больши „перьвыхъ. Святославъ же прія дары и „поча думати со дружиною своею, река „сице: Аще не сотворимъ мира съ Ца„ремъ, а увѣсть Царь, яко мало насъ „есть, пришедши оступитъ въ градѣ, а „Руская земля далече, а Печенѣзи съ на„ми рашни, и кто ны поможетъ? но со„творимъ миръ съ Царемъ; се бо нынѣ „по дань ялся. И то буди довольно намъ, „аще почнетъ не управлять дани, да из„нова, изъ Руси совокупивше вои многи, „пойдемъ ко Царюграду. Люба бысть „рѣчь дружинѣ: и посла лѣпшіе мужи ко

„Цареви, и пріидоша въ Дерстръ, и по-
„вѣдаша Цареви... Царь же радъ бывъ, и
„повелѣ писати вся рѣчи Святославли
„на харатьи... и нача писати глаголы
„сице равно прежняго свѣщанія, бывша-
„го при Игорѣ велицѣмъ Князи Рустѣмъ,
„и при Свеналдѣ; писано при Θеофилѣ
„Синкелѣ ко Іоанну, нарицаемому Цемс-
„кію, Царю Грецкому, въ Дерстрѣ, и пр.
„(стр. 61–64.) Сотворивъ же миръ Свя-
„тославъ со Греки, пойде въ лодьяхъ къ
„порогомъ; и рече ему воевода отень
„Свеналдъ: пойди, Княже, на конехъ око-
„ло; стоятъ бо Печенѣзи въ порозѣхъ. И
„не послуша его, и пойде въ лодьяхъ, и
„послаша Переяславци къ Печенѣгомъ,
„глаголюще сице: идетъ Святославъ въ
„Русь, вземъ имѣніе много у Грекъ и по-
„лонъ безчисленъ, съ маломъ дружины.
„Слышавше се Печенѣзи, заступиша по-
„роги, и пріиде Святославъ къ порогомъ,
„и не бѣ лзѣ пройти порогъ, и ста зи-
„моваши въ Бѣлобережи, и не бѣ у нихъ
„брашна уже, и бѣ гладъ великъ, и яко
„по полугривнѣ конячья голова, и зимова
„Святославъ ту. Веснѣ же приспѣвши,
„въ лѣто 6480 (972) пойде Святославъ въ
„пороги; нападе нань Куря, Князь Пече-

„нѣжскій, и убиша Святослава и взяша „главу его, и во лбѣ его содѣлаша чашу, „оковавше лобъ его, и пьяху изъ него.“ (стр. 65 и 66).

Византійскіе Историки Кедринъ и Зонара (*) о сей войнѣ повѣствуютъ иначе:

„968 года, индикта 11го, въ Августѣ мѣ„сяцѣ, Святославъ, по призыву Грече„скаго Императора Никифора Фоки, „вступилъ съ войскомъ въ Болгарію, ра„зорилъ многіе города до основанія и по„лучивъ богатую добычу, возвратился. „На слѣдующій годъ (969) паки пришелъ „въ Болгарію и учинилъ въ оной еще бо„лѣе опустошенія. Іоаннъ Кимисхій всту„пя на престолъ и увидя ошибку Фоки „въ призывѣ Руссовъ, ибо они овладѣвъ „Болгаріею и взявъ въ плѣнъ Бориса и Ро„мана сыновей Болгарскаго Князя, оста„вишь уже оной не хотѣли, (въ чемъ еще „болѣе уверждалъ ихъ Патрикій Кало„киръ присланный отъ прежняго Импе„ратора, который съ помощію Свято„слава надѣялся войти на Греческій пре„столъ), рѣшился принудить ихъ къ тому

(*) Изв. Визан. Ист. III, § 23—43.

„силою и приведя изъ Азіи войско пору-
„чилъ оное верховному начальству шу-
„рина своего Варды Склира. Святославъ
„(котораго Византійцы называютъ *Свя-*
„*досвлаволкъ*) извѣстясь о томъ, собралъ
„свои войска и присовокупивъ къ онымъ
„Болгаровъ, Печенѣговъ и Венгровъ, въ
„числѣ 300 тысячъ (Кедринъ полагаетъ
„308,000) пошелъ во Ѳракію и опусто-
„шивъ оную огнемъ и мечемъ, утвердилъ
„станъ свой подъ стѣнами Аркадіополя
„(Адріянополя). Варда Склира имѣя толь-
„ко 12 тысячь войска не осмѣлился учи-
„нить явнаго нападенія на столь вели-
„кое войско и заперся въ Аркадіополѣ.
„Войско Святослава презирая укрываю-
„щагося непріятеля, осаждало городъ
„безъ всякой осторожности. Варда у-
„смотря удобный случай выслалъ изъ
„города малый отрядъ и заманя Печенѣ-
„говъ въ засаду, напалъ на нихъ нечаянно.
„Малая часть Печенѣговъ спаслась бѣг-
„ствомъ, прочіе всѣ были побиты. Варда
„узнавъ отъ плѣнныхъ, что войско Свя-
„слава стоитъ въ готовности къ бою,
„немедлѣнно пошелъ на оное и далъ сра-
„женіе, которое продолжалось нѣсколько
„времени съ равнымъ съ обѣихъ сторонъ

„щастіемъ. Наконецъ Варда низложивъ „необыкновенной величины Скифа, при„велъ тѣмъ войско Святослава въ смя„теніе и обратилъ оное въ бѣгство. „Греки преслѣдовали бѣгущихъ Руссовъ; „наступившая ночь спасла ихъ отъ ко„нечнаго истребленія. У Грековъ въ сей „день убито 25 человѣкъ, однакожъ прочіе „всѣ были ранены.

„Въ 971 г. Кимисхій принялъ самъ „начальство надъ войскомъ и въ началѣ „весны съ 5000 пѣхоты и 4000 конницы „вступилъ въ Болгарію и пошелъ прямо „къ Переяславлю. Одержавъ нѣкоторые „успѣхи надъ разными непріятельскими „отрядами и соединясь съ остальнымъ „своимъ войскомъ, осадилъ сей городъ, „взялъ оный въ два дни приступомъ и „приведя въ первобытное состояніе, „проименовалъ Іоаннополемъ. Послѣ сего „Императоръ пошелъ къ Дристрѣ или „Доростолу. Передовое войско Грековъ „изъ 300 человѣкъ состоявшее, обратило „въ бѣгство семитысячный отрядъ „войскъ Святослава. Наконецъ Импера„торъ достигъ Святослава, который „въ 12 миляхъ отъ Доростола ожидалъ „его съ 330 тысячами войска и далъ ему

„сраженіе. Въ сей день Греки и Руссы „двѣнадцать разъ другъ друга прогоняли, „наконецъ Руссы были сбиты съ поля „и отступили къ Доростолу. Импера„торъ осадилъ сей городъ. Руссы оборо„нялись храбро, дѣлали жестокія выла„ски, но всегда были отбиваемы съ боль„шимъ урономъ. При одной таковой вы„ласкѣ Руссы потеряли множество уби„тыми, а Греки только три лошади. „Осада продолжалась болѣе 65 дней съ не„утомимою дѣятельностію и Греки во „всѣхъ выласкахъ одерживали значущій „верхъ. Святославъ видя войско свое „ослабѣвшимъ отъ сихъ потерь и пре„терпѣвающимъ нужду въ съѣстныхъ „припасахъ, собралъ военный совѣтъ. „Одни предлагали ему спасаться бѣг„ствомъ, другіе просить мира; одинъ „Святославъ рѣшился еще разъ испы„тать жребій оружія и лучше славную „принять кончину, нежели поноснымъ „средствомъ снискать животъ. На другій „день выступилъ онъ со всѣмъ войскомъ „изъ Доростола и приказавъ запереть „ворота, чтобы пресѣчь всѣ способы къ „бѣгству, устремился на Грековъ. Сра„женіе было жестокое. Греки утомясь

„отъ тяжести оружія, великаго солнеч-
„наго зноя и жажды, начали было отсту-
„пать, но когда по повелѣнію Импера-
„тора подвезены были мѣхи съ водою и
„виномъ, снова ударили на Руссовъ, одна-
„кожъ побѣда осталась не рѣшительна.
„Наконецъ Императоръ видя, что не до-
„вольно пространное мѣсто для Грековъ
„неспособно, а Руссамъ выгодно, велѣлъ
„отступить. Руссы бросились преслѣ-
„довать Грековъ, но Греки заманя ихъ въ
„засаду вступили паки въ бой и хотя
„отразили Руссовъ, однакожъ побѣда о-
„сталась еще сомнительна. Императоръ
„видя, что Руссы бьются отважнѣе преж-
„няго, а Греки отъ понесенныхъ трудовъ
„изнурились, принялъ намѣреніе рѣшить
„войну поединкомъ и предложилъ оный
„Святославу. Естьли Греческому Царю
„жизнь наскучила, отвѣчалъ Святославъ,
„то много есть путей къ прекращенію
„оной, ему можно любой избрать.

„Послѣ сего Греки паки учинили на-
„паденіе на войско Святослава и поели-
„ку входъ въ Доросполь былъ Руссамъ
„уже отрѣзанъ, то они разсѣявшись по
„полю, были почти всѣ побиты. Повѣ-
„ствуютъ, что возставшая тогда буря

„дѣлала помѣху Руссамъ. Святославъ ис-
„пытавъ всѣ средства и не имѣя уже
„ни малой надежды къ успѣху своего о-
„ружія, склонился къ миру. Чего ради
„отправилъ къ Греческому Императору
„пословъ прося его принять въ число
„друзей и союзниковъ, дозволить ему
„отступить съ войскомъ въ отечество
„и Руссамъ невозбранно отправлять
„торговлю съ Греками. Императоръ на
„сіе согласился, сказавъ, что Греки обык-
„ли непріятелей своихъ побѣждать бо-
„лѣе благодѣяніями, нежели оружіемъ. По
„заключеніи мира Святославъ имѣлъ сви-
„даніе съ Кимисхіемъ и предпринялъ об-
„ратный путь въ свое отечество; а
„Греческій Императоръ послалъ заклю-
„чить миръ съ Печенѣгами и просить
„ихъ, чтобы пропустили Руссовъ чрезъ
„свою землю; но Печенѣги огорчась на
„Святослава за то что онъ заключилъ
„миръ съ Греками, его убили.

„Въ продолженіи сего повѣствованія
„Византійцы прибавляютъ, что Греки
„между убитыми руссами находили женъ,
„которые въ мужскомъ платьѣ, вмѣстѣ
„съ мужьями своими, сражались съ не-
„пріятелемъ.“

Вотъ содержаніе двухъ повѣствованій писателей ближайшихъ къ тому вѣку, въ которомъ были сіи произшествія. Кедринъ писалъ около половины XI вѣка, Несторъ въ послѣдней половинѣ того же вѣка, или вѣрнѣе въ началѣ XII вѣка, Зонара въ началѣ XII вѣка (*). Несторъ изображаетъ Святослава Героемъ, съ малымъ числомъ войска побѣждающимъ великія ополченія; Кедринъ и Зонара отдаютъ вездѣ преимущество Грекамъ, поставляя Святослава въ превосходнѣйшихъ силахъ. Разнорѣчіе сихъ писателей столь велико, оба повѣствованія столько запутаны противорѣчіями, что безъ строгаго критическаго разбора, сіе весьма важное въ нашей исторіи произшествіе дѣлается темнымъ. Прежде нежели приступимъ къ сему изслѣдованію, надобно показать, какъ новѣйшіе историки о семъ повѣствуютъ.

Татищевъ (II, 45 и слѣд.) повѣствуетъ согласно съ Несторомъ, прибавляя однакожъ, что Святославъ вступилъ въ Болгарію по призыву Императора Никифора Фоки. Въ отсутствіе Свято-

(*) Хронолог. Табл. Шлец. Нест. I, 40.

слава, продолжаетъ онъ, Болгары овладѣли было Переяславлемъ; но Святославъ, возвратясь изъ Кіева, паки взялъ Переяславль и извѣстясь, что Болгары возстали на него по наущенію Грековъ, объявилъ имъ войну. Послѣдствія сей войны описываетъ онъ согласно съ Несторомъ. Въ примѣчаніи же 143, приводя свидѣтельство Византійцевъ, что Кимисхій взялъ Переяславль и проименовалъ оный Іоаннополемъ, заключаетъ, что вѣроятно сіе учинилось уже по отбытіи Святослава изъ Болгаріи.

Ломоносовъ (II, гл. 5.) о походѣ Святослава въ Болгарію, по союзу съ Императоромъ Никифоромъ Фокою, повѣствуетъ согласно съ Византійцами; о успѣхахъ Святослава надъ Болгарами, о нашествіи Печенѣговъ и о походѣ Святослава для избавленія Кіева, согласно съ Несторомъ; послѣдствія же сей войны описываетъ согласно съ Византійцами, увелича число войскъ Святослава до 380 тысячь (стр. 177).

Елагинъ (стр. 280 и слѣд.) о походѣ Святослава въ Болгарію, по союзу съ Греками, пишетъ согласно съ Византійцами; о взятіи 80 городовъ по Дунаю со-

гласно съ Несторомъ, замѣчая притомъ, что вѣроятно города сіи были ничто иное, какъ укрѣпленныя мѣстечки; ибо въ противномъ случаѣ сомнительно, чтобы отдались они безъ сопротивленія (*). О послѣдствіяхъ сей войны повѣствуетъ онъ согласно съ Несторомъ, или лучше сказать, съ Татищевымъ. Въ продолженіи сего повѣствованія Елагинъ укоряетъ Ломоносова, что онъ слѣдовалъ болѣе Византійскимъ писателямъ, нежели Нестору, и говоритъ, что перечень мирнаго постановленія Святослава съ Греками, Несторомъ намъ переданный, служитъ опроверженіемъ сказанію Византійцевъ (стр. 306).

(*) Находя замѣчаніе сіе весьма справедливымъ, я съ своей стороны полагаю, что число городовъ есть ничто иное, какъ ошибка писца. Поелику во всѣхъ Славенскихъ рукописяхъ числа означаются буквами; то можетъ быть въ подлинникѣ поставлено было И (8) или Н (50): поелику же нынѣшнее И (иже) писалось въ древнихъ рукописяхъ такъ какъ Н (нашъ) и поелику буква И, а особливо Н съ буквою П (80) имѣютъ нѣкоторое сходство и отличаются только тѣмъ, что поперечная палочка связующая обѣ стоянія, поставлена въ срединѣ, а не на верху; то новѣйшему писцу, а особливо такому, какими переписывались наши Лѣтописи, ошибокъ исполненныя, не трудно было поставить вмѣсто И, П; отъ чего и вышло вмѣсто осьми, или пятидесяти, восемдесятъ городовъ по Дунаю, какого числа и нынѣ (когда народонаселеніе умножилось) тамъ не имѣется.

Болтинъ (въ Прим. на Лекл. I, § XVIII и въ Прим. на К. Щерб. I, § LVIII), согласуясь во всемъ съ сказаніемъ Татищева, говоритъ, будто Кедринъ самъ себѣ противорѣчитъ, сказуя, что Руссы взяли въ плѣнъ у Грековъ 20 тысячъ человѣкъ, и укоряетъ К. Щербатова, который сказалъ, что если походъ Святослава и не столь нещастливъ былъ, какъ Греки повѣствуютъ, но и не столь славенъ для него, какъ повѣствуютъ наши писатели.

З. Р. И. (1, 78 и слѣд.) повѣствуютъ о сей войнѣ согласно съ Несторомъ, прибавляя: 1е что Греки вывели противъ Святослава войскъ вдвое противъ его силы; 2е что вельможи Греческіе, удивляясь геройскимъ подвигамъ Святослава, его умѣренности и воздержанію, жалѣли, что онъ не родился царствовать въ Греціи, говоря (и при своемъ Царѣ): „мы бы ради „сами были такому Государю служить, „который возвышаетъ славу и честь „своего Государства.“

Стриттеръ (1, 48 и слѣд.) въ описаніи сей войны вообще слѣдуетъ болѣе Византійцамъ, хотя и не говоритъ точно, чтобы Святославъ былъ побѣжденъ.

Къ сему прибавляетъ (стр. 54.), что послѣ сраженія при Аркадіополѣ Угры и Печенѣги отошли въ свои земли, признаваясь однакожъ, что Византійцы о семъ не упоминаютъ, но что сіе видно изъ послѣдствія; ибо послѣ сей битвы о нихъ болѣе не упоминается.

Изъ сихъ выписокъ видно, что новѣйшіе дѣписатели, слѣдуя одному какому либо повѣствованію, болѣе или менѣе уклонились отъ истины.

Татищевъ, Елагинъ и Болтинъ вовсе отвергли повѣствованіе Византійцевъ и слѣдуютъ одному Нестору. Замѣчаніе Татищева, что Кимисхій взялъ Переяславль уже по осиавленіи Святославомъ Болгаріи, не утверждается никакимъ свидѣтельствомъ современныхъ писателей и есть ничто иное, какъ догадка. Ссылка Болтина на Кедрина не основательна; ибо Кедринъ и Зонара (*) пишутъ не о 20 тысячахъ, взятыхъ Святославомъ въ плѣнъ у Грековъ, но что Святославъ велѣлъ оковать 20 тысячь Болгаровъ, опасаясь отъ нихъ измѣны. Сіи 20 т. взяты были не у Грековъ, а у Болгаровъ. Упрекъ К. Щербатову также несправед-

(*) Изв. Виз. Ист. III, 80.

ливъ. Если Исторія, изданная К. Щербатовымъ, исполнена ошибокъ; то по крайней мѣрѣ заключеніе его о войнѣ Святослава справедливо и основательно. Что касается до ссылки Елагина на договоръ Святослава съ Греками, мы увидимъ въ послѣдствіи, противорѣчитъ ли оный повѣствованію Византійцевъ и оправдываетъ ли слова Нестора. Ломоносовъ, отвергая повѣствованіе Нестора, слѣдуетъ сказанію Византійцевъ и до того простираетъ свое къ нимъ довѣріе, что даже число войскъ Святослава умножаетъ 72 тысячами противъ сказанія Кедрина, который и самъ едва ли не въ трое число увеличилъ. Въ З. Р. И. сказано: 1е что Греки вдвое вывели войскъ. Несторъ говоритъ, что у Святослава было 10000 войска, а Греки вывели 100000. Византійцы говорятъ, что у Святослава было отъ 300 до 330 тысячъ, а у Грековъ 12000. По Нестору Грековъ было въ десять разъ болѣе, а по Византійцамъ Руссовъ слишкомъ въ 25 разъ болѣе противъ Грековъ. 2е Что вельможи Греческіе отдавали справедливость Святославу и можетъ быть удивлялись ему яко герою, это весьма естественно; но сомнитель-

но, чтобы они осмѣлились даже при своемъ Государѣ говорить, что они желали бы служить Святославу.

И такъ, взявъ въ основаніе первыя два повѣствованія, Нестора и Византійцевъ, постараемся извлечь изъ различныхъ ихъ сказаній истину, что не трудно будетъ сдѣлать, слича оба повѣствованія.

I.

Несторъ, не сказывая о причинѣ похода Святослава, говоритъ, что онъ въ 967 году побѣдилъ Болгаръ, взялъ у нихъ 80 городовъ по Дунаю и утвердилъ столицу свою въ Переяславлѣ, гдѣ бралъ дань съ Грековъ.

Византійцы сказываютъ причину его похода и причину весьма вѣроятную. Императоръ Никифоръ Фока требовалъ отъ Болгаровъ, чтобы они не перепускали чрезъ Дунай Венгровъ; когда же Болгарскій Князь, подъ разными предлогами, отклонилъ его требованіе, то онъ послалъ къ Святославу Патрикія Калокира пригласить его въ союзъ противъ Болгаровъ. Въ слѣдствіе сего Святославъ вошелъ въ 968 году въ Болгарію и разорилъ многіе города до основанія.

Примѣчаніе. Симъ сказаніемъ Византійцы не только не противорѣчатъ Несторy, но еще и поясняютъ его повѣствованіе. При семъ объясненіи даже и слова Нестора: *емля дань на Грецѣхъ*, будутъ ясны; ибо вѣроятно, что Святославъ получалъ отъ Грековъ то, что нынѣ называютъ *вспомогательными деньгами.* Разность находится только въ годахъ; Несторъ полагаетъ походъ Святослава въ 967 г., а Византійцы въ 968 г.. Но разность сія могла произойти и отъ различія начала года у Грековъ и у Руссовъ. Какое было у Славянъ и Руссовъ лѣтосчисленіе до введенія Владиміромъ великимъ Вѣры Христіянскія, не извѣстно. Послѣ сей эпохи приняли они лѣтосчисленіе Греческое, т. е. отъ созданія міра. Несторъ въ лѣтописи своей, описывая дѣянія Славенъ и Руссовъ, до просвѣщенія ихъ Св. крещеніемъ, лѣта означалъ вѣроятно соображая прежде бывшее лѣтосчисленіе съ лѣтосчисленіемъ тогда принятымъ, т. е. Греческимъ. Такое счисленіе не могло быть вездѣ вѣрно; слѣдственно, и по одной этой

причинѣ, все лѣтосчисленіе отъ Рюрика и даже до Владиміра, основанное на однѣхъ догадкахъ, не можетъ почитаться вѣрнымъ.

II.

Несторъ говоритъ, что въ 968 году Святославъ, узнавъ о нашествіи Печенѣговъ, пошелъ освобождать Кіевъ и не прежде возвратился въ Болгарію, какъ въ 971 году.

Византійцы говорятъ, что онъ въ томъ же 968 году возвратился въ Кіевъ, а въ 969 году паки пришелъ въ Болгарію.

Примѣч. Въ первомъ случаѣ Византійцы согласны съ Несторомъ, во второмъ разнствуютъ. Несторъ именно говоритъ, что Святославъ въ 969 году былъ въ Кіевѣ, и въ семъ повѣрить ему должно болѣе нежели Византійцамъ; ибо, оставя то, что онъ лучше могъ это знать, онъ сказываетъ и причину, которая удержала Святослава въ Кіевѣ, и причина сія есть истина историческая, не подверженная ни малѣйшему сомнѣнію.

III.

Несторъ говоритъ, что Святославъ объявилъ Грекамъ войну, пошелъ на нихъ съ 10000, разбилъ стотысячное ихъ войско и едва не дошелъ до Царяграда. При семъ случаѣ разсказываетъ краткую, но сильную рѣчь Святослава къ войску (*).

Византійцы говорятъ, что Кимисхій первый поднялъ оружіе, въ намѣреніи выгнать Руссовъ изъ Болгаріи, и приведя изъ Азіи войско, поручилъ оное шурину своему Вардѣ Склиру; что Святославъ, усиля войско свое Печенѣгами, Венграми и Болгарами, въ числѣ 300000 вошелъ во Θракію, опустошилъ оную огнемъ и мечемъ и утвердилъ станъ свой подъ стѣнами Адріанополя. Варда, имѣя только 12000 войска, не смѣлъ учинить явнаго нападенія на столь сильное войско; но заманя въ засаду Печенѣговъ, разбилъ ихъ, потомъ немедлѣнно пошелъ на Святослава и далъ ему сраженіе, которое продолжалось нѣсколько времени съ рав-

(*) „Уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и не волею стати „прошиву, да не посрамимъ земли Рускія, но ляжемъ „костьми ту, мертвыи бо срама не имутъ. Аще ли „побѣгнемъ, срамъ имамы, и не имамы убѣжати; но „станемъ крѣпко, азъ же предъ вами пойду.“ Кенигсб. сп. 26.

нымъ съ обѣихъ сторонъ успѣхомъ. Наконецъ Варда, низложивъ необыкновенной величины Скифа, привелъ войско Святослава въ смятеніе и одержалъ знаменитую надъ онымъ побѣду. Къ сему присовокупляютъ, что только наступившая ночь спасла непріятельское войско отъ конечнаго истребленія и что Греки потеряли въ сей день убитыми только 25 чел; однакожъ признаются, что прочіе всѣ были ранены. Рѣчь Святослава къ войску, хотя при другомъ случаѣ и съ нѣкоторою перемѣною Византійцами разказанная, въ главномъ содержаніи согласна съ Несторовою.

Примѣч. Кто первый, Святославъ или Кимисхій, объявилъ войну, обстоятельство сіе не важно; гораздо важнѣе другое разнорѣчіе писателей. Нельзя повѣрить, чтобы Святославъ имѣлъ 300000 войска; ибо мы видимъ, что и нѣсколько сотъ лѣтъ спустя, когда Россія (разумѣя всѣ удѣльныя и мѣстныя княженія совокупно) была въ большей силѣ, такого числа войскъ не имѣла; а тѣмъ болѣе нельзя повѣрить тому, что бы Святославъ имѣлъ въ войскѣ своемъ

Печенѣговъ и Болгаровъ; ибо они были ему враждебны. Печенѣги въ отсутствіе Святослава осаждали Кіевъ; а о Болгарахъ, кромѣ свидѣтельства Несторова, сами Византійцы говорятъ, что Святославъ 20 тысячъ велѣлъ заключить въ оковы, опасаясь отъ нихъ измѣны (хотя такое сказаніе и не вовсе вѣроятно). Нельзя повѣрить также и тому, чтобы Святославъ съ 10 тысячами рѣшился напасть на Греческую Имперію, тогда еще не обезсиленную, и чтобы Императоръ, начиная войну противъ толь страшнаго врага, вывелъ въ поле только 12 тысячъ, и притомъ когда сами говорятъ, что Кимисхій для усиленія своей арміи велѣлъ привести изъ Азіи войско. Ложь изобличается противорѣчіями Византійцевъ самимъ себѣ. Сначала Варда не смѣлъ показаться съ своими 12 тысячами изъ Адріанополя; но разбивъ Печенѣговъ, часть войска Святослава составлявшихъ, атаковалъ Святослава и разбилъ его войско. Положимъ, что Греки побили 50 тысячъ Печенѣговъ и что сами потеряли

только 5 человѣкъ; но все еще у Святослава, по ихъ счету, оставалось 250 тысячъ и силы Варды не могли быть равны столикому числу даже и послѣ сей чудесной побѣды. Если Варда съ 12 тысячами боялся атаковать 300000, то почему же съ меньшимъ числомъ рѣшился напасть на 250 тысячъ? Оставя чудеснаго Печенѣжскаго богатыря и чудодѣйственное его низложеніе, хвастовство Грековъ превосходитъ всякое вѣроятіе; 12 тысячъ бьются цѣлый день съ 300000, сбиваютъ ихъ съ поля, обращаютъ въ бѣгство, только ночь спасаетъ отъ конечнаго истребленія войско, въ 25 кратъ превосходившее числомъ, и сами теряютъ только 25 человѣкъ! Не смотря на все пристрастіе, Византійцы сами признаются, что Святославъ былъ уже подъ стѣнами Адріанополя; слѣдственно слова Несторовы, что онъ былъ близъ Царяграда, справедливы; а рѣчь Святослава, Несторомъ и Византійцами согласно намъ переданная, изображаетъ его Героемъ, достойнымъ украшать всѣ времена и царства.

IV.

Несторъ говоритъ объ одной только битвѣ; Византійцы распространяются далѣе о славѣ своего оружія. На слѣдующій годъ, говорятъ они, Императоръ самъ принялъ начальство надъ войскомъ и съ 9 тысячами пошелъ прямо къ Переяславлю, взялъ оный въ два дни, потомъ пошелъ къ Доростолу. Передовое его войско, въ 300 человѣкъ состоявшее, обратило въ бѣгство 7 тысячный отрядъ войска Святослава. Наконецъ Императоръ достигъ до Святослава, который въ 330 тысячахъ его ожидалъ, и далъ ему сраженіе. Греки и Руссы двенадцать разъ другъ друга прогоняли, напослѣдокъ Греки сбили ихъ съ поля и осадили Доростолъ. Осада сія продолжалась болѣе 65 дней. На всѣхъ вылазкахъ Руссы были отбиты съ большимъ урономъ, а Греки на одной потеряли только 3 лошади. Святославъ рѣшился дать послѣднее сраженіе. Греки, утомясь отъ тяжести оружія и солнечнаго зноя, начали было отступать, но подкрѣпя себя виномъ и водою, ободрились и снова учинили нападеніе; однакожъ побѣда осталась не рѣшительна. Кимисхій, видя, что тѣсная равнина для Гре-

ковъ не выгодна, а Руссамъ способна, велѣлъ войскамъ своимъ отступить, и хотя преслѣдовавшихъ Руссовъ отбилъ, однакожъ побѣда осталась сомнительна.

Примѣч. Если подлинно оружіе Варды было побѣдоносно, за чѣмъ же было Императору самому принимать начальство? Чтобы Императоръ съ 9000 пошелъ на Святослава, этому вѣрить не льзя, а особливо тому, чтобы съ толь малымъ отрядомъ могъ онъ взять крѣпость въ виду 300 тысячь непріятельскаго войска; ибо Византійцы именно говорятъ, что Святославъ укрѣпился у Переяславля. Развѣ предположить, что все сіе войско стояло поджавши руки и смотрѣло, какъ куча людей, которыхъ оно могло бы замѣтать шапками, брала престольный ихъ городъ! Побѣда 300 Грековъ надъ 7 тысячами Руссовъ и потеря трехъ лошадей, когда поле было усѣяно Руссами, не должны уже удивлять насъ послѣ всѣхъ чудесъ, которыя Византійцы разсказываютъ о дивной храбрости Грековъ. Наконецъ Руссы осмѣлились дать сраженіе;

но вся ихъ армія, въ 330 тысячахъ состоявшая, на голову побита. Однакожъ Византійцы остереглись и не сказали, съ какимъ числомъ выиграли сіе сраженіе; а говорятъ только, что къ Императору присоединились и остальныя войска подъ начальствомъ Василія бывшія; но какъ велико было число сихъ остальныхъ войскъ, о томъ молчатъ. Императоръ осадилъ Доростолъ. Святославъ въ крайности собираетъ военный совѣтъ. Всѣ совѣтуютъ ему или просить мира, или спасаться бѣгствомъ; одинъ онъ рѣшился еще разъ испытать судьбу оружія и выведя войско велѣлъ запереть ворота, чтобы пресѣчь всѣ способы къ бѣгству и принудить войска свои къ отчаянной битвѣ. Здѣсь, не смотря на все пристрастіе Византійцевъ, Святославъ является героемъ. Такое же величіе духа оказалъ Петръ Великій въ сраженіи подъ Лѣснымъ, велѣвъ стрѣлять и на самаго его, если онъ подастся съ поля сраженія. Греки уступили храбрости Руссовъ. Византійцы въ извиненіе ихъ говорятъ,

что они утомились отъ тяжести оружія и солнечнаго зноя. Положимъ, что брони Руссовъ были легче; но развѣ Руссы не подъ однимъ солнцемъ дрались съ Греками? Императоръ увидѣлъ, что недовольно пространное мѣсто для Грековъ не выгодно, а Руссамъ способно. Здѣсь Византійцы сами себя обличаютъ. Они говорятъ, что Грековъ было меньше, а Руссовъ больше; если бы это была правда, то тѣсная равнина была бы для Грековъ выгодна, а Руссамъ неспособна; ибо она мѣшала бы имъ дѣйствовать всѣми силами; но здѣсь напротивъ. Греки заманили въ засаду Руссовъ, отбили ихъ; однакожъ побѣда осталась сомнительна. Не ясно ли, что въ сей день Греки были разбиты? Послѣдующее сказаніе еще болѣе въ томъ удостовѣряетъ. Императоръ послѣ сраженія предложилъ Святославу поединокъ. Сіе предложеніе не могло быть иначе, какъ дѣйствіемъ отчаянія. Слѣдственно Кимисхій не былъ побѣдителемъ въ сей день. Если отвѣтъ Святослава не есть списокъ съ отъ-

вѣша Марія (*), то онъ доказываетъ, что Святославъ, побѣдитель Кимиссхія, имѣлъ превосходство надъ нимъ и въ душевныхъ качествахъ.

*

Послѣ сего, продолжаютъ Византійцы, Греки опять напали на войско Святослава, и поелику входъ въ Доростолъ былъ имъ уже отрѣзанъ, то Руссы, разсѣявшись по полю, были почти всѣ побиты; признаются также, что возсташая тогда буря много помѣшала Руссамъ.

Изъ сего видно, сколько описаніе сей войны запутано противорѣчіями писателей другъ другу и самимъ себѣ. Послѣдствія сей войны могутъ дать намъ объясненіе и открыть истину.

V.

Несторъ говоритъ, что Императоръ, видя пораженіе войскъ своихъ, прислалъ къ Святославу дары. Повѣствуемое имъ искушеніе Святослава мечемъ есть спи-

(*) Марій, вызванный на поединокъ непріятельскимъ Генераломъ, имъ разбитымъ, отвѣчалъ хладнокровно: „Если онъ хочетъ умереть, то можетъ удавиться.“ El. d'Hist. gén. par Millot, III, 75.

сокъ съ искушенія Ахилла (*). Святославъ, по Нестору, взявъ дары, возвратился въ Переяславль, и увидя, что войско его умалилось, послалъ къ Императору просить мира, который и заключенъ въ Дерстрѣ, гдѣ тогда былъ Императоръ.

Византійцы говорятъ, что Святославъ, испытавъ всѣ средства, просилъ наконецъ мира, съ тѣмъ, чтобы дозволить ему отступить съ войскомъ въ Русь и пр.

Примѣч. Сперва Византійцы сами говорили, что все войско Святослава было разсѣяно и побито; а тутъ говорятъ, что онъ просилъ дозволенія отступить съ войскомъ. Святославъ не былъ окруженъ, слѣдственно могъ отступить и безъ дозволенія Императора Греческаго. Съ другой же стороны, еслибы подлинно Святославъ былъ побѣдителемъ, то приличнѣе бы было Императору про-

(*) По пророчеству Оракула Троя безъ Ахилла не могла быть взята; но Ахиллъ при осадѣ долженъ былъ лишиться жизни. Сіе побудило мать его Ѳетиду, одѣвъ его въ женское платье, скрыть между женъ при дворѣ Ликомеда. Улиссъ, Царь Итаки, посолъ Греческій, для познанія Ахилла, принесъ между прочими дарами шлемъ и копье, полагая, что Ахиллъ,

сить мира, т. е. побѣжденному у побѣдителя, нежели побѣдителю у побѣжденнаго, какъ то Несторъ и Византійцы согласно повѣствуютъ. Если же бы Кимисхій былъ побѣдителемъ, то нельзя думать, чтобы онъ простеръ шагъ далеко великодушіе къ народу, который Греки признавали варварами, и сказаніе, что Греки обыкли побѣждать болѣе благодѣяніями, нежели оружіемъ, вѣсьма не у мѣста, хотя и составляетъ красивую фразу.

VI.

Мирное постановленіе, на которое Елагинъ ссылается, болѣе откроетъ намъ истину. Вотъ самыя слова сего мирнаго докончанія:

„Азъ Святославъ, Князь Рускій, яко„же кляхся и утверждаю на свѣщаніи „семъ роту свою, хочу имѣти миръ и „свершенную любовь со всякимъ вели„кимъ Царемъ Грецкимъ, и съ Васильемъ „и Конспянтиномъ, и съ богодухновен„ными Цари, и со всѣми людьми вашими,

рожденный Героемъ, презритъ женскія украшенія и предпочтетъ онымъ оружіе. Хитрость Улисса удалась и Ахиллъ отправился къ Троѣ.

„иже суть подо мною Русь, бояре, и про-
„чіи, до конца вѣка, яко николиже по-
„мышлю на страну вашу, ни собираю
„вои на вы, и ни языка иного приведу
„на страну вашу; елико есть подъ вла-
„стью Грецкою, ни на власть Корсунь-
„скую, и елико есть городовъ ихъ, ни
„на страну Болгарскую; аще инъ кто
„помыслитъ на страну вашу, да и азъ
„буду противу ему, и борюсь съ нимъ,
„якоже кляхся ко Царемъ Грецкимъ, и со
„мною бояре и Русь вся да сохранимъ
„правая совѣщанія. Аще ли отъ тѣхъ
„самѣхъ преже реченныхъ не сохранимъ,
„азъ же и иже со мною и подо мною,
„да имемъ кляпву отъ Бога, и въ него
„же вѣруемъ въ Перуна, и въ Волоса,
„скотья Бога, да будемъ золоти, яко зо-
„лото, и своимъ оружіемъ да иссѣчени
„будемъ. Се же имѣйте въ истину, якоже
„сотворихомъ нынѣ къ вамъ и написа-
„хомъ на харатьи сей, и своими печать-
„ми запечатахомъ.“ Кенигсб. сп. 64 и 65.

Примѣч. Слѣдственно Святославъ отрекся отъ всѣхъ завоеваній своихъ и отъ Болгаріи и отъ любимаго своего Переяславля, который онъ называлъ *средою своей земли*. И при

томъ какая разность межлу мирными постановленіями Олега и Игоря и симъ! Нѣтъ тутъ и слова о дани на грады Рускіе. Мирное постановленіе сіе походитъ болѣе на клятвенное обѣщаніе быть вѣрнымъ Императору, никогда не воевать подвластныхъ ему земель, нежели на миръ побѣдителемъ предписанный.

Общее Заключеніе.

По безпристрастномъ разсмотрѣніи обоихъ повѣствованій открывается, что *Святославъ* (съ какимъ бы числомъ войска онъ ни былъ) *въ началѣ войны былъ щастливъ противъ Грековъ*; доказывается сіе согласнымъ повѣствованіемъ Нестора и Византійцевъ, что онъ былъ близъ Царяграда: *но въ послѣдствіи щастіе оружія ему измѣнило*; доказывается сіе свидѣтельствомъ Византійцевъ, а еще болѣе противорѣчіемъ Нестора самому себѣ, спискомъ съ мирнаго постановленія и лишеніемъ завоеванныхъ провинцій. Къ сему можно бы было присовокупить и свидѣтельство Іоакима (*), если бы

(*) „И по смерти Олги Святославъ пребываше въ „Переяславцѣ на Дунаѣ воюя на Козари, Болгари и

строгая критика дозволяла на оное сослаться.

Святославъ былъ Герой. Образъ жизни его, описанный Несторомъ (*); рѣчи его, переданныя намъ симъ же писателемъ; величіе духа, о которомъ и Византійцы не умалчиваютъ, дѣлаютъ его предметомъ нашего удивленія; но и Герои могутъ быть несчастливы!....

„Греки... не единою побѣждая, послѣди за Дунаемъ „у сѣнѣны долгіе (1) все войско погуби.... Онъ бо „вся воя отпусти полемъ ко Кіеву, а самъ не со „многими иде въ Лодіахъ и на Днепрѣ, близь Пороторча „(пороговъ) оступиша Печенѣзи, со всѣми бывшими „при немъ избиша.“ Там. I, 36, 37.

(1). Татищевъ (I, 36.) не зналъ, какая это сѣна. — Долгая сѣна была на день ѣзды отъ Царяграда. Изв. Виз. Ист. I, 21.

(*) „Легко ходя, аки пардусъ, войны многи творяше. „Ходя возъ по собѣ не возяше, ни котла, ни мясъ „варя, но тонюнку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, „или говядину на углехъ испекъ ядяше, ни шатра „имѣяше, но подкладъ постилаше, и седло въ голо„вахъ, такожъ и прочіи вои его бяху вси. И посы„лаше ко странамъ, глаголя: Хощю на вы ити.“ Кенигсб. сп. 56.

Н. Бруcиловъ.

Объ Элегіи.

(Изъ Словаря Древней и Новой Поэзіи, собраннаго по препорученію Общества Членомъ онаго Н. Остолоповымъ).

I. О произхожденіи Элегіи.

Граммашики, обыкновенно не столько щастливые, сколько плодовитые въ этимологическихъ изысканіяхъ, предлагаютъ разныя произхожденія слова *Элегія*. Діомедъ производитъ оное отъ ἐυλογεῖν, *хвалить* (1), и основываетъ мнѣніе свое на первомъ употребленіи сей поэмы, состоявшемъ, какъ онъ полагаетъ, въ похвалѣ умершихъ. Иные производятъ слово *Элегія* отъ глагола ἐλεγέιρειν, *быть въ безумліи, въ изступленіи* (2); другіе отъ ἐλεεῖν, *сострадать, сожалѣть*; отъ ἔλεον λέγειν, *жалобу говорить, жаловаться*, или *жалобами возбуждать сожалѣніе*; отъ слова ἐλελεῦ (3), служившаго припѣвомъ нѣжныхъ и жалобныхъ пѣсенъ любовниковъ; а иные, упоминаемые Скалигеромъ (4), производятъ сіе слово отъ ἐλεὸς (*ulula*) *сова*, по причинѣ печальнаго крика сей птицы.

(1) Gram. l. 3. — (2) Marian Victorin. Gram. l. 3.
(3) Gyrald. de Poët. 1. — (4) Poëtic. l. 1. —

Но лучше, кажется, вмѣстѣ съ Восиемъ (5), принять мнѣніе Дидима, который производишъ сіе слово отъ ἔ ἔ λέγειν, *говорить увы*, и думаетъ, что Елегію назвали такъ по употребленію въ ней сихъ жалобныхъ восклицаній. Овидій также полагалъ сіе произхожденіе; онъ всегда придавалъ Елегіи епитетъ *жалобная, печальная*, что видно изъ его восклицанія при оплакиваніи смерти Тибулла: „Ахъ! печальная Елегія, говоритъ онъ, никогда не принадлежало тебѣ съ такою справедливостію твое имя: Ah! nimis ex vero nunc tibi nomen erit.“

Теренціанъ Мавръ и Боецій имѣли такое же мнѣніе, какъ Овидій (6), и описывали Елегію съ нимъ согласно.

И такъ Елегія, слѣдуя истинному словопроизведенію, есть Поэма посвященная слезамъ и жалобамъ.

Тотъ же приведенный выше Дидимъ называетъ Елегію *печальною пѣснію, которую поютъ съ флейтою*, Ἐλεγος ἀδομένος πρὸς αὐλον. Плутархъ удостовѣряетъ, что дѣйствительно такое было употребленіе первыхъ Елегій, и что сіе означено въ денныхъ запискахъ Пифиче-

(5) Simplic. in Epictet. (6) Ars metric. Consol. philos.

скихъ игръ (7). Сіе обстоятельство заставляетъ думать, что Елегія въ началѣ своемъ была неиное что, какъ причитаніе при похоронахъ, столь обыкновенное во всѣхъ временахъ и у всѣхъ народовъ. Римляне, по древнему закону, преданному намъ Цицерономъ (8), такоеже дѣлали употребленіе изъ флейты, что подтверждаетъ и бывшая у нихъ пословица: *jam licet ad tibicines mittas*, *посылай за флейщиками*, для означенія, что въ больномъ нѣтъ надѣжды къ выздоровленію. Проклъ также ясно говоритъ (9), что въ началѣ своемъ Елегія была употребляема только при похоронахъ. Можно однакожъ догадываться, что сіи похоронныя причитанія не имѣли ни связи, ни порядка, ни той формы Елегіи, какую видимъ въ Мимнермѣ и въ его послѣдователяхъ.

Ктоже первый далъ ей извѣстную форму? Дабы разрѣшить сіе, надлежитъ вѣрно знать и творца Елегіяческаго стиха и тотъ вѣкъ, въ которомъ онъ жилъ; но сіе не извѣстно, и самые грамматики въ ономъ не были согласны, такъ что распри ихъ о семъ продолжались до временъ Горація:

(7) Opusc. mus. (8) Cic. de leg. l. 2. (9) In Phot.

Quis tamen exiguos elegos emiserat autor,
Grammatici certant, et adhuc sub judice lis est.
Horat. ars. poët. ver. 77.

т. е.

Грамматики до нынѣ спорятъ, кто былъ изобрѣтатель Елегіяческаго стиха (или Елегіи); но распря ихъ еще не рѣшена.

Если повѣрить Суиду, то или безумный Θеоклесъ, или славный Мидасъ, были изобрѣтателями стиха Елигіяческаго (10): Θеоклесъ во время своего изступленія или сумашествія, а Мидасъ при оплакиванія смерти матери своей. Если же послѣдовать Теренціану Мавру (11), то слава сего изобрѣтенія принадлежитъ Каллиною. Ахиллъ Стацій (12), приписавъ честь сію Архилоху, колеблется потомъ между Клонасомъ и Терпандромъ, и болѣе склоняется на сторону Клонаса. Гермезіанаксъ (13) полагаетъ наконецъ Мимнерма изобрѣтателемъ Елегіяческаго стиха. Но всѣ сіи догадки не могутъ быть удовлетворительны. Предположеніе Гермезіанакса должно быть нѣсколько основательнѣе; ибо онъ самъ упражнялся въ Елегіяхъ: но можетъ быть, Мимнермъ только усовершенствовалъ

(10) Suidas in voce Ἔλεγος. (11) In arte metr. (12) Achil. Stat. in poëtic. Horat. (13) Hermes. ap. Athen. l. 13.

сей родъ Поэзіи; можетъ быть онъ первый началъ описывать въ Елегіи любовь. Проперцій даетъ ему въ нѣжности преимущество предъ Гомеромъ:

Plus in amore valet Mimnermi versus Homero.

Lib. 1. *El.* 9.

т. е.

Въ любви Мимнермовъ стихъ Гомерова пріятнѣй.

Вотъ все, что можно узнать объ Елегіи древнихъ до того времени, какъ Тибуллъ, Овидій и Проперцій назначили ее для изображенія однихъ только нещастій любовниковъ.

Горацій показалъ намъ различныя употребленія сей поэмы (14), изображенныя еще подробнѣе у Боало:

La plaintive Elégie, en longs habits de deuil,
Sait, les cheveux épars, gémir sur un cercueil.
Elle peint des amans la joie et la tristesse,
Flatte, ménace, irrite, appaise une maitresse.

L'art poetique.

т. е.

Плачевная Елегія, въ длинномъ траурномъ одѣяніи, съ разпущенными воло-

(14) Versibus impariter junctis querimonia primum,
Post etiam inclusa est voti sententia compos.
Vers. 75.

т. е. Елегія въ неравныхъ стихахъ своихъ служила прежде для стенаній, но послѣ включено въ нее и полученіе желанія.

сами, умѣетъ стенать на гробѣ; она описываетъ радость и печаль любовниковъ; ласкаетъ, грозитъ, раздражаетъ, успокоиваетъ любовницу.

Впрочемъ и неудивительно, если Елегія, послѣ стенаній на могилахъ, стала оплакивать нещастія отъ любовной страсти; сей переходъ весьма естественъ. Безпрестанный плачь и стонъ любовниковъ не есть ли нѣкоторый родъ смерти? ибо, говоря ихъ языкомъ, они живутъ только обожаемымъ ими существомъ и лишаются жизни при нещастіяхъ, отъ онаго происходящихъ. И то также естественно, что они послѣ стенаній начали употреблять Елегію, какъ бы изъ благодарности, для изображенія радости и для воспѣванія своихъ побѣдъ.

Римляне, выключая Овидія, не знали другаго употребленія сей поэмы. Когда прославляли они удовольствія сельской жизни, или оплакивали нещастія, причиняемыя войною, всегда говорили объ ономъ въ отношеніи только къ любви своей. Описываетъ ли, напримѣръ, Тибуллъ прелестную долину, прохладную тѣнь дерева, защищающаго его отъ сол-

нечнаго зноя, или чистый и прозрачный источникъ, онъ обращается къ Деліи и говоритъ ей; только бы мнѣ быть съ тобою, моя Делія, готовъ я сдѣлаться и земледѣльцемъ и пастухомъ:
Ipse boves, modo sim tecum, mea Delia, possim
Iungere, et in solo pascere monte pecus.

II. О свойствахъ Елегіи.

Елегія, опредѣленная въ началѣ своего изобрѣтенія къ стенанію и къ слезамъ, занималась только одними нещастіями; она не выражала другихъ чувствій, не говорила другимъ языкомъ; сохраняя небрежность свою, столь свойственную людямъ огорченнымъ, она старалась болѣе трогать, чемъ нравиться; искала болѣе сострадація, нежели удивленія. Она удержала сей характеръ и въ жалобахъ любовниковъ и въ радостныхъ ихъ пѣснопѣніяхъ; ея мысли были всегда живы и натуральны, чувствія нѣжны, выраженія просты.

Обыкновенно думаютъ, что для сочиненія Елегіи довольно быть страстнымъ, и что съ одною любовію, безъ науки и дарованій, можно писать прекрасныя Елегіи. Такое мнѣніе развѣ на

томъ только основывается, что сами стихотворцы въ Елегіяческихъ твореніяхъ своихъ не къ Аполлону и не къ Калліопѣ обращались, а единственно къ владычицамъ ихъ сердецъ (15); но если бы они не имѣли другой музы, другаго Аполлона, кромѣ своихъ любимицъ, то безъ сомнѣнія не достигли бы до того совершенства, которое пріобрѣло имъ похвалу всѣхъ вѣковъ. Одна страсть произведетъ нѣсколько смѣлыхъ и натуральныхъ мыслей; но сіи мысли, будучи или не на своемъ мѣстѣ, или неприлично выражены, могутъ много потерять своей цѣны. Страсть доставляетъ чувствія; но искуству предоставлено изъяснить ихъ и присовокупить красоты выраженія.

Сіе не то значитъ, чтобы искуство нужно было для приведенія въ порядокъ мыслей въ Елегіи, и чтобы она требовала рѣчи непрерывной; нѣтъ, ея свойство не принимаетъ методы геометрической: постепенная точность въ изображеніи чувствованій не можетъ быть прилична людямъ исполненнымъ скорби или радости (ибо сіи только страсти

(15) Non haec Calliope, non haec mihi cantat Apollo;
Ingenium nobis ipsa puella facit.
Propert. Lib. 2. El. 1.

служатъ предметомъ Елегіи); но искусство нужно въ ней для содѣланія въ мысляхъ нѣкотораго безпорядка, столь сообразнаго съ натурою, и однимъ только славнымъ писателямъ извѣстнаго. Тибуллъ въ этомъ превосходенъ; его Елегіи исполнены замысловатыхъ отступленій; онъ часто принимается за свой предметъ, оставляетъ его и снова принимается. Ежели, напримѣръ, (16) изображаетъ онъ зло отъ войны происходящее; то, приписавъ всѣ ненавистныя имена изобрѣтшему кованіе мечей, непосредственно присовокупляетъ, что причиною войны и всѣхъ народныхъ разрывовъ есть скупость, любостяжаніе; потомъ завидуетъ щастію пѣхъ, кои жили въ спокойное царствованіе Сатурна; наконецъ, какъ бы увидѣвъ въ рукахъ врага обращенное на него смертоносное орудіе, онъ умоляетъ боговъ отвратить отъ него сію опасность. Послѣ новаго отступленія, гдѣ хвалитъ воздержаніе первобытныхъ человѣковъ, опять начинаетъ бранить войну, описываетъ адъ, низвергаетъ въ оный любителей раздоровъ, и оканчиваетъ про-

(16) Кн. I. Ел. 10.

славленіемъ мира и спокойствія. Иногда же сей самый поэтъ, жалуясь на болѣзнь (17), удерживающую его въ чуждой землѣ, и препятствующую сопутствовать Мессалѣ, начинаетъ вдругъ сожалѣть о златомъ вѣкѣ, въ которомъ никакое зло не было извѣстно; потомъ возвращается къ своей болѣзни и проситъ Юпитера объ излѣченіи; послѣ сего описываетъ Елисейскія поля, куда должна провождать его сама Венера, ежели Парка прерветъ нить его жизни; наконецъ, почувствовавъ возраждающуюся въ сердцѣ надежду, ушѣшаетъ себя тою мыслію, что Боги, всегда милостивые къ любовникамъ, позволятъ ему еще увидѣть Дѣлію, которая по разлукѣ съ нимъ не имѣетъ ни малѣйшаго спокойствія.

Кажется, еслибы кто другой былъ въ описываемомъ Тибулломъ положеніи, то имѣлъ бы тѣже самыя мысли, и также бы соединилъ и объяснилъ ихъ. У него видна только натура; а искуства, какого требуютъ отступленія, совсемъ не примѣтно.

Всякая принужденность противна свойствамъ Елегіи. Принужденность

(17) Кн. I. Ел. 3.

съ печалію не можетъ быть вмѣстѣ, и способна только отвратить состраданіе, а не возбудить оное. Я сомнѣваюсь, чтобы Г. Николевъ могъ кого нибудь тронуть слѣдующими стихами въ написанной имъ Елегіи:

Лишаюсь силъ моихъ отъ вздоховъ и тоски;
Ужъ смѣшанъ съ кровію токъ слезныя рѣки,
Котору извлекла изъ глазъ моихъ разлука (18).

Рѣка, смѣшанная съ кровію и протекшая отъ разлуки; а далѣе уподобленіе рока *змію*, который *вселилъ въ него адъ*, *вселя любовь*, который *наполнилъ кровь его горечью* и пр. и пр. не могутъ почтены быть мыслями, произшедшими прямо отъ чувствъ сердечныхъ. Французъ Депортъ еще страннѣе написалъ въ одной своей Елегіи: „Небо доставило „мнѣ случай увидѣть тебя (говоритъ „онъ своей любовницѣ) для того только, „чтобы вдругъ поразить меня всѣми сво„ими стрѣлами; однакожъ, казалося, что „оно чувствовало приготовляемое мнѣ „бѣдствіе, ибо въ тотъ нещастный день, „когда явилась ты столь прелестною, „безпрестанно шелъ дождь.“ Потомъ присовокупляетъ сіе разсужденіе:

(18) См. Твореній Николева 5 часть. стран. 28.

Soit qu'il le fist d'ennuy de ma perte prochaine,
Soit qu'il portast le deuil de ma mort inhumaine.

Desportes El. 2.

т. е.

„Оно сдѣлало сіе или отъ скуки, что приближается моя погибель, или потому, что надѣло трауръ отъ безчеловѣчной моей смерши.“ — Жаль, что Г. Депортъ не выдумалъ еще какой нибудь причины!

Разсужденія могутъ быть приличны Елегіи; но тѣ только, кои какъ будто сами отъ себя рождаются: чрезъ сію легкость они болѣе кажутся *чувствами*, нежели *разсужденіями*. Такъ Тибуллъ, описывая прекрасную долину и сказавъ, что въ ней родился Амуръ и научился стрѣлять изъ лука, прибавляетъ съ обыкновенною ему простотою:

Hei mihi! quam doctas nunc habet ille manus.

Lib. II. El. I.

т. е.

Какую мѣткую Амуръ имѣетъ руку.

Елегія не любитъ мыслей *изысканныхъ* (называемыхъ французами *réchercheés*), ни тѣхъ, кои только *замысловаты*. Сіи послѣднія могутъ быть приличны другому роду поэзіи; а тамъ гдѣ требуетъ-

ся одного чувства, остроуміе не должно имѣть мѣста. Когда Проперцій призывалъ тѣни Каллимаха и Филетаса, то онъ не спрашивалъ у нихъ, какимъ образомъ внушили имъ музы громкіе стихи; а требовалъ только, чтобъ они сказали ему, гдѣ нашли простоту, свойственную Елегіи:

Dicite, quo pariter carmen tenuastis in antro?

Lib. III. El. I.

Изображенія похоронъ совершенно приличествуютъ свойству Елегіи. Древніе очень часто представляли собственную свою кончину и даже учреждали иногда обрядъ погребенія, а иногда оканчивали свои Елегіи надгробною надписью. Тибуллъ, сказавъ, что онъ не можетъ пережить потери Нееры (19), которая была уже съ нимъ обручена и которую похитилъ его соперникъ, тотчасъ устроиваетъ свои похороны. Онъ желаетъ, чтобы Неера, съ распущенными волосами, плакала передъ его костромъ; чтобы непремѣнно она была вмѣстѣ съ своею матерью; чтобы обѣ, надѣвъ черныя платья, собрали его прахъ, оросили бы оный ви-

(19) Кн. 3. Ел. 2.

номъ и молокомъ и сокрылибы въ мраморной урнѣ съ драгоцѣннѣйшими благовоніями; онъ сочиняетъ еще надгробную надпись, показывающую, что причина смерти его послѣдовала отъ потери Нееры:

Ligdamus hic situs est, dolor huic et cura Neerae
Conjugis ereptae, causa perire fuit.

Предметы веселые имѣютъ въ Елегіи особенную свою пріятность, когда противополагаются состоянію Поэта, или представляемыхъ имъ лицъ. Петрарка, лишась своей Лауры, писалъ:

Zephiro torna: e' l bel tempo rimena
E i fiori, e l'herbe sua dolce famiglia.....
Ridono i prati, e'l ciel si rasserena;
L'aria e l'acqua e la terra è d'amor piena:
Ogni animal d'amar si riconsiglia.
Ma per me, lasso! tornano i piu gravi
Sospiri..... *Sonetto XLII.*

т. е.

Уже Зефиръ возвращается; онъ приводитъ съ собою пріятную погоду, цвѣты и зелень, любезныхъ ему товарищей; луга смѣются и небо яснѣетъ; воздухъ, вода, земля и всѣ животныя, соединяются любовію. Но увы! для меня возвращаются мои стенанія, вздохи....и пр.

Какой натуральный и горестный переходъ! Впрочемъ сей родъ описанія долженъ быть употребляемъ съ великою осторожностію; Елегія нестолько требуетъ изображенія пріятныхъ предметовъ, сколько выраженія нѣжныхъ чувствъ.

И такъ, дабы собрать вмѣстѣ всѣ помѣщенныя здѣсь изслѣдованія, скажемъ, что Елегія одолжена произхожденіемъ своимъ причитанію при похоронахъ, и что соединясь потомъ съ любовною страстію, стала употребляться любовниками въ изображеніяхъ скорби и радости; что она требуетъ мыслей нѣжныхъ и натуральныхъ, выраженій простыхъ и непринужденныхъ, описаній плачевныхъ и удаленныхъ отъ всякой напыщенности.

III. КРИТИКА.

Гимнъ великолѣпію Коринѳа и Аѳинъ. Переводъ съ Нѣмецкаго. Москва. Въ Губернской Типографіи у А. Решетникова. 1812.

Этотъ Гимнъ, на 119 страницахъ, Гимнъ великолѣпію Коринѳа и Аѳинъ, въ которомъ о Коринѳѣ и Аѳинахъ вовсе не упоминается, есть — не знаю, какъ назвать — не поэма, не идиллія, не повѣсть, не сказка, не басня, а такъ — какая то смѣсь, въ которой описываются любовныя похожденія Зефира и Флоры, надутымъ, неровнымъ, дурнымъ слогомъ; въ которой боги и богини разсказываютъ другъ другу разныя сказки и исторіи.

Тутъ найдешь то, чегобъ нехитрому уму,
Не выдумать и въ вѣкъ; . . . . .

Тутъ есть: *оранжевыя деревья* (стр. 36), *черный дернъ* (стр. 83), *сенетныя рощи* (стр. 49), *Ипокренскія Нимфы* (стр. 20), *Кипрское дитя*, вмѣсто сынъ Киприды (стр. 47), *Флорина компанія* (стр. 48), *Опельсины* (стр. 67), *Нимфы въ шляпахъ* (стр. 67), *алебастровая выя* (стр. 76), *шпалерныя деревья* (стр. 93), *подъ*

тѣнію зеленыхъ померанцевъ (стр. 95), *Морфей первый Министръ сновъ* (стр. 107), и проч. Тупь Амуръ (стр. 85) говоритъ Флорѣ: *вы* любите забавляться охотою; „*вашъ* пламень не погасъ еще!“ и пр. Какая учтивость! — Покажемъ образчики слога: (стр. 52) „онъ былъ одѣтъ столь же блестящею матеріею, какъ и платье матери дня“; (стр. 31) „онъ опять къ ней приближается, *срываетъ отъ нее* поцалуй и хочетъ удалиться“; (тамъ же) „пусть чувствительный читатель самъ оное (изумленіе) представитъ; я не въ силахъ его изобразить, оно *превосходитъ перо* мое!“ — Какого еще лучшаго слогу требовать для *Гилина*? —

X.

Neue theoretisch-praktische Russische Sprachlehre für Deutsche, mit Beyspielen, als Aufgaben zum Uebersetzen aus dem Deutschen in das Russische, und aus dem Russischen in das Deutsche nach den Hauptlehren der Grammatik, nebst einem Abrisse der Geschichte Russlands bis auf die neuesten Zeiten, von Dr. A. W. Tappe. Zweite verbesserte und vermehrte Auflage. St Petersburg und Riga, 1812, т: е: *Новая теоретическая и практическая Руская Грамматика для Нѣмцовъ, съ примѣрами и уроками для перевода съ Нѣмецкаго языка на Руской и обратно, по главнымъ правиламъ Грамматики; съ присовокупленіемъ начертанія Россійской Исторіи до новѣйшихъ временъ; соч. Д. А. В. Таппе. Второе изданіе, исправленное и умноженное. С. Петербургъ и Рига. 1812 года.*

Приступая къ разсмотрѣнію сей книги, взглянемъ на прочія *Рускія Грам-*

матики, изданныя въ пользу иностранцевъ. — Первая таковая Грамматика напечатана въ Оксфордѣ 1696 года, подъ заглавіемъ: Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica, quae continet non tantum praecipua fundamenta Russicae linguae, verum etiam manuductionem quandam ad Grammaticam Slavonicam etc. Oxonii, e Theatro Sheldoniano. A. D. MDCXCVI. *8. 97 стр.* — Сія книжка содержитъ въ себѣ: краткую Россійскую Граммашику, съ показаніемъ уклоненій Рускаго языка отъ Славянскаго; употребительные въ общежитіи разговоры съ Лашинскимъ и Нѣмецкимъ переводами (*); кращкій словарь, и въ заключеніи обозрѣніе естественныхъ произведеній Россіи. Граммашика сія поверхностна, недосташочна и наполнена ошибками; но она была первая Руская Граммашика, сочиненная иностранцемъ; написана въ семнадцашомъ вѣкѣ, и на-

(*) Нѣкоторые изъ сихъ разговоровъ очень забавны. Выписываемъ буквально, что попалось наудачу: *Барченъ, малецъ, поди въ поварну и позови Иванону.* (Puer, abi in culinam et advoca uxorem meam.) *Изволишъ гарку вотки? Вотку не ужываю.* (Aqua aromatica non utor.) *Скажутъ, что пригожие женщини въ Французской землѣ. Я не водилося сними, красные не глядили на меня и не желалъ познатъ ся съ дурними. Чемъ ты забавилъ ся тамъ? Мало забавы за инноземца. Какъ тамошние люди проклажятся? Со всяческими играми.*

печатана въ Англіи — довольно причинъ защищать и уважать ее.

Вторая Руская Грамматика напечатана при *Вейсманновомъ* Нѣмецкомъ словарѣ. Издатель краткой Россійской Грамматики, для гимназій Московскаго Университета, говоритъ, что оная прежде написана была на Латинскомъ языкѣ однимъ знаменитымъ и ученымъ Россіяниномъ. — Въ 1750 году напечатана въ Стокгольмѣ Руская Грамматика, сочиненная *Гренингомъ*. Не имѣя теперь сихъ двухъ Грамматикъ предъ собою, не можемъ мы дать объ оныхъ полнѣйшаго понятія. Грамматика *Ломоносова* явилась въ 1754 году.

Августъ Людовикъ Шлёцеръ, занимаясь въ Санктпетербургѣ Рускою Исторіею и не находя удобной Руской Грамматики, рѣшился, особенно по совѣту Начальника своего, члена Канцеллярiи Академіи Наукъ, Статскаго Совѣтника *Тауберта*, написать Рускую Грамматику на Нѣмецкомъ языкѣ (въ 1764 году). Одиннадцать листовъ было уже напечатано; но вдругъ писаніе прекратилось и почти весь заводъ превращенъ былъ въ макулатуру.

ру (*). Потеря сія невозвратна! Шлёцеръ, знавшій всѣ Европейскіе и многіе Азійскіе языки и имѣвшій глубокія свѣденія въ Граммашикѣ общей, находилъ въ Россійскомъ языкѣ свойства, укрывшіяся отъ отъ многихъ его предшественниковъ и послѣдователей. На сихъ одиннадцати листахъ были помѣщены: свойства Рускихъ буквъ и правила произношенія оныхъ; реестръ рускихъ словъ, сходныхъ съ словами другихъ языковъ, и наконецъ, изъ Этимологіи, глава объ имени существительномъ. Сколько намъ извѣстно, сохранилось не болѣе трехъ экземпляровъ сего творенія; одинъ изъ нихъ, со многими письменными прибавленіями сочинителя, хранится въ Гёттингенской библіотекѣ.

Граммашика *Ломоносова* послужила образцемъ для сочиненія двухъ Граммашикъ: *Г. Шарпантье*, (подъ заглавіемъ: Elémens de la langue russe, ou methode courte et facile pour apprendre cette langue conformement à l'usage. Quatr. édit. St. P.

(*) Гордость, недоброжелательство и зависть, къ сожалѣнію, совмѣстныя иногда съ величайшими дарованіями, были побудительными причинами сего страннаго произшествія, которое подробно описано въ книгѣ: A. L. Schlözer's öffentliches und privat-Leben von ihm selbst beschrieben. Göttingen 1802.

1805.) и *Г. Родде*, (подъ заглавіемъ: Russische Sprachlehre für Deutsche, Riga. Перв. изд. 1773, а второе исправл. 1778 года). Но обѣ сіи книги весьма недостаточны. Г. *Шарпантье* находилъ въ Рускомъ языкѣ свойства и правила, которыхъ въ немъ совсѣмъ нѣтъ (*); а *Родде*, при всемъ усердіи своемъ, не могъ познакомить иностранцевъ съ Рускимъ языкомъ; ибо самъ зналъ его только изъ дѣловыхъ бумагъ, что показываютъ многія приведенныя имъ въ примѣръ фразы. Притомъ оба сочинителя слишкомъ точно слѣдовали Ломоносову, который писалъ для Рускихъ, предполагая въ нихъ познаніе языка разговорнаго, и потому не имѣлъ нужды изъяснять первыхъ, простѣйшихъ началъ, которыя наиболѣе затрудняютъ иностранцевъ. Оба, вмѣсто лучшаго раздѣленія глаголовъ, помѣстили только реестры оныхъ, и Г. *Родде* въ предисловіи своемъ совѣтуетъ выучить сіи реестры, какъ и примѣры склоненій, наизусть, называя сіе лучшимъ средствомъ познако-

(*) На стр. 8 находимъ, будто въ родительномъ падежѣ говорится: *моево*, а въ винительномъ: *моего*; напр. *табакерка сына моево*; *я билъ сына моего*. При семъ сочинитель говоритъ: chaque langue a des caprices de cette nature, dont on ne peut rendre compte.

миться съ измѣненіями частей рѣчи Русскаго языка. — Между тѣмъ обѣ сіи Грамматики долгое время были въ употребленіи — терзая слухъ и память бѣдныхъ иностранцевъ, которые, судя по урокамъ сихъ учителей, имѣли право называть Руской языкъ грубымъ, необразованнымъ, труднымъ и непоняпнымъ.

Въ 1794 году вышло первое, а въ 1804 второе изданіе Руской Граммапики *Г. Гейма* (подъ заглавіемъ: Russische Sprachlehre für Deutsche von I. Heym. Riga, bey Hartmann, 1804). Отдавая всю справедливость почтенному сочинителю оной по части Лексикографіи, должны мы однако сказать, что Граммапика его не можетъ сравниться съ изданными имъ словарями. Онъ, такжe какъ и предшественники его, слишкомъ строго слѣдуетъ Граммапикамъ Ломоносова и Россійской Академіи, сочиненнымъ для Русскихъ; притомъ печапаны оба изданія творенія его въ Германіи, и опъ того обезображены множествомъ опечапокъ.

Въ 1802 году напечапана въ Парижѣ Руская Граммапика Г. *Модрю*, подъ заглавіемъ: Elémens raisonnés de la langue russe, ou principes généraux de la grammaire

appliqués à la langue russe, par *J. B. Maudru.* 2 vol. à Paris. An X. Она извѣстна публикѣ нашей по рецензіи на оную, помѣщенной въ Вѣстникѣ Европы (1803, Ч. X. стр. 204). Сія рецензія, по нашему мнѣнію, слишкомъ строга. Соглашаемся, что Г. Модрю часто и грубо ошибался; но и у него есть хорошія, остроумныя и полезныя замѣчанія и правила, о которыхъ надлежало бы упомянуть. Естьлибъ онъ не слишкомъ умничалъ, естьлибъ не старался отличиться странною Латинскою и Греческою терминологіею, и притомъ, вмѣсто двухъ томовъ, написалъ бы книжку, постаравшись уменьшить число неправильностей и уклоненій пріисканіемъ общихъ правилъ; то конечно принесъ бы болѣе пользы. Но теперь двѣ толстыя части, наполненыя диссертаціями, опредѣленіями и реестрами, устрашаютъ всякаго иностранца, а рецензія Вѣстника Европы—всякаго Рускаго. Для учащихся сія Граммашика неудобна; но каждой изслѣдователь языка долженъ имѣть и читать ее.

Въ 1808 году появилась Руская Грамматика, сочиненная *Г. Фатеролѣ*, Профессоромъ восточныхъ языковъ въ Галлѣ

(нынѣ въ Кенигсбергѣ), подъ заглавіемъ: Praktische Grammatik der Russischen Sprache in Tabellen und Regeln, nebst Uebungsstücken zur grammatischen Analyse, einer Einleitung über Geschichte der Russischen Sprache und die Anordnung ihrer Grammatik, und Berichtigungen der Heymischen Sprachlehre, von Dr. Iohann Severin *Vater*. Lpz. 1808. Сочинитель оной въ предисловіи своемъ говоритъ, что любовь къ изученію языковъ, побудившая его заняться сочиненіемъ Грамматики дрѣвнихъ языковъ Мексиканскаго и Перуанскаго, и уваженіе къ языку обширнѣйшей Имперіи въ свѣтѣ, заставили его предпріять сей трудъ; что онъ сдѣлалъ обозрѣніе всѣхъ формъ и правилъ Рускаго языка, для утвержденія ихъ въ своей памяти, и надѣется, что Грамматика его яснѣе и особенно полнѣе всѣхъ доселѣ изданныхъ. Соглашаемся; но для того, чтобъ обнять умомъ и удержать въ памяти всѣ правила оной, надлежитъ всякому читателю быть *Фатеромъ*, то есть ученымъ, неутомимымъ изслѣдователемъ языковъ. Онъ пояснилъ и облегчилъ правила прежнихъ Грамматикъ и самъ предложилъ многія весьма хорошія

замѣчанія; но очень трудно слѣдовать его системѣ. Глаголы, напримѣръ, раздѣляетъ онъ на *семнадцать* спряженій, называя оныя опраслями (Branchen); причемъ изчисляетъ болѣе ста глаголовъ, которые и по симъ спряженіямъ неправильны. Дабы узнать по его Граммашикѣ спряженія сложныхъ и полныхъ глаголовъ, надлежитъ выучить наизусть реестры ихъ, выписанные изъ словаря. Сверхъ того не могъ онъ избѣжать многихъ, для насъ весьма ощутительныхъ, ошибокъ, потому что учился Рускому языку единственно по книгамъ, а не чрезъ изустное наставленіе. Тѣмъ болѣе чести и славы острому, глубокому его уму; но притомъ и болѣе затрудненій ученикамъ его! (*)

Ни одна изъ упомянутыхъ Граммашикъ не можетъ назваться удобною для начинающихъ и для иностранцевъ. Таковой недостатокъ учебной книги Рускаго языка побудилъ Господина *Tanne*, какъ

(*) Мы не упомянули въ семъ обозрѣніи о двухъ сочиненіяхъ: Kurgefasste Grammatik der russischen Sprache für die deutschen Provinzen Russlands von L. F. Friederici. Erster Cursus. Mitau 1811, и Neues russisches ABC-Buch oder Neue Russische Orthographie fürs Deutsche Studium von W.... y Mitau 1809. Сіи книги столь посредственны, что не стоятъ Критики.

онъ самъ говоритъ въ предисловіи къ своей книгѣ, собралъ все, что написано о теоріи Рускаго языка; изложилъ оное ясно и понятно, разпространивъ и пояснивъ еще собственными новыми замѣчаніями; присовокупилъ къ каждому Грамматическому правилу практическіе уроки для перевода съ Нѣмецкаго на Рускій языкъ, по образцу Грамматикъ Мейдингера, Дебоналя, Мозеня и другихъ, и при томъ означилъ, какъ въ Грамматикѣ, такъ и въ принадлежащей къ оной книгѣ для чтенія, произношеніе словъ знаками ударенія, какъ въ Греческомъ и Славянскомъ языкахъ. — Руководствуясь симъ предначертаніемъ, сочинилъ онъ свою Рускую Грамматику для Нѣмцовъ, которой первое изданіе напечатано въ 1810, а второе въ нынѣшнемъ 1812 году. Сіе новое изданіе во многихъ мѣстахъ умножено и поправлено, а въ нѣкоторыхъ и совсѣмъ передѣлано. Г. *Tappe* въ семъ случаѣ не подражаетъ тѣмъ сочинителямъ, которые, радуясь, что успѣли продать первое изданіе книги своей, почитаютъ оную безошибочною и совершенною, и печатаютъ новымъ тисненіемъ безъ всякой перемѣны или

исправленія, безъ всякой справки съ вышедшими послѣ оной другими въ томъ родѣ сочиненіями.

Г. Таппе, по нашему мнѣнію, совершенно выполнилъ предположенную имъ цѣль. Всѣ теоретическія правила Рускаго языка изложены въ сей книгѣ ясно, въ порядкѣ и въ лучшей связи. Хотя самъ сочинитель не сдѣлалъ въ теоріи языка важныхъ открытій, но онъ умѣлъ выбрать лучшее изъ сочиненій предшественниковъ своихъ и предложить оное весьма удачно. Помня главное намѣреніе свое написать учебную книгу для неимѣющихъ еще никакого понятія о языкѣ иностранцевъ, сочинитель начинаетъ простѣйшими свѣденіями и постепенно переходитъ къ статьямъ труднѣйшимъ. Изложивъ свойства буквъ Рускихъ и сдѣлавъ краткое, но достаточное обозрѣніе Исторіи Рускаго языка, помѣстилъ онъ для упражненія въ чтеніи легкія фразы съ буквальнымъ переводомъ на Нѣмецкій языкъ, а въ самомъ началѣ и съ означеніемъ выговора Нѣмецкими буквами (*). За симъ слѣдуетъ краткое начер-

(*) Для дальнѣйшаго упражненія въ чтеніи, издана имъ особая книга, составляющая вторую часть сей Грамматики.

таніе общей Граммашики для тѣхъ иностранцевъ, которые начинаютъ заниматься Рускимъ языкомъ, не учившись природному по правиламъ Граммашики, слѣдственно не знаютъ учебныхъ терминовъ сей науки. На стр. 48 начинается собственно Руская Граммашика. Склоненія и спряженія — можетъ быть, труднѣйшія части въ механизмѣ Рускаго языка — изложены съ великимъ тщаніемъ. Въ замѣчаніяхъ о словосочиненіи находимъ все, что писано было прежде о семъ предметѣ, то есть очень немного: вообще, эта часть Граммашики у насъ недостаточнѣе всѣхъ прочихъ. — На стр. 245 находимъ извлеченіе изъ сравнительнаго словаря, помѣщеннаго въ упомянутой нами Рускій Граммашикѣ А. Л. Шлёцера. За симъ слѣдуютъ краткія правила объ удареніи словъ (*), о письменной тишулатурѣ, и начальныя основанія Рускаго стопосложенія. При каждомъ правилѣ помѣщено довольное число Рускихъ примѣровъ и Нѣмецкихъ уроковъ, для перевода на Руской

(*) Въ сихъ правилахъ сочинитель не разпространяется особенно, потому что какъ въ сей Граммашикѣ, такъ и въ принадлежащей къ оной книгѣ для чтенія, удареніе означено надъ каждымъ словомъ.

языкъ и для практическаго повторенія пройденныхъ правилъ. Для сего же употребленія помѣщено въ концѣ обозрѣніе Россійской Исторіи на Нѣмецкомъ языкѣ, съ присовокупленіемъ Рускихъ словъ. Притомъ должно замѣтить, что книга сія напечатана весьма исправно, чешко и красиво.

Показавъ читателямъ достоинства сей полезной книги, упомянемъ и о нѣкоторыхъ недостаткахъ ея и мѣстахъ, которыя надлежало бы перемѣнить при слѣдующемъ изданіи оной.

При начертаніи общей Грамматики, въ пользу неученыхъ иностранцевъ, Г. Сочинитель совершенно выпустилъ изъ виду цѣль, которую долженъ былъ имѣть при сочиненіи оной: онъ написалъ ее весьма высокопарно и съ лишнею ученостію. Можетъ ли *Нѣмецъ*, для котораго Г. Таппе (на стр. 39) преподаетъ правила, отличать дательный падежъ отъ винительнаго въ *Нѣмецкомъ* языкѣ, понять такія фразы, какова напримѣръ слѣдующая (стр. 33)„ Jn der Anschauung selbst sind das Substantielle und Accidentielle ein Ganzes, nur der Verstand trennt beides, und so entsteht dann durch diese

Isolirung in der Seele des Menschen der Praedicat-Begriff überhaupt?“—Сверхъ того находимъ въ семъ начертаніи и неисправности; напр. (стр. 34) будто въ предложеніи: „ seine Bewohner sind mannichfaltig“ подлежащее есть seine.

Спряженія глаголовъ вспомогательныхъ помѣщены (на стр. 150) непосредственно за именами числительными; а не прежде какъ на стр. 156 говорится о свойствахъ Рускихъ глаголовъ вообще. Хотя необходимо нужно знать сіи глаголы, для спряженія прочихъ; но кажется, что надлежало бы помѣстить оные по изложеніи теоріи временъ, особенно потому, что одинъ изъ нихъ (*бываю*) учащательной, и свойство его не можетъ быть извѣстно иностранцу.

Въ главѣ о глаголахъ, при сочиненіи которой Авторъ имѣлъ въ виду почти всѣ изданныя донынѣ Грамматики, но преимущественно слѣдовалъ теоріямъ Г. Никольскаго, Борна и сочинителя *Опыта о Рускихъ спряженіяхъ*, замѣчена нами новизна, противная свойству Рускаго языка. Сочинитель дѣлаетъ изъ прошедшихъ многократныхъ временъ (напр. *хаживалъ*, *говаривалъ*) особые глаголы

(*хаживать*, *говаривать*) называя оные учащательными. Нѣкоторые Грамматики показываютъ произведенія сихъ формъ единственно для того, что изъ оныхъ составляются глаголы сложные; но отнюдь не должно называть ихъ особыми и употребительными глаголами и смѣшивать съ собственно учащательными, которыхъ отличительный признакъ есть означеніе движенія (напр. *ходить*, *ѣздить*, *плавать*). Не говоря уже о томъ, что таковые глаголы въ неокончательномъ наклоненіи вовсе неупотребительны, замѣтимъ, что они образуютъ два корня или неокончательныя наклоненія глаголовъ сложныхъ вмѣстѣ съ простыми (на пр. изъ *говорить* и *говаривать* дѣлается: *уговорить*, *уговаривать*); слѣдственно, естьли и производятся, то никакъ не могутъ быть отдѣлены отъ простыхъ. Сіе отдѣленіе прошедшихъ многократныхъ временъ отъ глаголовъ простыхъ, составленіе изъ оныхъ особыхъ глаголовъ и присоединеніе ихъ къ учащательнымъ, причиняютъ великую сбивчивость въ изложеніи свойствъ глаголовъ сложныхъ (стр. 179—189), которое для иностранцевъ должно быть

весьма темно. — Совѣтуемъ Г. Сочинителю перемѣнить сіе, при третьемъ изданіи этой книги. — Въ спашѣ о правописаніи (стр. 251) попадаются правила недостаточныя, наприм. будто предъ буквами *ю* и *я* всегда полагается *ѣ* а не *е* (но *шея*, *швея*, *надъ верхнею башнею?*) будто послѣ буквы *н* всегда полагается *ѣ*, кромѣ нарѣчія *не* и сложенныхъ съ нимъ словъ (но *гоненіе*, *плѣненъ*, спряженія будущаго однократнаго времени: *станешь*, *станетъ* и пр.?) — Нѣкоторыя весьма немногія неправильности въ удареніяхъ оставляемъ безъ замѣчанія: это очевидно типографскія ошибки.

Изданіемъ сей книги сдѣлалъ Г. Таппе весьма полезный подарокъ иностранцамъ желающимъ выучиться нашему языку.

Ч.

Наука Стихотворства, сочиненная Имп. Росс. Академіи членомъ, Кол. Совѣтн. и Кавалеромъ Иваномъ Рижскимъ и оною Академіею изданная. Въ С. п. б. Въ типографіи Плавильщикова, 1811 года.

Съ Эпиграфомъ изъ Пиндара:

Златая лира, даръ богатый Аполлона,
И темновласыхъ музъ! Отъ сладости твоей,
Отъ силы твоего плѣняющаго тона
Трепещутъ радостно сердца у всѣхъ людей.
Твой слыша гласъ, Зевесъ, со громомъ всемогущимъ,
Огнь вѣчный гаситъ грозныхъ стрѣлъ
И звуками твоими восхищенный,
Кидаетъ пылкій Марсъ ужасное копье.

Піитика не дѣлаетъ никого поэтомъ; однакожъ и тотъ, кто рожденъ имъ, не можетъ уволить себя отъ знанія правилъ сей науки. Нигдѣ, можетъ быть столько, какъ у насъ, не требуютъ доказательствъ этой истины, и — должно признаться, доказать ее, или покрайней мѣрѣ убѣдить въ ней нѣкоторыхъ, довольно трудно. У насъ многіе хотятъ быть поэтами, не учась; тверд-

дятъ, что *Поэты раждаются* (*Poëtae nascuntur*), и пишутъ — безъ правилъ. О! какъ много должно знать, какъ многому нужно учиться, чтобы быть Поэтомъ! — Но мы говоримъ здѣсь объ одной Піитикѣ; мы утверждаемъ, что правила сей науки нужны и для тѣхъ, которые называютъ себя *природными* Поэтами.

Разсматриваемая нами *Наука Стихотворства* есть извлеченіе изъ сочиненій лучшихъ по сей части учителей, Мармонтеля, Баттё, Блера, Эшенбурга, съ примѣненіемъ вездѣ къ руской словесности и съ присовокупленіемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ собственныхъ замѣчаній покойнаго Г-на Рижскаго. Сочинитель справедливо говоритъ (§ 1 и 2), что „всѣ, какія мы имѣемъ на Россійскомъ языкѣ правила сего искуства, или занимаются истолкованіемъ стопосложенія, или весьма крашко и недостаточно предлагаютъ о разныхъ родахъ стихотвореній, или, содержа нѣсколько общихъ о стихотворствѣ правилъ, сообщаютъ ихъ не въ связномъ порядкѣ, но случайно и разбросанно.“ У него не надобно искать подробныхъ изъясненій механической части стихотворства,

то есть стихосложенія, до коего онъ въ своемъ мѣстѣ коснулся только мимоходомъ, предполагая, что читатели его знаютъ уже, или могутъ узнать сіи правила изъ другихъ Піитикъ. Вотъ вкратцѣ предметы, введенные имъ въ Науку стихотворства:

Существенныя и *отличительныя качества стихотворства.* Различіе стихотворства отъ свободныхъ художествъ и въ особенности отъ краснорѣчія; восторгъ, выборъ словъ и выраженій, украшенія, звукъ и размѣръ, Руское стопосложеніе.

Средства къ успѣхамъ въ Стихотворствѣ. Такъ называемый природный даръ, состоящій въ воображеніи, соображеніи и чувствительности; средства, пріобрѣтаемыя наукою или опытомъ: познаніе человѣка, знаніе древнихъ Стихотворцевъ и Художниковъ, вкусъ, знаніе языка.

Цѣль и *произхожденіе Стихотворства.* Нравственная польза; обязанности Стихотворца въ отношеніи къ добродѣтели и пороку.

Сіи три отдѣленія составляютъ *первую часть* его науки. Во *второй* разсма-

триваются всѣ *роды стихотвореній*, т. е. родъ Эпической и особенно Эпопея (отдѣленіе I и II, § 41—147); виды стихотвореній Лирическихъ (отд. III, § 148—185); стихотворенія Дидактическія (отд. IV, § 186—205), и наконецъ творенія Драмматическія (отд. V).

Сія учебная книга, по полнотѣ своей, по систематическому порядку, можетъ почесться первою на нашемъ языкѣ; но слогъ ея вообще посредственъ, а во многихъ мѣстахъ весьма неисправенъ.

Мы почитаемъ за излишнее выписывать здѣсь всѣ замѣченныя нами ошибки, изъ коихъ нѣкоторыя, совершенно затемняющія смыслъ, произошли вѣрно отъ перепищика; и тѣмъ менѣе изчислять всѣ опечатки, коими обезображено изданіе и коихъ только половина вынесена въ таблицѣ (*).

(*) Вотъ нѣкоторыя для примѣру: § 6. „то и другое одинъ имѣютъ источникъ сей силы“ (?). На стран. 196 въ приведенныхъ изъ Россіады стихахъ, Князь Курбскій пожалованъ Княземъ *Кирскимъ*! и не однажды, а четыре раза сряду такъ названъ; слѣдовательно это не опечатка, а умышленная поправка какого нибудь свѣдущаго въ исторіи человѣка! На стран. 283 изъ Буало приведенъ стихъ:

Qu'en un lieu, *en un four*, un seul fait accompli
Tienne jusqu'a la fin le théatre rempli,

Вмѣсто: Qu'en un lieu, qu'en un jour, и пр.

§ 226. „Отъ искуснаго ихъ изобрѣтенія и изображенія

Сдѣлаемъ замѣчанія на немногія изъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ не соблюдена ясность выраженій, или точность мыслей.

Во первыхъ обратимъ вниманіе читателя на переводъ — удачный или не удачный — нѣкоторыхъ словъ; на пр. rythme, *ладъ*; individuum, *умонераздѣльное*; images, *выразительныя мысли*; épisodes, *отступленія*, или *введенія* (но за чѣмъ не перевести опредѣлительнѣйшимъ и уже принятымъ у насъ выраженіемъ: *вводныя повѣсти*?); Литераторъ, *словолюбецъ*!

Въ § 134 мъ, гдѣ говорится о трехъ частяхъ поэмы, предложеніи, призываніи и повѣствованіи, сказано: „первое (т. е. предложеніе) содержитъ въ себѣ, какъ говоритъ Мармонтель, нѣсколько разумноженное имя поэмы, — не очень ясно. Мармонтель говоритъ: le debut n'est que le titre du poëme, plus développé; слѣдовательно вѣрнѣе бы было по русски: предложеніе есть ничто иное, какъ заглавіе поэмы, разпространенное, или изложенное пообстоятельнѣе.

зависятъ два главныя *не*совершенства драмы.“ — Тутъ *не* конечно вкралось ошибкою.

Сіи и другія неисправности безъ сомнѣнія всякой замѣтитъ и поправитъ самъ при чтеніи; но лучше было бы корректору избавить насъ отъ сего непріятнаго труда.

На стран. 277 и 282 весьма не свойственно употреблено выраженіе *даровитый умъ*, вмѣсто: *плодовитый, обильный* или *богатый вымыслами*; *даровитый* собственно значитъ: *щедрый*.

Въ § 45 написано: „дабы не могло ускользнуть отъ него ничего такого, что въ частныхъ понятіяхъ способно содѣлать возможно чувственнымъ понятіе отвлеченное. Выраженіе: *возможно* чувственнымъ, понятно только для тѣхъ, которые имѣли нещастіе заставерживать вводимыя еще нынѣ въ нѣкоторыхъ логикахъ формулы Схоластическихъ рѣшеній; это значитъ: *чувственнымъ* не въ самомъ дѣлѣ (*realiter*), не въ собственномъ значеніи сего слова; ибо, въ строгомъ смыслѣ, нельзя сдѣлать понятія *отвлеченнаго — чувственнымъ*: а *potentialiter* (возможно), какъ говорили нѣкогда Схоластики. Къ чему такая точность на щетъ ясности?

Въ § 107. Авторъ, справедливо замѣтивъ, что развязка эпической поэмы всегда состоитъ въ *достиженіи Героемъ своего предпріятія*, присовокупляетъ: „въ противномъ случаѣ великія, но неудачныя его добродѣтели возбудили бы въ насъ,

вмѣсто удивленія, сожалѣніе о немъ, и слѣдственно, вмѣсто того чтобъ усилить, ослабили бы въ насъ высокія понятія и чувствованія." — Сіе послѣднее утвержденіе требуетъ объясненія и поправки: сожалѣніе о великихъ, но неудачныхъ добродѣтеляхъ героя, не ослабляетъ, а также питаетъ въ насъ высокія понятія и чувствованія, только не такого роду, каковы суть тѣ, кои произтекаютъ отъ пріятнаго удивленія торжеству Героя и благополучному достиженію имъ желаемаго. Возбужденіе сихъ послѣднихъ есть собственно *средство Эпопеи*; возбужденіе первыхъ *средство Трагедіи*, чрезъ которыя та и другая достигаютъ до нравственной своей цѣли — до облагородствованія человѣка. *Эпопея* развеселяетъ и возкриляетъ самолюбіе наше, повѣствуя намъ о славныхъ дѣлахъ человѣка, представляя намъ блестящую сторону человѣчества, щастливую онаго борьбу съ препятствіями, союзъ его съ небесами; дѣйствіе ея на душу есть ободрительное. *Трагедія*, напротивъ того, укрощаетъ наше самолюбіе, показывая намъ безуспѣшную борьбу Героя съ рокомъ, ненадежность силы, зыбкость добродѣ-

тели человѣческой, и чрезъ то служитъ къ остереженію насъ отъ вредной дремоты самонадѣянія. Дѣйствіе Трагедіи на душу есть въ собственномъ смыслѣ врачевательное (*); чувствованія возбуждаемыя ею, можетъ быть, еще возвышеннѣе тѣхъ, кои возбуждаются въ насъ Эпопеею. — Приведенное здѣсь мѣсто могло бы, по нашему мнѣнію, поправлено быть слѣдующимъ образомъ: — „и слѣдственно. вмѣсто приличнаго Эпопеѣ, произвели бы на душу читателя приличное Трагедіи дѣйствіе или впечатлѣніе.“ —

Въ заключеніе должно еще сказать, что примѣры рускіе, приложенные для объясненія правилъ по разнымъ родамъ стихотвореній, не всегда выбраны удачно; напр. вмѣсто Сумароковой басни *Волкъ и Ягненокъ*, наполненной какимъ-то ребячествомъ, не лучше ли было бы привести Крылова басню того же названія,

(*) Какая бы впрочемъ ни была ея развязка, печальная ли, погубляющая героя, или утѣшительная, спасающая его отъ погибѣли, въ обоихъ случаяхъ дѣйствіе трагедіи на душу одно: поелику главныя возбуждаемыя ею страсти суть *страхъ и сожалѣніе*; но здѣсь разумѣемъ мы преимущественно перваго рода трагедію, т. е. печально оканчивающуюся, въ противуположность Эпопеѣ, которая подвиги своего Героя всегда вѣнчаетъ успѣхами.

гораздо остроумнѣйшую и которая есть мастерское подражаніе Лафонтеновой. Также и Ѳеокритову еклогу *Циклопъ* всякой вѣрно охотнѣе сталъ бы читать въ прекрасномъ подражаніи Г-жи Буниной, нежели въ переводѣ Г-на *М.*, отчасти можетъ быть по причинѣ утомительной его Амфибрахической мѣры.

На стран. 124, полагаются лучшими у насъ баснописцами Сумароковъ, Дмитріевъ и Хемницеръ; а вторые послѣ нихъ мѣсто дается Крылову и Графу Хвостову. Справедливо ли такое разпредѣленіе?

Впрочемъ сіи недостатки не много уменьшаютъ достоинство книги; они легко могутъ быть исправлены при второмъ изданіи, котораго очень можно желать сколько для успѣховъ словесности нашей, столько и для того, что бы воздать достойную честь памяти *Г-на Рижскаго*.

В.

Живописная картина семейственной жизни, или Г. Г. Россійско-Армейской Офицерѣ и Графиня Л... Сочиненіе Августа Лафонтена. Переводѣ сѣ Нѣмецкаго, 6 частей. Москва. Печатано вѣ Типографіи С. Селивановскаго, 1812 года.

Августъ Лафонтенъ занимаетъ отличное мѣсто между нынѣшними Сочинителями Романовъ. Точное изображеніе человѣческаго сердца и пріятный слогъ украшаютъ его произведенія. Сей авторъ могъ бы сравняться съ лучшими Романистами, естьлибъ писалъ менѣе. Чрезмѣрная его плодовитость вредитъ успѣхамъ и совершенству трудовъ его. Въ новыхъ его сочиненіяхъ находимъ безпрестанно повтореніе старыхъ: вездѣ одно и тоже, разказываемое иногда и тѣми же словами; характеры однообразны и потому не занимательны; вездѣ герой — молодой человѣкъ, отличныхъ свойствъ ума и сердца, воспитанный по системѣ Руссо; героиня — кроткая, сентиментальная дѣвушка; у героя — отецъ, или дядя, доброй чудакъ, пристрастный къ

какому нибудь званію или искусству; у героини — мать или тетка, набожная, суевѣрная женщина. Соединенію молодыхъ людей препятствуетъ или неравенство состоянія, или упрямой дядя, часто спесивый или скупой невѣжа; бѣдняжки, въ продолженіи двухъ или трехъ томовъ, вздыхаютъ, ораторствуютъ, отказываются другъ отъ друга; наконецъ является помощь: иногда открываютъ, что бѣдной герой—сынъ какаго нибудь Графа; иногда жестокосердый дядя смягчается, бываетъ принуждаемъ къ согласію обстоятельствами, или, что всего лучше, умираетъ, и любовники играютъ свадьбу.

Впрочемъ сей недостатокъ разнообразія не можетъ затмить въ глазахъ просвѣщенныхъ людей многихъ красотъ, свойственныхъ сочиненіямъ Лафонтена. Особенно занимательны, пріятны и нравоучительны нѣкоторые изъ прежнихъ его романовъ, изданные въ двухъ собраніяхъ: *Gemählde des menschlichen Herzens* и *Familiengemählde*. Изъ перваго переведены на Руской языкъ романы: *Природа и любовь* и *Странный человѣкъ*; а изъ втораго *Новыя семейственныя картины, или жизнь*

сельскаго священника, и *Сенъ-Жюльенъ*. Напечатанный нынѣ романъ: *Живописныя картины семейственной жизни* и проч. взятъ также изъ послѣдняго собранія. Онъ можетъ по справедливости назваться однимъ изъ лучшихъ сочиненій Лафонтена (особливо три первыя части), и мы увѣрены, что онъ понравится нашей публикѣ. Руской переводъ не дуренъ. Читатели не должны устрашаться вздорнымъ заглавіемъ; подлинникъ называется просто: *die Familie von Halden*. Въ шестой части описана на десяти страницахъ шестинедѣльная служба героя сего романа въ Руской арміи во время Турецкой войны, и это пустое обстоятельство сообщило названіе всей книгѣ.

Въ одной новой книгѣ о нынѣшнихъ Нѣмецкихъ писателяхъ, изданной Меркелемъ, сказано о Лафонтенѣ слѣдующее: „Проѣзжая чрезъ городовъ Галле, посѣтилъ я Лафонтена. Я полюбилъ его при первомъ взглядѣ. Лице его показываетъ откровенность и добродушіе. Мы тотчасъ коротко познакомились. Я сказалъ ему что удивляюсь его плодовитости. —Мнѣ ни мало не трудно писать, отвѣчалъ онъ; планъ романа я могу составить

въ четверть часа, и сѣвши за письменный столъ пишу листа два печатныхъ, совсѣмъ не чувствуя усталости.—А отдѣлка? спросилъ я. Онъ признался, запинаясь, что рѣдко перечитываетъ написанное и въ разсужденіи правильности полагается на друга своего, Берлинскаго книгопродавца Зандера, который, печатая его сочиненія, поправляетъ слогъ. Я сказалъ ему учтивость на щетъ той любезной чувствительности, которая видна во всѣхъ его сочиненіяхъ. Жена его увѣряла меня съ улыбкою, что иногда онъ самъ горько плачетъ, сочиняя свои романы. — Одинъ насмѣшникъ сказывалъ мнѣ, что она, увидя однажды мужа своего въ слезахъ, спросила о причинѣ ихъ. Онъ увѣдомилъ ее о печальномъ положеніи, въ которое привелъ двухъ любовниковъ. Она также тронулась и сквозь слезы сказала: пожалуйста, жени ихъ! — Ахъ! отвѣчалъ онъ, рыдая, это невозможно; я пишу еще только первую часть!“

Р.

Конецъ первой части.

СОДЕРЖАНІЕ

Части первой.

I. СЛОВЕСНОСТЬ. Стр.

Нѣчто о журналахъ. - - 1.

Слѣпой съ собакою (Восточная повѣсть). - - - - - 22.

Вліяніе крестовыхъ походовъ на просвѣщеніе въ Европѣ. 40,135.

Второй крестовый походъ и смерть св. Людовика. - 259.

Придворные. - - - - 271.

Синонимы. - - - 84,150,277.

Къ Гарпократу. - - - 49.

Къ Луказію. - - - - 51.

Блаженство. - - - - 159.

Къ юности. - - - - 161.

Къ Неерѣ. - - - - - 164.

Дружество. - - - - 166.

Полимъ и Сіяна (Древняя повѣсть). - - - - - 167.

Гимнъ Венерѣ. - - - - 181.

Надежда. - - - - - 286.

Басни:

1. Волкъ и Лисица. - - - 58.

2. Молодая вдова. - - - 60.

3. Совѣтъ мышей. - - - 61.

4. Волкъ и Журавль. - - 281.

Стр.
5. Обманъ за обманъ. - - 282.
6. Сыщи. - - - - - - 284.
Эпиграммы. - - - 64,182,287.
II. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.
Замѣчанія о значеніи словъ и о синонимахъ. - - - 65.
О термолампѣ Гг. Соболевскаго и Д'Оррера (съ чертежемъ). 89.
Проектъ освѣщенія водотворнымъ газомъ Адмиралтейскаго булевара и нѣкоторыя примѣчанія объ устроеніи термоламповъ. - - - 251.
Историческое обозрѣніе Художествъ въ Россіи. - - 183.
Задача любителямъ Эпимологіи. - - - - - - 204.
Историческое изслѣдованіе о войнѣ В. К. Святослава I съ Греками. - - - - - 288.
Объ Елегіи. - - - - - 322.
III. КРИТИКА.
Всеобщая Философическая Грамматика, изданная Н. Язвицкимъ. - - - - - - 93.
Карпина народовъ, населяющихъ Европу, и религій, исповѣдываемыхъ ими. Пер. П. Яковлева. - - - 102.

Стр.

Разсматриватель жизни и нравовъ. Соч. Н Страхова. 105.

Исторія Генералиссимуса Князя Италійскаго, Графа Суворова Рымникскаго. Соч. Е. Фукса. - - - - - - 109.

Прибавленіе къ разговорамъ о словесности, или возраженія противъ возраженій, сдѣланныхъ на сію книгу. 122.

Дѣтская Энциклопедія или новѣйшее понятіе о всѣхъ наукахъ. - - - - - - 216.

Новѣйшій Географическій учитель, научающій дѣтей познанію Математической, Физической и Политической Географіи. - - - - 220.

Сокращеніе Всеобщей Исторіи. 224.

Дѣтская натуральная Исторія, или картинная галлерея животныхъ. - - - 225.

Первыя основанія Французскаго языка, или новая Грамматика въ пользу Россійскаго юношества: соч. Д. де Будри. - - - - - 226.

Слѣдствія пылкихъ и необузданныхъ страстей, трагедія

Стр.
въ 5 дѣйствіяхъ. - - - 228.
Мошенники, комедія въ 5 дѣйст: 229.
Новыя Географическія карты четырехъ странъ свѣта. - 231.
Анекдоты Г. Волтера. - - 233.
Извѣстіе о Французскомъ романѣ: Les souterrains de la Roche de Baume, etc. - - 239.
Гимнъ великолѣпію Коринѳа и Аѳинъ. Пер. съ Нѣмецкаго. 337.
Новая Теоретическая и Практическая руская Грамматика для Нѣмцовъ, съ примѣрами и уроками для перевода и съ присовокупленіемъ начерпанія Россійской Исторіи. Соч. Таппе. 339.
Наука стихотворства. Соч. Рижскаго. - - - - 344.
Живописная картина семейственной жизни, или Г. Г. Россійско - Армейской Офицеръ и Графиня Л... Пер. съ Нѣмецкаго. - - - - 353.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:	Читай:
Стр. 13, Строк. 27: сіи драгоцѣннье остатки	сіи драгоцѣнные остатки прежней руской словесности.
— 48, — 6: ardui	arduis
— 80, — 27: Продимъ	Продигъ
— 81, — 12: Андри (Andry), Буарегаръ,	Андри-Буарегаръ (Andry-Boisregard),
— 82, — 18: сочинителями о синонимахъ	сочинителями разсужденій о синонимахъ
— 287, — 1: Эпиграмы.	Эпиграммы:
— — — 3: толстосумъ,	Толстосумъ,
— 337, — 25: въ шляпахъ	въ шляпкахъ

A, 1103, 2016 H.Man

1812
1/366б
ч. 1
№ 1-3
РЖФ
ч/ф